ПРОТОІЕРЕЙ

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГОРСКІЙ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ О НЕМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ВЪ ДВАДЦАТЬПЯТУЮ ГОДОВЩИНУ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ.

11 и 22 Октября 1900 года.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ НЕИЗДАННЫХЪ БУМАГЪ ИЗЪ АРХИВА А. В. ГОРСКАГО).

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

ПРОТОІЕРЕЙ

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ О НЕМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

въ двадцать пятую годовщину со дня его смерти.

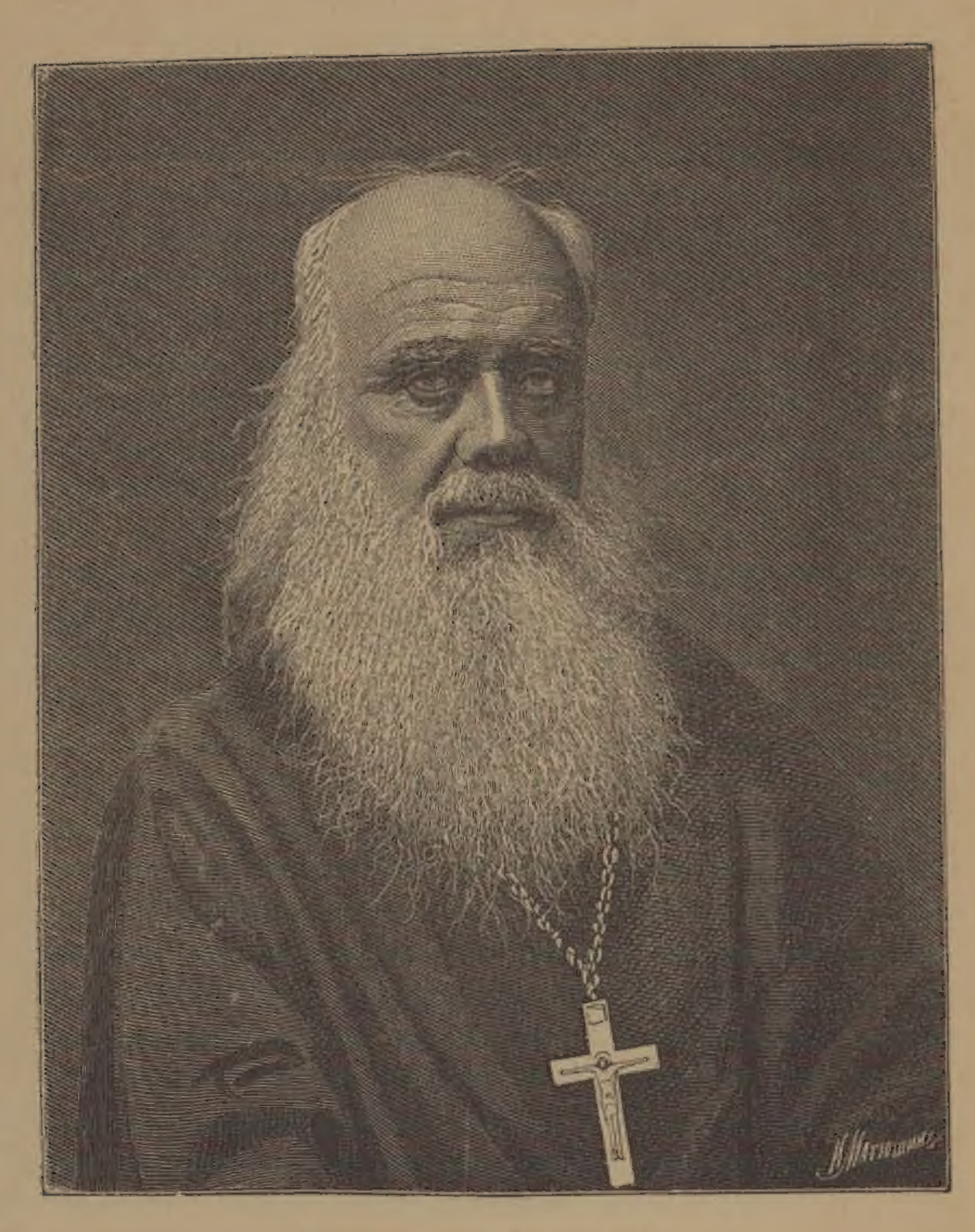
11 и 22 Октября 1900 года.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ НЕИЗДАННЫХЪ БУМАГЪ ИЗЪ АРХИВА А. В. ГОРСКАГО).

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1900.

Оттиски изъ № 11 „Богословскаго Вѣстника“ за 1900 годъ.

Печатать разрѣшается, 5 Ноября 1900 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Арсеній*.



Александръ Васильевичъ
ГОРСКІЙ.

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ

ПРОТОІЕРЕЯ

Александра Васильевича

ГОРСКАГО

въ Московской Духовной Академіи 11 и 22 Октября.

11-го Октября текущаго 1900 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня кончины незабвеннаго Ректора Московской Духовной Академіи, Протоіерея Александра Васильевича Горскаго. Въ глубокой признательности къ великимъ заслугамъ покойнаго, которому она обязана лучшими свойствами своей ученой и корпоративной жизни, Московская Академія не сочла возможнымъ провести этотъ день, не ознаменовавъ его нарочитымъ торжествомъ въ честь того, чье имя стоитъ въ центрѣ всѣхъ ея священныхъ преданій. Такъ какъ 11-е Октября въ настоящемъ году падало на учебный день, то, чтобы не нарушать обычнаго теченія академическихъ дѣлъ, рѣшено было чествованіе памяти Александра Васильевича Горскаго распредѣлить на два дня—на 11-е и 22-е Октября.

11-е Октября было посвящено *церковному* поминовенію о рабѣ Божіемъ Протоіереѣ Александрѣ. Въ этотъ день, раннимъ утромъ, до начала учебныхъ занятій, была отслужена въ академическомъ храмѣ заупокойная литургія, а затѣмъ въ часъ дня, по окончаніи занятій, состоялась торжественная паннихида, которую совершилъ Ректоръ Академіи, Преосвященный Арсеній, въ сослуженіи прочаго академическаго духовенства и въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и студентовъ Академіи.

На 22-е Октября, — день празднованія Казанской Божіей Матери, — назначено было *ученое* торжество въ честь славнаго дѣятеля науки и приснопамятнаго для Академіи Ректора ея. Оно началось также молитвой въ академическомъ храмѣ, гдѣ праздничную литургію служили Преосв. Арсеній и все академическое духовенство. За литургіей, во время запричастнаго стиха, проф. Н. А. Заозерскій произнесъ прочувствованное и назидательное слово объ ученыхъ заслугахъ и христіанскихъ достоинствахъ чествуемаго. Тотчасъ послѣ литургіи священнослужители и всѣ присутствовавшіе въ храмѣ отправились на могилу А. В. Горскаго, находящуюся въ академическомъ саду, чтобы здѣсь еще разъ помолиться за упокой его души. Трогательна и величественна была эта паннихида подъ открытымъ небомъ, въ морозномъ воздухѣ, у самаго гроба того, на которомъ сосредоточивались теперь всѣ мысли и чувства академической семьи!

Въ 12-ть часовъ дня въ актовомъ залѣ Акаде-

міи открылось торжественное собраніе начальствующихъ, профессоровъ и студентовъ. Здѣсь первымъ взошелъ на каѳедру С. И. Смирновъ, предложившій вниманію собравшихся обстоятельную и яркую біографію — характеристику А. В. Горскаго, какъ ученаго, профессора и ректора Академіи и какъ человѣка — христіанина. По окончаніи рѣчи Смирнова хоръ студентовъ — пѣвчихъ исполнилъ умилительную пѣснь: „Утоли печали". Затѣмъ, каѳедру занялъ проф. Г. А. Воскресенскій и подѣлился своими воспоминаніями о Горскомъ, подъ руководствомъ котораго онъ началъ свою ученую дѣятельность, а также охарактеризовалъ его высокія заслуги въ области славяно-русской историко-филологической науки. Дальнѣйшее слово принадлежало проф. В. А. Соколову. Воспитанникъ времени Горскаго, непосредственно знакомый съ тогдашнимъ строемъ академической жизни, проф. Соколовъ въ живой рѣчи и съ сильнымъ одушевленіемъ возстановилъ предъ слушателями образъ Александра Васильевича, какъ профессора и ректора, и картинно описалъ отношенія его къ Академіи и студентамъ. Выслушавъ эту рѣчь, все собраніе, по предложенію Преосв. Ректора, пропѣло: „Со святыми упокой". Тогда на каѳедру поднялся старѣйшій профессоръ Академіи, Д. Ѳ. Голубинскій и предложилъ собранію еще нѣсколько новыхъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ, проникнутыхъ искреннимъ уваженіемъ и благодарностью къ почившему, — главнымъ образомъ за участіе его въ дѣлѣ учрежденія при Академіи

каѳедры естественно-научной апологетики, занимаемой лекторомъ.

Актъ закончился общимъ пѣніемъ „вѣчной памяти“ доблестному мужу науки и вѣры,—уже въ 5-мъ часу вечера, — но этимъ еще не закончились всѣ воспоминанія академической семьи. Послѣ акта профессорская корпорація собралась въ квартирѣ Преосв. Ректора, и здѣсь снова бесѣда возвратилась къ тому же предмету. Особенно заинтересованы были бесѣдующіе разсказами о Горскомъ, предложенными въ мастерской рѣчи В. О. Ключевскимъ, которые тутъ же пополнялись или объяснялись присутствующими современниками Ал. Вас. Только въ 8 ч. вечера, проведя весь день въ стѣнахъ Академіи въ воспоминаніяхъ о своемъ незабвенномъ Ректорѣ, профессорская корпорація разошлась по своимъ домамъ.

Глубокое впечатлѣніе оставилъ по себѣ академическій праздникъ во всѣхъ участникахъ его. Въ этотъ день А. В. Горскій какъ бы снова ожилъ для Академіи и по-прежнему собралъ около себя академическую семью. Какъ живой рисовался онъ въ рѣчахъ и воспоминаніяхъ о немъ, призывая всѣхъ идеальной чистотой своего несравненнаго образа къ самоотверженному служенію задачамъ, завѣщаннымъ отъ него Академіи и богословской наукѣ.

СЛОВО,

произнесенное профессоромъ Н. А. Заозерскимъ на литургіи 22 октября.

> Ревнуйте дарованій большихъ и еще по превосхожденію путь вамъ показую (1 Кор. XII, 31).

Безцѣнные дары Божественнаго свѣта отъ приснотекущей зиждительной силы Животворящаго Духа изливаются на усыновленныхъ Отцу чадъ Божіихъ крестною жертвою Сына Божія. Всѣ и каждый, удостоившіеся права сыноположенія воспринимаютъ многоразличные дары Духа и, какъ люди, различно употребляютъ ихъ. Одни, пріемля пять талантовъ, дѣлаютъ и пріобрѣтаютъ другіе пять, иные—два, дѣлаютъ и пріобрѣтаютъ другіе два; но есть и такіе, кои, принявъ отъ Всевышняго Раздаятеля одинъ талантъ—не пользуются ни сами, ни другихъ не снабжаютъ, а скрываютъ въ землю. И вотъ Св. Апостолъ, имѣя въ виду съ одной стороны это многоразличіе человѣческой воспріемлемости даровъ Духа, а съ другой—неисчерпаемую глубину богатства премудрости и разума Божія, восторженно взываетъ чадамъ Божіимъ: *ревнуйте большихъ дарованій.* Не говоритъ: просите, ищите—но: *ревнуйте*; не просто *дарованій* но: ревнуйте дарованій *большихъ* т. е. высшихъ, и за тѣмъ—„я покажу вамъ, стяжавшимъ эти большіе дары—путь, еще болѣе высшій—по превосхожденію.

Что это за дары? Они многоразличны: даръ исцѣленій, даръ языковъ, даръ пророчества, даръ управленія, но высшій изъ всѣхъ даровъ—даръ премудрости и разума. Это—верхъ человѣческаго желанія, верхъ желаній человѣка, земнаго

жителя, съ одной стороны уничиженнаго до подобія съ пресмыкающимся червемъ и прахомъземнымъ, съ другой -возвеличеннаго и украшеннаго до высоты сверхъ-чувственнаго, равноангельскаго состоянія — безплотныхъ небожителей, непосредственныхъ созерцателей Божественнаго Источника свѣта.

Удивительно ли, что изъ глубокой, сѣдой древности мы слышимъ молебный къ Источнику премудрости и разума вопль о дарованіи премудрости и похвалу ей; вѣдь не мириться же человѣку съ жребіемъ червя и праха земнаго! „Я молился— вѣщаетъ намъ древній мудрецъ—и (Господь) даровалъ мнѣ разумъ; я взыскивалъ и сошелъ на меня духъ премудрости. Я предпочелъ ее скипетрамъ и престоламъ и богатство почиталъ за ничто въ сравненіи съ нею. Драгоцѣннаго камня я не сравнялъ съ нею, потому что предъ нею все золото— ничтожный песокъ, а серебро—грязь въ сравненіи съ нею. Я возлюбилъ ее болѣе здоровья и красоты, я избралъ ее предпочтительно передъ свѣтомъ: *ибо свѣтъ ея неугасимъ*. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя... Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благости Его. Она одна — но можетъ все, и пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ и, переходя изъ рода въ родъ въ святыя души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ..... Я возлюбилъ ее и взыскалъ отъ юности моей и пожелалъ взять ее въ невѣсту себѣ и сталъ любителемъ красоты ея. Она возвышаетъ свое благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ Богомъ и Владыка всѣхъ возлюбилъ ее..... Посему я разсудилъ принять ее въ сожитіе съ собою, зная, что она будетъ мнѣ совѣтницею на доброе и утѣшеніемъ въ заботахъ и печали. Черезъ нее я буду имѣть славу въ народѣ и честь предъ старѣйшими, будучи юношею; окажусь проницательнымъ въ судѣ и въ глазахъ сильныхъ заслужу удивленіе..... Чрезъ нее я достигну безсмертія и оставлю вѣчную память будущимъ послѣ меня“ [1]).

Но что намъ, братіе, эти рѣчи древняго мудреца!

Прошло лишь 25 лѣтъ какъ изъ скромной среды нашей изъятъ былъ избранникъ Божій, ревнитель христіанской мудрости, начальникъ, учитель и отецъ Академіи, блажен-

[1]) Книга Премудр. Соломона, гл. VII—VIII, 9—13.

ный создатель сего всечестнаго храма Покрова Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы. Его трудами, слезами и молитвами созданъ былъ храмъ сей; и да не смущается, но да возрадуется сердце ваше присоединеніемъ къ мольбамъ Заступницѣ Усердной молитвеннаго воспоминанія о приснопамятномъ создателѣ св. храма Ея.

Мы были свидѣтелями и самовидцами жизни этого ревнителя большихъ дарованій, этого христіанскаго мудреца, его сожитія съ избранною имъ невѣстою — мудростію; были свидѣтелями блаженной кончины его, стяжавшаго — въ союзѣ съ нею—славу, мало сказать въ народѣ русскомъ, но во всѣхъ народахъ славянскихъ—православныхъ; и эта слава не забудется въ нихъ, пока они будутъ знать или — по крайней мѣрѣ не забудутъ своей исторіи, пока не забудутъ начало—вождей своей исторіи—равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Тысяча лѣтъ раздѣляла ихъ отъ нашего учителя и отца: но онъ былъ ревностнѣйшимъ продолжателемъ святаго дѣла ихъ, извлекъ изъ тьмы забвенія и невѣжества на свѣтъ Божій прекрасные плоды ихъ просвѣтительной дѣятельности на славянорусской почвѣ, и въ разгаръ братоненавистнической распри безбоязненно и рѣшительно съ силою евангельской и канонической истины въ семъ храмѣ защищалъ правое дѣло угнетаемыхъ.

Свѣтъ мудрости неугасимъ — вѣщалъ древній мудрецъ: оправданіе этой истины на глазахъ нашихъ.

Прошло четверть вѣка съ того дня, какъ нашъ незабвенный любитель мудрости изъятъ изъ среды нашей. Но можно ли сказать, что не только *угасъ*, а лишь *померкъ* нѣсколько свѣтъ его мудрости? Напротивъ, должно сказать, что прошло еще весьма мало времени для того чтобы свѣтъ этой христіанской мудрости возсіялъ во всемъ блескѣ величія и красоты: многое изъ дѣлъ его должно еще храниться подъ спудомъ- ради злобы временъ и по уважительнымъ обстоятельствамъ. И кто знаетъ, не будутъ ли отдаленныя поколѣнія счастливѣе насъ, свидѣтелей жизни его, узнавъ и изучивъ то, что отъ насъ остается сокрытымъ? Не даромъ же знаменитый витія — одинъ изъ славныхъ учениковъ его— въ своемъ надгробномъ словѣ говорилъ о немъ: „Онъ изъятъ отъ насъ, но оставилъ *дѣла* и какъ счастливъ, стократъ счастливъ тотъ, кому Богъ судитъ, какъ избраннику, оста-

вить по себѣ такія дѣла, какія оставляетъ новопреставленный для назиданія и подражанія другихъ, ближайшихъ и дальшихъ поколеній“ [1]).

И не думаете ли вы, братіе, что я осмѣлюсь въ похвалу его повѣствовать о дѣлахъ мудрости его? Нѣтъ и нѣтъ. Не достало бы мнѣ для сего—не обинуясь скажу – ни времени, ни необходимаго для сего нравственнаго совершенства. Не въ похвалахъ нуждаются подобные Божіи избранники, но мы, ничтожные свидѣтели дѣлъ ихъ, нуждаемся въ благодатномъ озареніи и очищеніи, дабы право свидѣтельствовать объ истинѣ и не заслужить суда исторіи въ извращеніи ея.

Простите мнѣ вы, ревнители памяти нашего незабвеннаго христіанскаго мудреца, что въ мѣру силы своей я лишь кратко коснусь словомъ своимъ одного и перваго свойства его христіанской мудрости, которое Апостолъ называетъ чистотою: *яже свыше премудрость первѣе убо чиста есть* (Іаков. Посл. III, 17).

Одинъ изъ позднѣйшихъ учениковъ его, я помню его уже старцемъ, ветхимъ деньми, но никогда я невидѣлъ въ немъ старческой дряхлости. Обычный видъ его — видъ простаго старика—православнаго священника. Но стоило лишь услышать голосъ его и приблизиться на такое разстояніе, чтобы увидѣть свѣтъ очей его, чтобы сразу ощутить свое ничтожество предъ величіемъ и красотою этого старца. Величественъ былъ взоръ его, пріосѣненный густыми бровями — мудрости, но въ то-же время привѣтливъ – привлекалъ къ себѣ. Бывалъ, однакоже, и гнѣвенъ взоръ его. Помню я, какъ однажды въ 10-й, вечерній часъ—часъ молитвы, которую мы совершали группами каждая, въ своей занятной комнатѣ, вмѣсто молитвы мы тѣсно сплотились вокругъ своего товарища—веселаго расказщика. Въ самый разгаръ его шумной рѣчи вдругъ раздался голосъ: „что̀ вы дѣлаете?.“ Какъ громомъ поразилъ насъ этотъ голосъ, мы увидали стоявшаго предъ нами старца — ректора — и онѣмѣли отъ стыда и ужаса. „Не ужели для такихъ бесѣдъ вамъ мало было времени! Вамъ нравятся такія бесѣды? И въ этотъ часъ!“—Но за тѣмъ, видя, вѣроятно, что мы крайне сму-

[1]) Слово Арх. Михаила.

щены, онъ продолжалъ значительно мягче: „Неужели одного этого часа вы не могли сберечь для себя! Какъ вы приступите къ молитвенному общенію съ Богомъ, когда мнѣ, человѣку, противно быть съ вами!“ И съ поникшею головою онъ тихо удалился отъ насъ.

До сихъ поръ я не могу забыть этого урока. Такъ чиста была его душа и такъ отражалась она во взорѣ его, что все пошлое и низкое невольно сжималось предъ нимъ стыдѣніемъ лица.

Я живо помню обстановку жилища его и бесѣды съ нимъ въ этомъ жилищѣ. Все обширное помѣщеніе его имѣло видъ палатъ библіотеки, уставленныхъ полками и книжными шкафами—съ полу до верху. Обычнымъ часомъ для бесѣдъ его со студентами былъ послѣужинный—9-й. Въ этотъ часъ мы приходили къ нему за книгами — пособіями для сочиненій по всѣмъ наукамъ; въ этотъ же часъ онъ призывалъ студента, проповѣдь котораго онъ предназначалъ къ произношенію въ храмѣ; онъ поощрялъ эти хожденія за книгами и охотно давалъ послѣднія и бесѣдовалъ съ юношами во всей простотѣ. Безбоязненно можно было открывать ему всю свою душу. О чемъ же были эти бесѣды? Конечно, ближайшимъ образомъ о предметѣ сочиненія, но они выходили и далеко за эти предѣлы. И было о чемъ бесѣдовать....

Какое было то время? Семидесятые годы (1872 — 1875). Время—быстро смѣнявшихъ одна другую реформъ, время кипучей литературной дѣятельности; время такой свободы печати и открытой, и подпольной, какая теперь представляется дѣломъ невѣроятнымъ. Великихъ общественныхъ дѣятелей, дѣятелей науки и литературы дало это время; но оно взлелѣяло и не мало горячихъ головъ, которыя, схвативъ верхушки теорій матеріалистическихъ, нигилистическихъ, соціалистическихъ, отважно выходили на путь пропаганды ихъ въ средѣ народа, возбуждая по преимуществу юношество къ ломкѣ всѣхъ устоевъ жизни, безпощадно критикуя и разрушая бытъ *отцовъ* и призывая *дѣтей* къ устройству какого то совершенно новаго личнаго, семейнаго и общественнаго быта.

Съ большимъ тактомъ нашъ учитель и отецъ затрогивалъ и эту щекотливую сферу вопросовъ мысли и жизни, которая, конечно, не могла быть не извѣстна ни одному

мало-мальски развитому юношѣ—того времени. И вотъ нерѣдко, въ тонѣ рѣчи нашего учителя въ такого рода бесѣдахъ можно было слышать: „ужъ не увлекаетесь ли и вы?"

Въ его распоряженіи было такъ много средствъ для удаленія всякаго нравственнаго колебанія, свойственнаго неустойчивому юношескому возрасту, что ему не было никакихъ основаній опасаться неудачи своего благотворнаго воздѣйствія. Его начитанность была такъ обширна, его ученость такъ глубока, что всякая заманчивая для его юнаго собесѣдника новинка оказывалась ему хорошо извѣстной, взвѣшенной и оцѣненной. Послѣдствіемъ такого духовнаго соприкосновенія съ этою живою мудростію выходило то, что юный собесѣдникъ выходилъ послѣ бесѣды съ яснымъ сознаніемъ, что онъ не только еще не посвященъ своею начитанностію въ тайны науки и прогресса, а ознакомленъ не болѣе, какъ только съ вывѣсками ихъ, иногда грубо размалеванными дешевою кистью и красками публициста, популяризатора или беллетриста.

Его образовательно — воспитательную программу можно, кажется, свести къ слѣдующимъ началамъ:

1) Займитесь пристальнѣе дѣломъ самообразованія и самовоспитанія, прежде чѣмъ отваживаться учить другихъ.

2) Не довѣряйтесь авторитетамъ особенно пышно рекламируемымъ, не провѣривъ тѣ данныя, на которыхъ они основываютъ свои выводы;

3) Старайтесь изучать языки и знакомиться съ литературою предмета по возможности шире: мы, русскіе, спѣшно усвояемъ перенятое и слишкомъ спѣшно стремимся оповѣстить это, выдавая его за послѣднее слово науки и цивилизаціи.

4) Старайтесь изучать предметъ глубже, не ограничиваясь даже и тщательнымъ знакомствомъ съ готовыми изслѣдованіями; нужно и ихъ провѣрять *первоисточниками*.

Самъ онъ, какъ ученый, въ своихъ трудахъ представлялъ живое осуществленіе этой программы.

Я живо помню послѣдній день его жизни—это суббота 11 Октября. Въ этотъ день утро съ 6 часовъ началось литургіей, послѣ причастнаго стиха которой служившій священникъ со св. чашею въ сопровожденіи діакона и пѣвчихъ—человѣкъ 7—8 послѣдовали въ первый ректорскій залъ для пріобщенія страдальца Св. Таинъ; я былъ въ числѣ

этихъ пѣвчихъ. Меня поразилъ торжественный видъ страдальца. Онъ стоялъ у кресла, поддерживаемый двумя служителями, облаченный въ бѣлую ризу и епитрахиль. Прерывающимся отъ затруднительнаго дыханія голосомъ, но явственно произнесъ онъ слова исповѣданія Тѣла и Крови Христовыхъ, за тѣмъ пріобщился и стоялъ провожая благоговѣйно молитвенными взорами удалявшагося священника. Намъ не хотѣлось уходить, не получивъ его благословенія и мы на нѣкоторое время остались. Онъ опустился въ кресло и мы подошли къ нему, и вотъ его слова: „благодарю васъ..... вы потрудились..... для меня". Мы орошали слезами его руку благословлявшую насъ въ послѣдній разъ.

Странное дѣло! У меня рѣзко запечатлѣлся въ памяти не видъ страдальца, а образъ бѣлаго, свѣтлаго старца не отъ міра сего. Съ опредѣленнымъ убѣжденіемъ я вышелъ, что болѣе уже нѣтъ съ нами нашего земнаго учителя и отца!

Помню живо, что цѣлый этотъ день была какая то особенная тишина; всѣ какъ будто въ полголоса спрашивали: не слыхать ли чего?

Въ одиннадцатомъ часу вечера эта тишина разрѣшилась вѣстью, что отца нашего не стало!

Тогда не было въ обычаѣ выражать признательность усопшему вѣнками. Да и страннымъ представилось бы намъ студентамъ вѣнчать его такими лаврами. Никогда онъ не искалъ подобныхъ вѣнцовъ.

Но у насъ быстро сформировалась мысль—установить изъ себя череды для ежедневныхъ раннихъ обѣденъ въ теченіи сорокоуста. И мы осуществили эту мысль, не пропустивъ ни одного дня безъ того, чтобы послѣ литургіи не совершить на могилѣ его литіи.

Меня долго занималъ вопросъ какъ при жизни такъ и по смерти почившаго—какая внутренняя движущая сила опредѣляла его жизнедѣятельность? Какая страсть заставляла его такъ жить, такъ относиться къ людямъ? Въ чемъ онъ находилъ цѣль жизни и свое счастье? Именно счастье: ибо я его всегда видѣлъ жизнерадостнымъ.

Никакого, никакого, даже ученаго честолюбія у него не было, корыстолюбія не было, исканія популярности не было, пристрастія къ удовольствіямъ не было.

Разрѣшеніе вопроса я нашелъ въ дневникѣ его. Вотъ на-

чало его дневника, написанное имъ — двадцати лѣтнимъ юношею:

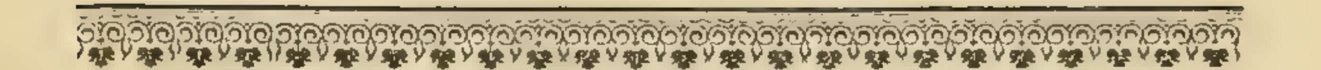
„Что такое я?—О несносныя оковы! Отъ одного взора на васъ, отъ одного присутствія вашего напуганная душа моя боится предаться всей свободѣ чувствъ своихъ!.... Во мнѣ живетъ *два я*, но они тотъ же одинъ я самъ только въ двухъ различныхъ, болѣе или менѣе остепенившихся и укрѣпившихся положеніяхъ.....

„Есть я всеугодливое, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастію моему... Другое я самостоятельное, отъ котораго каждый разъ я получаю строгіе выговоры за послушаніе первому, которое родилось со мною, это: природная живость, упругость и саморазгибаемость моихъ силъ".

Это писалъ двадцатилѣтній юноша. Вся жизнь его за тѣмъ была непрерывнымъ такимъ самобичеваніемъ. Высшимъ судіею его былъ этотъ его внутренній человѣкъ — это всегда живое упругое, саморазгибающееся въ силахъ своихъ духовно-нравственное существо. Оно свыше питалось общеніемъ съ Богомъ, любовью къ Которому онъ всегда желалъ горѣть и непреодолимою склонностью къ знанію. Эти двѣ силы парализовали въ немъ всѣ и всяческія обычныя побужденія и страсти человѣческія и дѣлали его простымъ пріятнымъ со всѣми человѣкомъ при неизмѣримой высотѣ его интеллектуально-нравственной личности.

Возблагодаримъ Господа и Пречистую Матерь Его, Имени Которой великимъ старцемъ нашимъ посвященъ храмъ сей, за дарованіе нашей высшей богословской школѣ мужа, составляющаго славу и честь ея! Помолимся о немъ, да вселитъ его Господь въ невечернѣмъ царствіи своемъ, гдѣ онъ во очію узритъ свѣтъ истины и любви, которыя онъ стремился воплотить въ себѣ и другихъ.

Н. Заозерскій.



АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

Этотъ аскетъ-профессоръ, этотъ инокъ-мірянинъ, съ подвижническою жизнію соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами, это было необыкновенное явленіе. Оно едва ли повторится. Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской академіи....

Гиляровъ-Платоновъ.

Лѣтомъ 1828 года баккалавръ Московской духовной академіи іеромонахъ Аѳанасій, посланный ревизоромъ въ Костромскую семинарію, облюбовалъ для академіи бойкаго шестнадцати—лѣтняго философа Александра Горскаго. Спустя пять лѣтъ, въ августѣ 1833 г. конференція Московской академіи вызвала изъ Московской семинаріи баккалавромъ на церковную исторію много обѣщавшаго магистра восьмого курса Александра Васильевича Горскаго. Прошло 42 года и наша академія лишилась своего ректора,—ученаго, извѣстнаго въ Россіи и за границей, протоіерея Горскаго. Это случилось 25 лѣтъ тому назадъ 11 октября 1875 года. Московская духовная академія, взявшая себѣ Горскаго съ лѣтъ его отрочества, только на одинъ годъ его отпустила отъ себя въ близкую семинарію, оплакала кончину, похоронила его останки вблизи своихъ стѣнъ и „гробъ его съ нами“... Онъ принадлежитъ академіи, этотъ достойнѣйшій изъ ея сыновъ, слава русской науки, украшеніе родной церкви. День 25-лѣтія со дня его кончины нашъ академическій великій праздникъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и праздникъ русскаго духовнаго просвѣщенія. Прося снисхожденія и терпѣнія просвѣщеннаго собранія, я попытаюсь разсказать жизнь Александра Васильевича, какъ изображаетъ ее мертвая бумага и живое наше академическое преданіе [1]).

[1]) Пишущій эти страницы, чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи. А. В. Горскаго онъ не могъ знать лично и свои свѣдѣнія бралъ больше изъ книгъ, отчасти изъ рукописей и изъ устныхъ разсказовъ (— Д. Ѳ. Голубинскаго, П. И. Горскаго, Е. Е. Голубинскаго, которымъ свидѣтельствуетъ свою благодарность). Поэтому онъ опасается не удовлетворить ни тѣхъ, кто помнитъ незабвеннаго А. В—ча, ни тѣхъ, кто интересуется его личностью, читалъ и слыхалъ о немъ. Для послѣднихъ эти страницы не дадутъ чего-либо новаго, для первыхъ же самое представленіе о личности А. В—ча можетъ показаться фальшивымъ, истолкованіе источниковъ неправильнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ вина лежитъ можетъ быть не на одномъ авторѣ, а и на источникахъ, недостаточно рисующихъ сложный образъ Горскаго. Съ своей стороны авторъ приноситъ только посильную дань благоговѣнія одной изъ крупнѣйшихъ (если не самой крупной) личности, воспитанной родной академіей. На людяхъ, хорошо знавшихъ А. В—ча и твердо его помнящихъ, лежитъ нравственный долгъ подѣлиться своими воспоминаніями объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Чтобы избѣжать дробной цитаціи, приводимъ главнѣйшие источники:

1. Дневникъ А. В. Горскаго. Приб. къ Тв. св. Отцовъ, кн. 34 и 35. Изданъ съ пропусками, по большей части не оговоренными, и недостаточно тщательно.

2. Письма къ А. В—чу митр. Филарета. Тамъ же, кн. 29 и 30.

3. „ Филарета архіеп. Черниговскаго. Тамъ же, кн. 31, 33 и 36.

4. „ Евсевія Орлинскаго, архіеп. Могилевскаго. Тамъ же, кн. 37.

5. „ Протоіерея В. С. Горскаго и самого А. В—ча къ Ѳ. А. Голубинскому, любезно сообщенныя намъ Д. Ѳ. Голубинскимъ.

6. Нѣкоторыя письма и бумаги изъ архива А. В. Горскаго въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

7. *С. К. Смирновъ,* Воспоминанія о покойномъ ректорѣ Моск. Дух. Академіи А. В. Горскомъ. Рѣчь. Прав. Обозр. 1876, III.

8. *С. К. Смирновъ,* Исторія Моск. Дух. Академіи.

9. *П. С. Казанскій,* Изъ моихъ воспоминаній объ А. В. Горскомъ по поводу рѣчи проф. С. Смирнова. Прав. Обозр., 1876, III.

10. Памяти о. ректора М. Д. Академіи, протоіерея А. В. Горскаго. (Некрологъ и рѣчи). Прав. Обозр. 1875, III.

11. *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ,* Сборникъ сочиненій, изд. подъ редакціей К. П. Побѣдоносцева. т. II.

12. *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ,* Изъ пережитого.

13. *Н. И. Троицкій,* Воспоминанія о прот. А. В. Горскомъ, по поводу трехъ его писемъ. Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1881, III.

I.

Воспитаніе.

Горскій родился въ Костромѣ въ 1812 году (16 августа). Семья Горскихъ была видная въ городѣ. Отецъ — Василій Сергѣевичъ, получилъ образованіе въ Троицкой Лаврской семинаріи и былъ сначала профессоромъ своей Костромской семинаріи, затѣмъ перешолъ въ соборъ во священники. Оставивъ должность преподавателя, онъ сдѣлался смотрителемъ духовнаго училища, а получивъ санъ протоіерея каѳедральнаго собора, оставляетъ и смотрительство, ограничиваясь уроками въ дворянскихъ семействахъ. Письма Василія Сергѣевича заставляютъ видѣть въ немъ интеллигентнаго по своему времени человѣка, бывшаго профессора россійской

14. (*А. И. Смирновъ*) Изъ студенческаго дневника. Воспоминанія объ А. В. Горскомъ. Душ. Чт. 1891, Ш.

15. *Гр. М. Вл. Толстой:* а) Воспоминанія, Р. Архивъ 1881 г. в) Воспоминанія о моей жизни и ученьи въ Сергіевомъ Посадѣ (1825 — 1830, Богосл. Вѣст. 1894, IV и с) Хранилище моей памяти, Душ. Чт. 1890, Ш.

16. *Гр. А. Воскресенскій*, А. В. Горскій. Слав. Обозрѣніе 1892, 3.

17. *А. Д. Бѣляевъ*, А. В. Горскій. М. 1877?

18. *Арх. Григорій*. Къ біографіи ректора Моск. Дух. Академіи А. В. Горскаго. Чт. Общ. Ист. и Др. 1875, Ш.

19. *Гр. Дим. И. Толстой*, А. В. Горскій. Біографическій очеркъ. Р. Архивъ, 1875, 3.

20. *Е. Н. Воронецъ*, Къ воспоминаніямъ о скончавшемся въ Бозѣ прот. А. В. Горскомъ.

21. *Т. И. Филиповъ*, А. В. Горскій, Ж. М. Нар. Просв. 182 ч., также *Сборникъ* Т. Филипова. Спб. 1896.

22. *А. П. Лебедевъ*, Церковный историкъ А. В. Горскій (въ „Церк. исторіографіи въ главныхъ ея представителяхъ съ IV в. по XX“).

23. *Н. С. Тихонравовъ*, Горскій и Невоструевъ. Изъ литографированнаго курса по исторіи русской литературы $18^{81}/_{82}$ г.

24. *С. Г. Поповъ*, Ректоръ Моск. Дух. Ак. А. В. Горскій, Бог. Вѣстн. 1896 г. и отдѣльно. Здѣсь собрано много интереснаго матеріала для біографіи А. В-ча, но обработка его оставляетъ желать многаго.

25. *С. Г. Поповъ*, А. В. Горскій въ началѣ своей профессорской дѣятельности по письмамъ Филарета, архіеп. Черниг. Душ. Чт. 1896, III.

Немало данныхъ мы извлекли изъ *Собранія мнѣній и отзывовъ м. Филарета, изд. преосв. Саввой*, изъ *Автобіогр. записокъ* послѣдняго, печатающихся въ приложеніи къ Богосл. Вѣстнику, а также изъ изслѣдованія *Н. Барсукова*, жизнь и труды М. П. Погодина I—XIII томы.

словесности и краснорѣчія, не лишоннаго поэтическаго чувства, съ умомъ крѣпкимъ отъ природы, съ здравомысліемъ, не поврежденнымъ наукой, съ опредѣленными нравственными устоями [1]). Одна черта особенно отличала Василія Сергѣевича — необыкновенная доброта, которая перешла по наслѣдству къ А. В-чу. Его мать Ольга Кузьминишна, дочь костромского протопопа, умная женщина, была воспитана по домашнему по старинному. Она обладала характеромъ твердымъ и видимо правила домомъ какъ глава. Кругъ тѣхъ понятій, какія нужны для порядка жизни, былъ одинъ и тотъ же у обоихъ родителей Горскаго. Оба они были люди религіозные, патріархальные, проникнутые безусловнымъ повиновеніемъ церковному уставу и вѣковому укладу русской жизни, созданному церковью. Указанныя черты — взаимно дополняющее различіе въ характерахъ и полное сходство жизненныхъ понятій у родителей А. В-ча сообщили миръ да ладъ ихъ отношеніямъ, необычайную устойчивость всей жизни семьи, сообщили наконецъ строгую опредѣленность тому воспитанія, которое получилъ будущій ученый.

По природѣ А. В. былъ живымъ и рѣзвымъ мальчикомъ, съ необычайно чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Сердцемъ онъ понялъ все окружающее и развился раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Преждевременное развитіе вызывается обычно какой-нибудь ненормальностью въ воспитаніи и она имѣла здѣсь мѣсто. Можетъ быть слишкомъ много будетъ сказать, что педагогическія понятія родителей Горскаго совпадали съ домостроевскими, но во всякомъ случаѣ отъ нихъ сильно отзывало Домостроемъ. Но педагогія древней Руси разсчитана на грубую натуру, непокорную или злую волю: она рекомендуетъ грозу и лозу, но не ласку, вовсе запрещаетъ родителямъ шутки и игры съ своими дѣтьми, ограничиваетъ проявленія сердечности. Эта отжившая система была совершенно непригодна для мягкой, одаренной необычайными сокровищами сердца, природы А. В-ча. Между тѣмъ его родители, эти добрые люди, были суровыми воспитателями. Желая развить въ дѣтяхъ чувство строжайшей подзаконности, они дѣйствовали страхомъ и болью наказаній. „Я воспи-

[1]) Объ умственныхъ и литературныхъ дарованіяхъ В. С-ча можно отчасти судить по приводимому ниже письму его къ сыну.

танъ, говоритъ самъ Горскій, подъ грозящимъ жезломъ скромности". Воспитатели забыли о сердцѣ ребенка: не постарались основать его нравственность на собственныхъ его чувствованіяхъ и не потрудились для этого раскрыть въ его сердцѣ Бога и Его святую религію. Все нравственное и религіозное содержаніе души не выращивалось въ ней, а влагалось со стороны, прививалось совнѣ. Вотъ въ этомъ несоотвѣтствіи между природой и воспитаніемъ Горскаго и была, намъ кажется, причина его преждевременнаго развитія. А между тѣмъ о воспитаніи А. В-ча особенно позаботились, такъ какъ онъ былъ старшимъ ребенкомъ. Его удаляли отъ сверстниковъ — шалуновъ, держали постоянно дома только со взрослыми, не выводили ни въ какое общество. Самая семья Горскихъ была не велика: у А. В-ча была одна только сестра (Юлія) и одинъ братъ—Владиміръ, младшій въ семьѣ, умершій китайскимъ миссіонеромъ [1]). Годы дѣтства Горскаго текли тихо, скромно, мертво. По его собственному сравненію, онъ прожилъ свои дѣтскіе годы, „какъ монастырка въ своей кельѣ". Живой и впечатлительный ребенокъ мало шалилъ и никогда не рѣзвился: тогдашней педагогіи не были доступны такія тонкости, какъ различіе между шалостью и рѣзвостью—она запрещала и то и другое. Изъ него вышелъ скромный и благоразумный мальчикъ, любимецъ родителей. Въ суровой школѣ домашняго воспитанія сердечность и мягкость ребенка обнаруживались только въ слабодушіи и въ скучной всеугодливости своимъ воспитателямъ. Лѣтъ восьми онъ поступилъ въ школу, сталъ ходить въ духовное училище, продолжая жить дома. Множество шалуновъ встрѣтилъ въ школѣ благовоспитанный сынъ каѳедральнаго протоіерея, сталъ шалить и самъ, но всегда умѣренно, не выходя изъ границъ. Двѣнадцати лѣтъ А. В. перешолъ въ семинарію. Его положеніе дома не измѣнилось нисколько; въ классѣ одобряли его за скромность и послушаніе. Здѣсь

[1]) Не знаемъ, когда родился Владиміръ Васильевичъ. Судя потому, что онъ поступилъ въ Петербурскую академію въ 1837 г., надо заключать, что онъ родился приблизительно около 1816 г., т. е. былъ моложе А. В-ча годами четырьмя. Померъ отъ чахотки въ Китаѣ миссіонеромъ въ 1847 г. Его письма подъ заглавіемъ „Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ" частію изданы въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1897—1898 годы.

впервые обнаружился недостатокъ воспитанія А. В-ча. Онъ переживалъ возрастъ, когда молодая душа нуждается въ дружбѣ. Но онъ былъ мертвъ, какъ самъ сознается, въ ту пору, когда сердце начинаетъ искать другого сердца; у него было много любящихъ и любимыхъ товарищей, но ни одного друга [1]). Тяжелыя оковы суроваго воспитанія сжали его сердце; годы дѣтства, проведенные безъ друзей, наединѣ съ своими мечтами и думами, развивъ раннюю дѣтскую фантазію и мысль, не пріучили его къ откровенности и непосредственности въ отношеніяхъ, чѣмъ питается дружба. Онъ остался монастыркой и въ школѣ.

На всю жизнь въ душѣ Горскаго оставило свои слѣды его домашнее воспитаніе. Религіозность и церковность, добрыя наставленія и правила, какъ основы жизни хорошей духовной семьи, привитыя прочно душѣ А. В-ча, остались неизмѣнными спутниками его до конца дней. Но изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ замкнутость, нѣкоторую боязнь сближаться съ людьми, черту характера, которая совершенно не гармонировала съ его сердечностью, съ дѣтской простотой въ житейскихъ дѣлахъ, съ удивительной довѣрчивостью къ людямъ.—Воспитаніе не развило твердости характера А. В-ча. Онъ положительно боялся дѣлать выборъ въ рѣшительные моменты жизни [2]). Тогда управляла имъ не своя, хотя и не чужая, воля. Если въ иныхъ случаяхъ и настаивалъ онъ на своемъ, то только силой пассивнаго противодѣйствія. Весьма важное значеніе въ жизни его имѣли ро-

---

[1]) Въ семинаріи у А. В-ча былъ очень близкій товарищъ Дм. Ѳед. Вознесенскій, въ 1827 г. поступившій въ Петербургскую академію. Письма его, которыя мы читали, свидѣтельствуютъ о дружеской любви его къ А. В-чу и притомъ о привязанности совершенно разумной, основанной на признанныхъ преимуществахъ Горскаго предъ остальными товарищами. А. В. пишетъ между прочимъ о своихъ отношеніяхъ къ Вознесенскому: „онъ меня можетъ быть наблюдалъ болѣе и потому *крѣпче ко мнѣ привязанъ, нежели я*“. *Дневникъ*, стр. 89.

[2]) Приводимъ примѣръ. А. В-чу предстояло выразить свое согласіе на переходъ изъ Московской семинаріи въ баккалавры академіи и онъ пишетъ Ѳ. А. Голубинскому на его запросъ. „Не знаю, не могу рѣшить, поелику жилъ доселѣ, о семъ нимало не думая, также беззаботно, какъ прежде бывши студентомъ, въ ожиданіи онаго рѣшенія отъ обстоятельствъ... своя воля, свой выборъ для меня всего опаснѣе“. Письмо отъ 19 мая 1833 г., сообщенное намъ Д. Ѳ. Голубинскимъ.

дители, которые прожили долго (отецъ померъ въ 1857 г., мать въ 1872). Изъ писемъ отца съ нѣжными или дѣловыми приписками матери, съ шаршавыми стихотвореніями младшаго братца, можно видѣть, что А. В., ужъ будучи профессоромъ, оставался покорнымъ сыномъ костромской семьи. Случалось, что родительская власть сталкивалась съ самостоятельными стремленіями сына и слезы матери останавливали его рѣшеніе. Въ неизданномъ открывкѣ дневника А. В—ча читаемъ: „Родителямъ первая дань любви и почтенія? А не заставляю ли мать мою проливать слезы и сокрушаться о мнѣ? *Господи, разрѣши этотъ узелъ.* Любящимъ и законъ естественный велитъ воздавать любовью и всѣмъ! А не оскорбляю ли ихъ горячности ко мнѣ глухимъ сердцемъ? Не ввожу ли ихъ въ непріязненныя расположенія, не подаю ли имъ повода къ различнымъ огорченіямъ?" А. В. жаловался послѣ на раздвоеніе въ душѣ, на свое всеугодливое *я*, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастью. Это *я*, по его признанію, родилось въ немъ въ лѣта дѣтства можетъ быть отъ воспитанія. Обличаетъ себя въ „слабодушіи." Здѣсь онъ разумѣетъ недостатокъ смѣлости, привычку непротивленія злу, мягкость характера, граничившую со слабостью, свою неспособность стать героемъ исповѣдникомъ. А. В. привыкъ со всѣмъ мириться и не умѣлъ бороться. Онъ чуждъ былъ заискиванья у имѣющихъ власть, но изъ дѣтскаго возраста вынесъ привычку безпрекословнаго повиновенія начальству, которую въ годы сознательной жизни превратилъ въ принципъ. Дальше мы увидимъ, что Горскій своимъ воспитаніемъ какъ нельзя лучше былъ приспособленъ для того времени, когда проходилъ свою службу, для времени императора Николая, графа Протасова и митрополита Филарета.

Образованіе будущаго ученаго началось въ семьѣ. Велось оно постарому. Много заставляли учить на память, не справляясь, понято ли заученное. Воспитатели Горскаго, какъ онъ говоритъ, держались того застарѣлаго правила: „учи что тебѣ дано, послѣ подумаешь о томъ, что выучилъ". Самодѣятельности въ немъ не развивали и тяготили науками памяти. Самъ А. В. чувствовалъ склонность къ словесности, потому что она соотвѣтствовала его живости и давала возможность по край-

ней мѣрѣ излагать своими словами чужое. Рано обнаружились у Горскаго филологическія дарованія: при изученіи языковъ онъ не любилъ механическаго зазубриванія словъ, а больше занимался производствомъ ихъ. Старая духовная, школа, слишкомъ трудная для посредственнаго ученика и потому славная своей камчаткой, не угашала а воспитывала великія дарованія. Но для А. В-ча при школьномъ обученіи было еще одно благопріятное обстоятельство. Его отецъ, бывшій ранѣе преподавателемъ семинаріи, очень заботился объ ученьи сына и вѣроятно не чуждъ былъ родительскаго тщеславія видѣть его въ числѣ первыхъ учениковъ. Онъ внимательно слѣдитъ за ученьемъ А. В-ча, помогаетъ ему въ занятіяхъ, не спрашиваясь и не трогая его исправляетъ задачки, что было непріятно и обидно самому ученику. Александра Горскаго писали между первыми въ спискѣ и онъ былъ самымъ развитымъ ученикомъ своего времени въ Костромской семинаріи. Этимъ объясняется раннее не по возрасту поступленіе А. В-ча въ нашу академію. Въ апрѣльскомъ засѣданіи 1828 г. правленіе Московской академіи постановило вытребовать 50 воспитанниковъ изъ семинарій московскаго и казанскаго округовъ для составленія восьмого курса,—изъ Костромской потребовали троихъ. Въ четырехъ семинаріяхъ между прочимъ и въ Костромской выборъ былъ порученъ ревизорамъ, посланнымъ самой академіей. Въ Кострому отправился баккалавръ академіи по каѳедрѣ герменевтики іеромонахъ Аѳанасій Дроздовъ. Горскій, бывшій тогда въ философскомъ отдѣленіи, былъ признанъ наиболѣе способнымъ ученикомъ и, минуя богословскіе классы, прямо посланъ въ академію одинъ вмѣсто троихъ. Достовѣрное преданіе, идущее отъ Ѳ. А. Голубинскаго, разсказываетъ, что Аѳанасій выбралъ въ студенты слишкомъ молодого и не учившаго богословія Горскаго, чтобы не упустить этого человѣка для своей академіи, чтобъ не перехватили его напримѣръ въ Питеръ. Слѣдуетъ до земли поклониться Аѳанасію за его выборъ и догадку [1]).

---

[1]) Личность Аѳанасія Дроздова, умершаго въ санѣ архіеп. астраханскаго въ 1876 г., извѣстна исторически. Свѣдѣнія о немъ изъ времени службы въ Московской академіи можно найти въ Исторіи академіи *С. К. Смирнова.* Приведемъ еще изъ воспоминаній *гр. М. Вл. Толстого.* „Аѳана-

II.

Студенческіе годы.

Академія открываетъ своему питомцу нѣкоторый просторъ и свободу дѣятельности. Просторъ и свободу почувствовалъ и юный Горскій и... испугался ихъ. Долго не могъ онъ привыкнуть къ академіи „и здѣсь держался той нитки, конецъ которой крѣпко привязанъ былъ въ Костромѣ“. Всякій шагъ онъ размѣрялъ и всякій шагъ дѣлалъ съ робостью, хотя духовная атмосфера тогдашней академіи не отличалась значительно отъ того направленія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, и наглядно отражала достоинства и недостатки современной духовной среды [1]). Отецъ поручилъ его заботамъ знаменитаго земляка философа Ѳеодора Александровича Голубинскаго. Но ужъ конечно молоденькій студентъ не могъ имѣть въ немъ постояннаго товарища. Ѳеодоръ Александровичъ познакомилъ Горскаго съ студентомъ Филаретомъ Гумилевскимъ, который былъ однимъ курсомъ его старше. Но „неясныя неопредѣленныя черты души его“ не произвели живого впечатлѣнія на А. В-ча и онъ безъ труда оставилъ

сій Дроздовъ, очень молодой іеромонахъ 4-го курса, отличался очень бойкими способностями и неутомимымъ трудолюбіемъ по классу герминевтики. При необыкновенно красивой наружности онъ постоянно чуждался женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ какъ отъ заразы; впрочемъ и вообще не любилъ общества и все время проводилъ за книгами“. *Р. Архивъ.* 1881, I, 290—291, тоже *Богосл. Вѣстн.* 1894, 4 кн. 165. — Данныя о воспитаніи А. В. Горскаго заимствованы нами главнымъ образомъ изъ *Дневника* его.

[1]) Вотъ нѣсколько воспоминаній объ нашей академіи того времени того же *гр. М. Вл. Толстого*, который слушалъ лекціи и, какъ увидимъ далѣе, рядомъ сидѣлъ на нихъ съ А. В. Горскимъ. „Могу сказать по чистой совѣсти, что ни отъ кого изъ нихъ (студентовъ) не видалъ дурного примѣра, кромѣ весьма немногихъ, искавшихъ иногда разсѣянія въ хмѣльныхъ напиткахъ. Впрочемъ общихъ попоекъ никогда не бывало, кромѣ прощанія съ товарищами по окончаніи курса. За то какъ много видѣлъ я добрыхъ примѣровъ скромности уваженія, къ старшимъ, трудолюбія и искренняго христіанскаго благочестія. Съ благодарностью воспоминаю и теперь при концѣ своего поприща о той нравственной пользѣ, которую я пріобрѣлъ изъ этихъ примѣровъ“. „Музыка и пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ не дозволялись въ академіи... Церковное пѣніе было весьма развито“ и нѣкоторые москвичи увѣряли, что академическій хоръ не уступалъ синодальному и чудовскому. *Р. Архивъ* 1881, I, 301; *Бог. Вѣстн.* 1894, IV, 374.

бы Филарета, еслибы не рекомендація благодѣтеля. Впослѣдствіи Горскій и Филаретъ стали „хотя бы и друзьями", но ихъ сближеніе произошло на почвѣ научныхъ симпатій. Было у А. В-ча среди студентовъ еще человѣка два три близкихъ, но тутъ была близость только, а не дружба, къ которой онъ предъявлялъ „высшее требованіе". Ужъ очень многаго требовалъ А. В. отъ своихъ друзей. Разборчивый на друзей, онъ хотѣлъ любить ихъ нѣжно и искалъ такого же чувства къ себѣ, любилъ онъ ревниво и не желалъ, чтобъ его другъ былъ еще чьимъ-нибудь другомъ. Отсюда неровность въ отношеніяхъ: съ однимъ изъ близкихъ товарищей онъ ссорился и мирился ежедневно, а другого оставилъ потому, что не надѣялся его отвлечь отъ дружбы съ другими. Понятно, что не легко А. В-чу было найти друзей, и онъ не нашелъ. Онъ всегда чувствовалъ одиночество, скуку, пустоту души. Въ его душѣ билъ живой, неизсякаемый родникъ мыслей, чувствъ и стремленій. Наблюдая себя Горскій пишетъ, что „душа какъ воздухъ вѣчно въ движеніи, какъ море вѣчно зыблется; каждыя сутки—свой приливъ и отливъ мыслей и чувствованій". Слѣдствіемъ полноты духовной жизни была потребность, высказаться „подѣлиться въ избыткѣ съ другою душой". Но у А. В-ча не было этой другой души. „Моя внутренняя часть бытія, жалуется онъ, еще не находила себѣ ни чистаго протока, ни крѣпкаго сосуда; она полнѣетъ и сгущается сама въ себѣ и эта полнота губитъ меня". Одно ничтожное обстоятельство показало Горскому, что онъ никогда не найдетъ себѣ среди товарищей друга по мысли и онъ отшатнулся отъ нихъ. Разъ вечеромъ онъ игралъ въ вистъ съ своими однокурсниками пріятелями. Горскому не везло. Партнеры шутили и обидѣли его. Чувство обиды скоро прошло, но расположенія, близости къ этимъ товарищамъ уже не вернулось. Онъ рѣшилъ тогда жить съ самимъ собою и разорвать связи съ товарищами,—рѣшилъ и исполнилъ рѣшеніе. Съ этого момента онъ повелъ свой дневникъ, задачей котораго поставилъ самонаблюденіе во всѣхъ отношеніяхъ особенно въ нравственномъ. „Нѣтъ— начинаю, пишетъ онъ, и доколѣ не узнаю своей стихіи буду вписывать въ эту тетрадку все, что имѣло особенное вліяніе на мое сердце". „Полнота (жизни сердца) губитъ меня... Я хочу ее изливать по крайней мѣрѣ чрезъ перо на бумагу.

Бумага теперь мнѣ *вѣрный другъ*. Буквы — исторія моего сердца; и какъ непрерывна дѣятельность послѣдняго, такъ пусть будетъ непрерывно мое очертаніе самого себя; я хочу испытывать и замѣчать себя на всѣхъ точкахъ" [1]). Это произошло въ 1830 году, когда Горскому было всего 18 лѣтъ. Такъ одинъ изъ сердечнѣйшихъ юношей отказался отъ товарищескаго общества, живой и жизнерадостный—принялъ угрюмый видъ, скромница—онъ производилъ впечатлѣніе гордеца. Его боялись. Его угрюмость и замкнутость послужили поводомъ для обидныхъ предположеній на счетъ его товарищеской чести. По переходѣ въ богословскій классъ, т. е. на третій курсъ, противъ своего желанія А. В. былъ сдѣланъ старшимъ на младшемъ курсѣ въ 9 №, въ угловой комнатѣ теперешней квартиры эконома [1]). Изъ товарищей однокурсниковъ къ Горскому почти никто не ходилъ, изрѣдка приходили земляки. Онъ ни съ кѣмъ почти изъ жившихъ въ его комнатѣ студентовъ не говорилъ и всегда былъ за дѣломъ. У него, какъ у старшаго, былъ отдѣльный столикъ для занятій въ свѣтломъ углу между окнами. И когда онъ садился за этотъ столикъ, то никто изъ студентовъ не дозволялъ себѣ громкихъ разговоровъ, говорили шопотомъ и не ходили по комнатѣ. Впрочемъ послѣ перевели въ его номеръ еще одного сухорукаго ярославца; этотъ порою шумѣлъ, но товарищи стращали его Горскимъ и онъ утихалъ. Вотъ воспоминанія современника студенческихъ лѣтъ Горскаго. Въ такихъ странныхъ отношеніяхъ къ товарищамъ стоялъ А. В. но, это нисколько не соотвѣтствовало его нравственнымъ качествамъ, мѣтко указаннымъ тогда въ отзывѣ инспектора:—„любовь къ порядку и постоянная настроенность духа къ добру". Одинокъ былъ А. В. среди школьныхъ товарищей. Долго и потомъ мучительно чувствовалъ онъ свое одиночество,—недостатокъ друга, который былъ бы указателемъ во всѣхъ случаяхъ внутренней его жизни, чтобы придти къ нему отдохнуть, освѣжиться отъ

---

[1]) Всѣ студенты, жившіе у него, боялись его какъ близкаго къ нелюбимому инспектору Евламлію, сообщаетъ П. С. Казанскій,—онъ почти ежедневно послѣ ужина вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ ходилъ къ Евламлію для какого то толкованія писанія и просиживалъ у него до 12 часовъ.

пыльной работы послѣ бесѣды съ „мертвыми друзьями". Обращеніе съ людьми А. В. впослѣдствіи непрестанной работой надъ собою совершенно измѣнилъ. Всѣ, кто его помнятъ, свидѣтельствуютъ объ его доступности, простотѣ въ обращеніи, объ его общительности и искренности: онъ относился какъ то ко всѣмъ одинаково радушно. Т. И. Филипповъ передаетъ трогательный разсказъ о сближеніи А. В-ча съ благочестивымъ но безграмотнымъ крестьяниномъ-сборщикомъ, который, приходя на богомолье къ Троицѣ, пользовался его гостепріимствомъ и радушіемъ. А между тѣмъ у него всегда оставалась сторона жизни, которую онъ таилъ даже отъ самыхъ близкихъ людей. „Я не зналъ еще человѣка, говоритъ П. С. Казанскій, который бы такъ уклонялся отъ объясненія внутренняго своего состоянія, какъ покойный А. В. Никогда онъ не только не говорилъ о внутреннихъ опытахъ духовной жизни, но и уклонялся отъ всякихъ совѣтовъ касательно духовной жизни. Вызываемый неоднократно на разговоры подобнаго рода, онъ ограничивался какими то отрывочными указаніями". Отсюда и выходило, что немало людей считали себя друзьями А. В-ча, а онъ всегда нуждался въ другѣ...

На почвѣ одиночества и скуки у Горскаго студента не разъ возникало желаніе принять монашество. И если бы его родители не были такъ заботливы о своемъ сынѣ, если бы А. В-чемъ не руководилъ Өеодоръ Александровичъ, онъ былъ бы монахомъ. Первый разъ онъ разгорѣлся этимъ желаніемъ, когда былъ на второмъ курсѣ академіи. Тогда (19 августа 1829 г.) постригли въ монашество Димитрія Гумилевскаго, будущаго Филарета Черниговскаго. Насмотрѣвшись на обрядъ „живого погребенія", 17-тилѣтній мальчикъ пишетъ въ Кострому просьбу благословить и его на путь иночества. Въ отвѣтъ на это отецъ Горскаго прислалъ ему замѣчательное письмо. „Другъ нашъ милый, любезный сынъ Александръ Васильевичъ! Благоговѣйныя твои чувствія къ равноангельному иночеству поставили меня въ такое недоумѣніе, что я незнаю, чему оныя приписать и какъ ихъ назвать. Щастливый путь къ небесамъ юному Филарету! но неужели только на воскрыліяхъ иноческихъ и влетаютъ въ горнія области? И за нами и передъ нами и вокругъ насъ тысячи, не сотни опытовъ доказали и будутъ доказывать,

какъ скользка и какъ опасна стезя монастырская. Еслибы не блескъ митры и панагіи обманывалъ своимъ сіяніемъ пылкую и порывистую юность, то пустыни вѣрно были бы пустыми. Прямое самоотверженіе не въ словахъ слѣдовательно и не въ повтореніи клятвъ и обѣтовъ, и мною и тобою данныхъ и принятыхъ. Сдѣлай милость, если впередъ случится тебѣ быть зрителемъ церемоніи постриженія какого-либо сотрудника, то смотри на это безъ жару, гораздо поравнодушнѣе, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, безъ всякой зависти. Вообще на все обворожительное и прелестное надо бы глядѣть со стороны невыгодной; въ противномъ случаѣ мишуру примешь за золото или пустую тѣнь за тѣло. Торопливая необдуманная поспѣшность въ моихъ глазахъ ничего болѣе не обѣщаетъ, какъ минутный метеоръ, который блеснетъ и исчезнетъ. Мать твоя все это прослушала и говоритъ: хорошенько его!"[1]) Но мысль о монашествѣ долго не покидала А. В-ча. Не разъ во снѣ онъ видѣлъ себя монахомъ, а вмѣстѣ и родителей, будто бы сочувствовавшихъ его постриженію. На самомъ дѣлѣ они были всегда противъ этого. Послѣ извѣстнаго намъ разрыва съ товарищами А. В. опять сталъ просить домашнихъ разрѣшить ему идти въ монахи. Отецъ отвѣтилъ ему уже не такъ энергично, но не совѣтовалъ самому безъ предложенія начальства принимать монашество. А между тѣмъ въ академіи былъ у А. В-ча добрый геній, который оберегалъ пылкаго юношу отъ увлеченія клобукомъ—Ѳ. А. Голубинскій. Когда А. В. былъ бакалавромъ академіи 28 лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ неудовлетворенность въ однихъ ученыхъ занятіяхъ, пришелъ къ мысли, что не въ нихъ только заключается цѣль жизни и сталъ опять думать о постриженіи. Отецъ уже не настаиваетъ на своемъ запрещеніи, зато мать съ большой энергіей, ее отличавшей, убѣждаетъ сына отказаться отъ своего намѣренія. „Какое мы письмо отъ васъ получили, обращается она къ сыну; оно такъ насъ поразило. День твоего ангела весь провели въ тоскѣ и слезахъ... На колѣняхъ молю тебя— не говорю, что плачу—слезы всегда со мною—и прошу, сжалься надъ нами, тебѣ быть нашимъ утѣшеніемъ. Вздумать не могу о тебѣ,—какую долю выбираешь себѣ! Такою

---

1) *С. К. Смирновъ,* Прав. Обозр. 1876, III, 482.

скорбію объято сердце мое, что объяснить тебѣ не могу". Совѣты отца, слезы матери и вліяніе руководителя убѣдили наконецъ А. В-ча и спасли его для академіи, для науки. Трудно точно указать время, съ котораго А. В. пересталъ стремиться къ постриженію. Но когда впослѣдствіи м. Филаретъ не разъ предлагалъ А. В-чу монашество, обѣщая викаріатство въ Москвѣ, онъ всякій разъ отказывался: онъ представлялъ владыкѣ, что принятіе иноческаго сана отвлечетъ его отъ ученыхъ и учебныхъ занятій, которымъ желалъ онъ посвятить всю свою жизнь, удалитъ отъ любимой имъ академіи и лавры и заставитъ заниматься дѣлами чуждыми наукѣ то въ той, то въ другой епархіи.

Но и не принявъ монашества, А. В. жилъ какъ монахъ, по признанію самого митр. Филарета, или былъ „святѣе монаха", какъ справедливо говорили въ обществѣ. Онъ не имѣлъ никакого расположенія къ женитьбѣ. И хотя объ этомъ мечтали и просили его родители, умолялъ передъ смертью братъ изъ далекаго Китая, хотя родители нѣкоторыхъ дѣвушекъ, а можетъ быть и эти послѣднія, любовались представительнымъ, нѣсколько поблѣднѣвшимъ отъ науки, скромнымъ баккалавромъ,—онъ все таки не женился, отказываясь угрюмой привычкой къ одинокой жизни, представляя, что это „тяжелое состояніе" стѣснитъ свободу его сердца, которая „въ тишинѣ и уединеніи" и оторветъ отъ науки.—Другой монашескій обѣтъ—повиновенія едвали исполнялъ кто въ такой степени какъ А. В.—Онъ былъ очень религіозенъ и воздерженъ: съ 25 лѣтъ не ѣлъ мяса. Одна была у него свѣтская привычка — курить дешевыя сигары, которую онъ бросилъ послѣ замѣчанія митрополита предъ поставленіемъ въ священники.

Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ. Воротимся къ студенческимъ годамъ А. В-ча и посмотримъ на его учебныя занятія. Въ академію онъ попалъ очень рано: онъ кончилъ ея курсъ не имѣя и 20 лѣтъ, -возрастъ, въ которомъ мы еще учимся въ семинаріи; въ семинаріи онъ не изучалъ богословскихъ наукъ, и можетъ быть отъ того учился въ академіи не такъ блестяще, какъ это несомнѣнно могъ по своимъ дарованіямъ и трудолюбію: въ спискѣ онъ значился пятымъ, четвертымъ и третьимъ студентомъ. А трудолюбіе его дѣйствительно было велико. „Онъ всегда былъ за дѣ-

ломъ", вспоминаетъ современникъ его студенческихъ годовъ П. С. Казанскій. „Когда онъ садился" за свой столикъ въ углу 9 номера, „то не видалъ никого". А. В. очень дорожилъ своимъ временемъ. По крайней мѣрѣ отецъ читалъ между строками его писемъ, что у него и часовъ нѣтъ свободныхъ, нетолько что дней. Онъ сдерживаетъ ревностнаго юношу. „Совѣтъ мой старинный и обыкновенный—громадой не удивишь (рѣчь идетъ о сочиненіяхъ), всего не вычерпаешь". Въ студенческіе годы опредѣлилась у А. В-ча склонность къ исторической наукѣ, которой впослѣдствіи онъ такъ славно послужилъ. Изъ профессоровъ оказалъ на него замѣтное вліяніе Ѳедоръ Алексѣевичъ Терновскій-Платоновъ, который тогда (въ 1828—1832 годахъ) читалъ гражданскую исторію. Сидя на его лекціяхъ рядомъ съ гр. М. Вл. Толстымъ, онъ увлекался краснорѣчивымъ разсказомъ объ основаніи новыхъ государствъ на развалинахъ западной Римской имперіи или о крестовыхъ походахъ и общими силами они записывали лекціи даровитаго баккалавра. Впрочемъ А. В. усердно посѣщалъ аудиторіи и другихъ профессоровъ,—тогда студенты не лѣнились слушать. Лекціи Ѳ. А. Голубинскаго, который говорилъ ихъ не торопливо на латинскомъ языкѣ, А. В. тоже записывалъ [1]). Лучшими студенческими работами Горскаго были два сочиненія по гражданской исторіи, писанныя Терновскому. На одномъ рецензентъ писалъ: „разсужденіе по основательности мыслей, правильности расположенія ихъ и по обработанности слога очень хорошее. Изъ многихъ историческихъ подробностей видна въ сочинителѣ охота заниматься чтеніемъ книгъ историческихъ". Въ академіи А. В. изучилъ хорошо три древнихъ языка, зналъ онъ и три новыхъ, хотя объясняться на нихъ не могъ.

III.

Годы профессорства. Духовная личность.

Скоро для научной любознательности Горскаго открылось обширное поприще. Окончивъ курсъ третьимъ магистромъ

---

[1]) *Р. Архивъ*, 1881, I, 298, 300, 304; II, 71; *Бог. Вѣст.* 1894, 4 кн., 513. *Душ. Чт.* 1890, 3 кн., 505—506.

(1832 г.), онъ подвергался опасности быть посланнымъ въ родимую Кострому и забытымъ въ академіи. Но при помощи Ѳ. А. Голубинскаго его устроили профессоромъ Московской семинаріи по предмету церковной и гражданской исторіи, а оттуда всего чрезъ годъ, въ августѣ 1833 г., опять не безъ участія Ѳеодора Александровича, выбрали въ академію на каѳедру церковной исторіи. Поприще открывалось обширное и у А. В-ча было много энергіи. „Я люблю науки, писалъ онъ своему покровителю, мнѣ дорогъ кругъ просвѣщенія, меня радуетъ большая свобода ума въ высшихъ кругахъ. Силы свѣжія и бодрыя требуютъ дѣятельности". Но онъ не ушолъ въ науку всецѣло. Въ его душѣ кромѣ страстной любознательности всегда жила пламенная религіозность. Воспитанный по церковному, онъ былъ уставщикомъ въ академіи и съ увлеченіемъ канонаршилъ своимъ громкимъ теноромъ. Въ этой церковности не было мѣста тупому обрядовѣрію, а въ религіозности отсутствовало ханжество. Религіозность была жизнью духа А. В-ча и потому отличалась глубиною проникновенія. Съ чувствомъ восторга и умиленія онъ описываетъ дни, когда пріобщался св. Таинъ, „дни благословенія и благодати"; по обычаю древнихъ христіанъ причащался онъ въ первый день Пасхи. Любимымъ мѣстомъ его молитвы былъ Троицкій соборъ, гдѣ онъ становился обычно противъ мощей преп. Сергія между правымъ клиросомъ и стѣной. Въ великіе дни церковнаго года А. В. искалъ въ себѣ настроенія, соотвѣтствующаго святымъ воспоминаніямъ, умѣлъ „чувствовать праздникъ" и съ замѣчательной тонкостью анализируетъ истинно-христіанское настроеніе недѣли страстей и свѣтлаго дня. Въ страстную недѣлю (какъ извѣстно о последнихъ десяти годахъ его жизни) А. В. выстаивалъ длинныя службы въ Троицкомъ соборѣ. Его мысль неслась къ Голгофѣ, сердце сострадало Распятому. Свѣтлый праздникъ заставалъ его за евангеліемъ. Не звонъ, не праздничная суета, не наслажденіе трапезой, не оживленное общество создавали и составляли чувство праздника. „Праздникъ, пишетъ онъ въ первый день Пасхи, начался только еще въ области моихъ чувствъ; духа онъ коснулся только мимолетнымъ звукомъ". Сущность праздничнаго настроенія „въ кроткомъ наслажденіи самыми высшими плодами; праздникъ— въ глубокомъ мирѣ и радости, слышимой только для вну-

тренняго слуха". Надо усердно беречь это святое настроеніе. Допустивъ чистую духовную радость, можно за нею впустить и другія нестолько чистыя, не прямо изъ духа праздника почерпнутыя. Святая искра можетъ истребиться отъ одного злого дуновенія, при неосторожности сложиться съ другимъ недостойнымъ пламенемъ—и это всего чаще видимъ у людей. Для поддержанія духовной радости онъ совѣтуетъ хранить и чувство постоянной скорби, какую носитъ въ душѣ своей христіанинъ. Въ своей жизни А. В. чувствуетъ руку Божественнаго провидѣнія и въ знаменательные дни или трудныя минуты, въ часы душевнаго разлада ищетъ указанія въ первомъ открывшемся текстѣ вѣчной книги. Его религіозности не былъ чуждъ мистицизмъ, который онъ признавалъ „самой животворной и существенной частью христіанскаго богопочитанія". Въ этомъ можетъ быть сказалось вліяніе его руководителя Ѳ. А. Голубинскаго [1]). Изъ многихъ страницъ дневника А. В-ча, дышущихъ религіознымъ восторгомъ, приведемъ только нѣсколько строкъ. „Кто тамъ? Кто хочетъ говорить со мной? Кто говоритъ со мною? Одна ли душа моя, увлекаемая прежнею настроенностью, созидаетъ для себя новые образы и передаетъ ихъ моему внутреннему чувству. Или мой добрый ангелъ, посланный и ко мнѣ хотящему, идущему, стремящемуся наслѣдовати спасеніе, – бесѣдуетъ со мною въ часъ нощнаго покоя, возбуждая меня ко свѣту грядущаго Сіона? Нѣтъ! Сама душа моя говоритъ мнѣ, что это голосъ небеснаго". Далѣе описывается сонъ встрѣчи небеснаго жениха.

Ясно, что религіозная потребность въ душѣ А. В-ча была не слабѣе стремленія къ научной истинѣ. И вотъ проф. Горскій ищетъ дополненія къ своему состоянію въ духовномъ званіи—въ священствѣ или монашествѣ. Но въ монашество не пускала его родительская воля, а препятствіемъ для священства была необходимость жениться. Со временемъ это препятствіе было устранено и А. В. сталъ священникомъ.

---

[1]) Мистицизмъ обоихъ выражался въ однѣхъ формахъ: вѣра въ сны и въ общеніе душъ. О Ѳ. А. Голубинскомъ съ этой стороны см. въ статьѣ *проф. С. С. Глаголева*, Прот. Ѳ. А. Голубинскій (*Бог. Вѣстн.* 1898 г.) по отдѣльному оттиску, стр. 19 и слѣд.

Въ 1859 г. митр. Филаретъ даетъ Горскому порученіе составить записку о томъ, „необходимо ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи, и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступитъ въ бракъ". Митрополитъ имѣлъ въ виду желаніе самого Горскаго сдѣлаться священникомъ не вступая въ бракъ. Порученіе было выполнено съ обычной тщательностью и безпристрастіемъ и выводъ справки былъ такой, что „канонически не было воспрещено рукополагать во священники и діаконы изъ безбрачныхъ; но вслѣдствіе разныхъ причинъ само собою, какъ въ Греціи такъ и у насъ на Руси, ввелось въ обычай поставлять только вступившихъ въ бракъ". Митрополитъ согласился съ заключеніемъ Горскаго и предложилъ ему просить о поставленіи въ священники безъ брака. Такъ въ 1860 г. (24 марта) А. В. былъ рукоположенъ во священники и въ томъ же году получилъ званіе протоіерея. Много толковъ — за и противъ вызвало небывалое у насъ происшествіе посвященія холостого. Заинтересовались даже въ высшемъ обществѣ [1]). Гиляровъ-Платоновъ разсказываетъ характерный случай, имѣющій ближайшее отношеніе къ посвященію А. В-ча. „Покойнаго митрополита Филарета разъ спросили: „почему при посвященіи во священники или дьяконы, если то міряниnъ, требуется непремѣнно женитьба? И почему нельзя вдоваго дьякона произвести во священники?"—Нѣтъ, можно, отвѣчалъ митрополитъ; не запрещено ни то, ни другое.— „Отъ чего же вы не посвящаете?"—Ищу достойнаго, отвѣтилъ іерархъ. Предразсудокъ въ обществѣ вкоренился. Митрополитъ искалъ, чтобы переломить предразсудокъ, такое лицо, предъ которымъ бы смолкли всѣ. И онъ нашелъ. Послѣ сорокалѣтняго исканія, онъ предложилъ священную сте-

[1]) *Гр. Дим. Н. Толстой* разсказываетъ: „Рукоположеніе А. В-ча было такъ ново, что породило тогда много толковъ даже въ нашихъ салонахъ, обыкновенно крайне безразлично относившихся къ церковнымъ событіямъ. По общему у насъ невѣдѣнію каноновъ встрѣчались даже сомнѣнія въ правильности его рукоположенія; иные смѣшивали целибатъ съ монашествомъ и спрашивали, почему онъ не носитъ клобука". *Р. Архивъ*, 1875, 3, 474. Въ одномъ изъ своихъ писемъ К. И. Новоструеву А. В. жалуется на нелѣпые слухи, ходившіе даже въ академической корпораціи. *Поповъ*, 88.

нень безженному профессору Горскому, уже извѣстному ученому и притомъ подвижнику, о которомъ, узнававшіе его нѣсколько, спрашивали только съ удивленіемъ: „Что за странность! Что жъ онъ не идетъ въ монахи, исполняя монашескіе обѣты и ведя жизнь святѣе монаха?“ Митрополитъ не обманулся: посвященіе холостого Горскаго во священники удивило въ свое время какъ новость, но никого не смутило“ [1]). По письмамъ А. В-ча можно судить, въ какое восторженное состояніе пришолъ онъ, получивъ „приближеніе къ престолу благодати“. Конечно безприходное священство (А. В. былъ приписанъ къ Архангельскому Московскому собору) не открыло ему поприща пастырскаго служенія. Впрочемъ онъ и не искалъ этого поприща: онъ отказался напримѣръ отъ духовничества,—отъ главнѣйшей сферы пастырскаго руководительства. Но положеніе священника удовлетворяло его религіозной потребности и, питая чувство, содѣйствовало гармоніи духа.

А. В. Горскій былъ рѣдкая нравственная личность. Постоянное самоуглубленіе, эта вѣчная борьба съ своими иногда „неукротимыми“ мыслями, настойчивое стремленіе осуществить евангеліе въ своей жизни,—поднимають его высоко изъ ряда вонъ. Въ одномъ мѣстѣ дневника онъ перечисляетъ рядъ своихъ грѣховъ и мы видимъ отсюда, что это былъ человѣкъ духа, а не плоти. А. В. обладалъ живымъ критическимъ умомъ и острымъ языкомъ. Возмущавшимъ или смѣшившимъ его людямъ и людишкамъ сильно доставалось порою отъ его насмѣшливыхъ рѣчей. Но онъ тотчасъ раскаивается въ грѣхѣ осужденія, укоряетъ себя за гордость, пустословіе. У обидѣвшагося самъ проситъ прощенія. Онъ имѣлъ живой воспламеняющійся темпераментъ, иногда не могъ удержаться отъ гнѣвной вспышки или выраженія досады, но послѣ этого чувствуетъ „сердечное оскверненіе“. Положеніе ученаго да еще выдающагося развиваетъ разные виды самолюбія. Въ молодыхъ лѣтахъ, по собственному сознанію, А. В. былъ не чуждъ честолюбія, но и тогда оно не составляло его страсти, слѣпой и неразумной.

---

[1]) Сборникъ сочиненій, II, 465. Митр. Филаретъ будто бы говорилъ еще до посвященія А. В-ча: „если я не сдѣлаю (т. е. не посвящу его), то и другой никто не сдѣлаетъ; а если я сдѣлаю, то мнѣ ничего не сдѣлаютъ“. *Чт. Общ. Ист. и Древн.* 1875, III, 156—157.

Его не прельщала свѣтская карьера съ почестями и чинами. „Да и напрасная мечта, справедливо разсуждаетъ онъ, съ спокойною совѣстью достигнуть порядочнаго значенія въ свѣтѣ“. Онъ не любовался самимъ собою и осуждалъ проявленія самомечтательности, какъ и суетную любознательность и мелкое ученое тщеславіе, отъ малѣйшаго зародыша котораго чувствовалъ „потерю душевной чистоты и мира“. Такъ нашъ ученый воспиталъ въ себѣ „бездну смиренія“ и не могъ поклапяться тѣмъ божкамъ, которымъ служитъ ученая ординарность, не могъ удовлетвориться блескомъ своей ученой карьеры. Мало того, для душевной чистоты и мира ему недостаточно было тонкаго духовнаго наслажденія, какое дается ученымъ трудомъ. Въ трудахъ кабинета есть доля эгоизма, умственнаго сибаритства: А. В. отлично это чувствовалъ, въ немъ жила всегда насущная потребность дѣятельной любви. Вотъ какія строки записаны имъ въ дневникѣ послѣ трудового дня. „Рука устала; голова утомилась; глаза слипаются. День трудился, ночь на покой. Нынѣ вечеромъ приводя себѣ на память, что дѣлалъ я днемъ,—что-то непріятное я почувствовалъ, вспомнивъ, что сей день трудился только для себя, не имѣвъ случая добра сдѣлать кому-нибудь. Едва родилась сія мысль—нашелся случай исполнить ее: я услышалъ жалобу моего повара, и. чѣмъ могъ и зналъ, сдѣлалъ пособіе“.

Итакъ Горскій личность въ высшей степени цѣльная. Это былъ ученый глубоко вѣрующій, убѣжденный, что во всѣ времена все высокое въ стремленіяхъ духа человѣческаго истекаетъ изъ источника святой вѣры. Въ своемъ служеніи наукѣ видитъ онъ служеніе церкви, одинъ изъ видовъ духовнаго званія. Это былъ искренно религіозный и просвѣщенно—религіозный человѣкъ, который писалъ одинъ разъ м. Филарету: „стыдѣніе лица той наукѣ, которая хочетъ защищать истину ложью“. Эта была наконецъ рѣдкая нравственная личность. Поставленный въ положеніе, неудобное для проявленій дѣятельной любви, А. В. вноситъ христіанскую добродѣтель въ дѣло науки и научнаго руководительства. Кратко сказать, А. В. Горскій былъ представитель религіозной науки, просвѣщенной религіозности и высоко-нравственной учености.

IV.

Вліяніе времени.

Горскій преподавалъ въ академіи 30 лѣтъ церковную исторію и 12 послѣднихъ догматическое богословіе. Тогдашняя каѳедра церковной исторіи (по крайней мѣрѣ въ первые годы службы А. В-ча) обнимала цѣлый рядъ наукъ: библейскую исторію, исторію древней и византійской церкви, русскую церковную исторію и исторію западныхъ исповѣданій, т. е. четыре теперешнихъ каѳедры. А. В. былъ профессоръ въ высшей степени добросовѣстный—не опускалъ ни одного важнаго отдѣла изъ своего необъятнаго предмета, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ оставшіяся послѣ него записки. И это обстоятельство вмѣстѣ съ необычайной любознательностью А. В-ча содѣйствовало его всесторонней историко-богословской учености. Англійскій путешественникъ Стэнли былъ удивленъ его глубокими познаніями относительно англиканскаго исповѣданія. А одного студента изъ свѣтскихъ А. В. руководилъ въ изученіи исторіи магометанства. Нелегко далась ему громадная ученость да вѣдь это и предразсудокъ, будто можно сдѣлать что-нибудь въ наукѣ безъ большого труда, одними дарованіями. Сдѣлавшись баккалавромъ академіи всего 21 года, Горскій отдался неустаннымъ трудамъ. Онъ рѣдко ѣздилъ въ Кострому, не смотря на зовъ и мольбы родителей, даже, случалось, не писалъ имъ по мѣсяцу. Дома безпокоились, собирали свѣдѣнія о здоровьи сына на сторонѣ. А видавшіе въ то время А. В-ча не скрывали, что онъ безъ мѣры и безъ пощады жертвовалъ собою академическимъ трудамъ, удивлялись его безцвѣтности и худобѣ и 25-ти - лѣтней старости. „Мнѣ сказали, пишетъ ему одинъ землякъ, что вы уже не тотъ Александръ Васильевичъ, бодрый, крѣпкій, мощный, румяный, каковъ были прежде, но пустынный и съ могильной физіономіей“. 24-хъ лѣтъ А. В. былъ экстраординарнымъ профессоромъ (въ январѣ 1837 г.), а черезъ два года ординарнымъ. Скоро почувствовалось, какая громадная созидающая сила А. В. Горскій. Филаретъ Гумилевскій разъ писалъ къ нему. „На тебѣ важная лежитъ отвѣтственность за направленіе цѣлой академіи. Твое вліяніе должно быть сильнѣе всѣхъ, потому что ты сильнѣе всѣхъ до одного изъ насъ

(я никому не люблю льстить, а тебѣ и нѣтъ нужды)". Но Горскій работалъ неутомимо не только въ первые, для всѣхъ трудные, годы профессорства. Онъ скоро овладѣлъ науками въ мѣрѣ даже болѣе чѣмъ достаточной для академическаго преподаванія; рано пришла къ ученому извѣстность, а за нею слава, но онъ не почилъ на лаврахъ [1]). Когда А. В. ужъ былъ старцемъ—ректоромъ, половину ректорской квартиры онъ обратилъ въ библіотеку съ разными отдѣленіями и вѣчно читалъ. Его день былъ строго распредѣленъ для занятій и, можно сказать, свѣтильникъ его не угасалъ ночью. Это—выразимся словами самого А. В-ча—„труженикъ просвѣщенія праздновалъ всенощное бдѣніе въ честь истины".

Научныя заслуги А. В. Горскаго не нашли до сихъ поръ надлежащей оцѣнки; да и сдѣлать это болѣе чѣмъ трудно. Этотъ „великанъ учености", какъ его назвали по смерти, не оставилъ послѣ себя многотомнаго собранія сочиненій; а вмѣсто того четыре десятка статей, разсѣянныхъ по журналамъ, что для 42-хъ—лѣтняго профессорства совсѣмъ немного. Нѣтъ у него работъ, о которыхъ бы зналъ всякій образованный человѣкъ. Не сдѣлалъ онъ и подобныхъ, всѣмъ бы извѣстныхъ, открытій. Памятникомъ его поразительной учености служитъ Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки, но этотъ трудъ онъ раздѣлялъ съ другимъ лицомъ и нелегко доискаться, что въ немъ принадлежитъ Горскому и что Невоструеву. Въ его бумагахъ остались курсы по разнымъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ. Но это не отдѣланные труды, а просто уроки, какъ замѣчаетъ проф. А. П. Лебедевъ,—уроки, „въ которыхъ въ сжатомъ видѣ передаются главные научные результаты, впрочемъ добытые большею частію его самостоятельнымъ трудомъ". Свою ученость А. В. сѣялъ, предоставляя собирать другимъ. Критическія замѣтки на поляхъ нашихъ академическихъ книгъ и рукописей, параллельныя цитаты, соображенія филологическаго характера,—вотъ сокровища его учености, подбираемыя, но никѣмъ еще не подобранныя. Онъ безкорыстно дѣлился своими познаніями съ другими нуждающимися, начиная отъ студента, кончая академикомъ. Но

[1]) А. Н. Муравьевъ, часто обращавшійся къ А. В-чу за научными указаніями, звалъ его шутя—„Премудрость" или „Лаврская премудрость". *Преосв. Савва*, II, 359 и 600.

разсѣяннаго не соберешь. Такую ученость не оцѣнишь даже и приблизительно. Горскій—великій ученый, который навсегда останется подъ спудомъ [1]).

Въ этомъ въ значительной степени было повинно время, въ которое жилъ А. В. Тогда правилъ Московской паствой и „отечески пекся" объ академіи митр. Филаретъ. Близость Филарета къ академіи сообщала напряженность ея мысли и большій порядокъ жизни, но несомнѣнно отъ нея страдала свобода научнаго изслѣдованія, а А. В-чу пришлось пострадать можетъ быть больше другихъ. Безпримѣрный умъ Филарета былъ всетаки умомъ своего времени, своего воспитанія. Это былъ единственный геній богословія, уродившійся на Руси. Но, — пусть не сочтутъ мои слова дерзостью или выходкой противъ памяти великаго человѣка,—митр. Филаретъ не зналъ исторіи, ея новыхъ методовъ и задачъ. Нѣсколько страницъ изъ дневника Горскаго, описывающихъ Филарета на его экзаменѣ, лучше всего подтвердятъ это. Къ экзамену была представлена исторія „распространенія и угнетенія христіанства послѣ апостоловъ до Константина". Когда отвѣчали о препятствіяхъ къ его распространенію и съ самаго начала указывали на разнообразное направленіе духа имперіи и духа христіанскаго общества, Филаретъ началъ свои замѣчанія. „Что такое духъ? Могли ли вы сами обнять и изслѣдовать духъ христіанства? обращается онъ къ профессору. Могли ли

---

[1]) Мы не думаемъ, что оцѣнка научныхъ трудовъ и заслугъ А. В. Горскаго только вопросъ времени, что онъ весь высказался, кромѣ печатныхъ трудовъ и неизданныхъ курсовъ, въ научной перепискѣ и главнымъ образомъ въ безчисленныхъ замѣткахъ на книгахъ и рукописяхъ. Предположимъ почти невозможное, будто всѣ замѣтки Горскаго можно собрать, а всѣ письма и курсы найти и издать. Въ результатѣ этого труда будетъ только собраніе сырого матеріала, не больше. Развѣ въ этомъ высказывается весь ученый? Еслибы А. В. оставилъ этотъ матеріалъ даже въ систематическомъ порядкѣ, то и тогда нельзя бы считать ученаго высказавшимся. Мы не уловили бы тѣхъ общихъ идей, которыя управляли этой громадной работой собирателя, не увидали бы того зданія, которое онъ проектировалъ построить. А. В-ча звали при жизни, называютъ и теперь *энциклопедіей*. Но точно ли это названіе по отношенію къ покойному ученому? Не былъ ли онъ больше, чѣмъ живая энциклопедія? Даже если и такъ, если признаемъ, что у А. В-ча не было бы связной, продуманной во всѣхъ частяхъ научной системы, то возникаетъ еще вопросъ, есть ли надежда возстановить болѣе или менѣе удовлетворительно обработанныя и обдуманныя части его системы? Не думаемъ чтобы возможно было сдѣлать и это.

вмѣстить это головы вашихъ студентовъ? Нынѣ странное направленіе въ исторіи. Смотрятъ на человѣчество, какъ на одного человѣка, и усвояютъ ему то то, то другое общее направленіе. Прекрасный взглядъ на исторію Боссюэтовъ". Но историческія воззрѣнія Боссюэта были отсталыми и въ свое время, въ концѣ XVII стол. Это смѣлая попытка унизить исторію до степени простой послушницы теологіи. Одинъ только факторъ онъ признаетъ въ исторіи: волю Провидѣнія, управляющаго царствами и сердцами людей. „Впослѣдствіи, продолжаетъ Филаретъ, другимъ не захотѣлось все сводить къ христіанству; они выдумали каждому вѣку своихъ представителей, каждому народу свою идею. Все это пустяки!" Въ изложеніи причинъ гоненій митрополиту не понравилось, что они оправдывались законами римской имперіи и потому были какъ бы законнымъ дѣломъ. Онъ признавалъ одну только причину ихъ—религіозную, языческое суевѣріе. „Вотъ вы, кажется, главное то и упустили. Слона то и не примѣтили. Главною причиною... было языческое суевѣріе. А вы объ немъ ни слова". Но оказалось, что въ курсѣ А. В-ча была указана и религіозная причина, только поставлена на третьемъ мѣстѣ. Слушая о томъ, какъ вліяла философія на образъ мыслей о христіанахъ, Филаретъ замѣтилъ. „Все теоріи. Вы говорите о сектахъ, а о святыхъ мученикахъ говорить не будете?" [1]) Но въ концѣ экзамена услышалъ и о знаменитыхъ мученикахъ.—Какія чувства испытывалъ послѣ экзамена профессоръ церковной исторіи, онъ не передалъ въ своемъ дневникѣ ни единымъ словомъ. Измѣнилъ ли онъ этотъ отдѣлъ къ слѣдующему году, къ сожалѣнію мы не знаемъ. Знаемъ только, что метода Неандера онъ не перемѣнилъ на Боссюэтовъ [2]). Строга была цензура надъ академическими лекціями, но еще строже надъ печатными работами наставниковъ. У А. В-ча есть такое сообщеніе въ дневникѣ. Ректоръ академіи Филаретъ Гумилевскій, воротившись отъ митрополита, разсказывалъ о своей бесѣдѣ съ нимъ—и жалобу владыки на недостатокъ у насъ духовныхъ сочиненій: „ученые ду-

---

[1]) *Дневникъ* Приб. 34 ч. 134—136; Ср. Исторія академіи, 198.

[2]) Но Филаретъ, не смотря на свои возраженія, должно быть былъ доволенъ экзаменомъ А. В-ча, такъ какъ въ этомъ же году (1837) сдѣлалъ его экстроординарнымъ профессоромъ.

ховные, — говорилъ онъ, — ничего не пишутъ". „Да какъ и писать? замѣчаетъ отъ себя А. В. Что ни будетъ написано со стараніемъ раскрыть новую сторону въ предметѣ, — все это покажется ересью. Вотъ напримѣръ ересь: мысль о развитіи догматовъ". И въ дальнѣйшихъ рѣчахъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ коренной вопросъ богословской и церковно-исторической науки,—взглядъ вполнѣ ортодоксальный [1]). Филаретъ и Горскій были люди разныхъ эпохъ, несродныхъ воззрѣній на Христову истину. Филаретъ былъ догматистъ—христіанство онъ считалъ неподвижной и всегда себѣ равной доктриной и въ самомъ себѣ и въ сознаніи человѣчества. Горскій былъ церковный историкъ. Твердо и православно вѣруя, онъ допускалъ нѣкоторое развитіе христіанской догмы въ сознаніи церкви [2]). И онъ былъ поставленъ въ невозможность раскрывать новыя стороны въ этомъ главнѣйшемъ вопросѣ своей науки. Но А. В. привыкъ подчиняться еще съ дѣтства, Филаретъ сталъ для него на мѣсто родителей. Впрочемъ было бы несправедливостью сказать, что А. В. преклонялся только предъ внѣшней силой Филарета—предъ его властью, несомнѣнно онъ благоговѣлъ предъ умомъ Московскаго святителя и въ его глубокомъ богословствованіи находилъ оправданіе своихъ собственнымъ строго православныхъ воззрѣній. Помнящіе то время люди передаютъ, что никто въ академіи не понималъ такъ хорошо научно-богословскихъ требованій Филарета, какъ А. В. Горскій. Митрополиту ежегодно представляли лучшія магистерскія сочиненія студентовъ, представляли послѣ передѣлки преподавателями и ничьи сочиненія не проходили такъ благополучно, какъ побывавшія у А. В-ча [3]). Ученый въ такомъ

---

[1]) *Тамъ же*, стр. 126—128. Въ лекціяхъ А. В. формулировалъ свое воззрѣніе на этотъ вопросъ такъ: „здѣсь (въ его курсѣ по церковной исторіи) говорится о развитіи догматики, а не догматовъ". *А. П. Лебедевъ*, 563.

[2]) А. В. признавалъ возможнымъ появленіе въ церкви новыхъ догматовъ конечно послѣ санкціи вселенскаго собора. *Душ. Чт.*. 1891, III, 283. Филаретъ считалъ это какъ бы ересью. „Напрасно утверждаютъ, что у насъ богословская наука мало была разработываема. Что же? Развѣ хотятъ, чтобы созидаемы были новые догматы?" *Дневникъ*, Приб. Ч. 35, 252.

[3]) Объясняя естественность подчиненія А. В. Горскаго митр. Филарету, — что лежало въ натурѣ ученаго, въ его воспитаніи и наконецъ въ преклоненіи предъ геніальнымъ святителемъ, мы не можемъ признать

положеніи становится или мученикомъ научной идеи, или ея измѣнникомъ. Но А. В. не погибъ, потому что не былъ героемъ; онъ не былъ измѣнникомъ и не продалъ своего пера. Онъ только скрывалъ порой свои открытія и очень мало писалъ, а если и писалъ, то почти безъ обобщеній, безъ выводовъ, которые бы открывали его научные взгляды, затрогивающіе систему церковнаго вѣроученія и господствующія вѣроисповѣдныя понятія. Можетъ быть въ этомъ сказалась прежде

вмѣстѣ съ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ, что Филаретъ своимъ „духовнымъ гнетомъ" сдѣлалъ изъ Горскаго „мумію". Вотъ слова Соловьева объ отношеніяхъ м. Филарета къ академіи и Горскому. „Подъ особымъ гнетомъ находилась духовная академія Московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ... не превращалъ человѣка въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи—(къ этимъ словамъ покойный Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ дѣлаетъ свое примѣчаніе). Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи, Филаретъ вырываетъ ее и, чтобъ отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ:—„Это что за нелѣпость", кричитъ онъ ему. Тотъ кланяется." *Прим. Вл. С. Соловьева.* „Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А. В. Горскаго я былъ съ нимъ близокъ въ качествѣ вольнаго слушателя Московской духовной академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ. При необъятной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необыкновенной сердечной добротѣ, этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнета—въ крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями: онъ все понималъ, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго непринятаго рѣшенія". *Записки С. М. Соловьева.* Вѣст. Евр. 1896, 3 стр. 700. Но съ этими рѣзкими замѣчаніями Соловьевыхъ никакъ нельзя согласиться. Соловьевъ - историкъ, котораго покидаетъ хладнокровіе и, пожалуй, безпристрастіе при сужденіи о Филаретѣ, къ тому же не зналъ лично Горскаго. Соловьевъ-философъ зналъ его, но едва ли близко. Люди, прожившіе въ академіи вмѣстѣ съ А. В-чемъ десятки лѣтъ, свидѣтельствуютъ, что онъ никогда не былъ „муміей": живая созидающая мысль всегда била въ немъ, только не для всѣхъ она высказывалась. Почтенный историкъ судитъ объ А. В-чѣ, кажется, только съ точки зрѣнія его печатныхъ трудовъ, не принимая во вниманіе другую главнѣйшую форму проявленія учености и научнаго вліянія Горскаго, — его научное руководительство (о чемъ рѣчь ниже).—Объ отношеніяхъ митр. Филарета къ Московской академіи можно читать въ ***Исторіи академіи.***

всего особенность природныхъ дарованій ученаго — превосходство аналитической способности надъ синтезомъ, но несомнѣнно не остались безъ вліянія и обстоятельства, при которыхъ онъ работалъ. Послѣ выхода изслѣдованія Макарія, тогда еще архимандрита, инспектора Петербурской академіи, (въ 1846 г.) „Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра“ Погодинъ проситъ А. В-ча написать разборъ. А. В. ему отвѣчаетъ. „Для себя я занимаюсь разборомъ, какъ могу и сколько могу, готовъ сообщить вамъ свои замѣчанія. Но положеніе дѣлъ нашихъ церковныхъ и мое личное положеніе не позволяютъ говорить печатно, что по совѣсти ученый можетъ и долженъ сказать въ своемъ кабинетѣ“ [1]). Не по скромности только, но и для безопасности А. В. обычно не подписывалъ своихъ статей.—Вотъ почему онъ не сказалъ своего слова, не сдѣлалъ переворота въ наукѣ, а памятникомъ своей колоссальной учености оставилъ черную работу, нужную только спеціалистамъ—оставилъ Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки [2]).

Любопытно прослѣдить личныя отношенія митр. Филарета къ А. В. Горскому. Митрополитъ выдѣлялъ его изъ остальной академической братіи и порой писалъ ему [3]). Онъ встрѣчался съ Горскимъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, чаще, чѣмъ съ другими, т. е. чаще приглашалъ его къ себѣ [4]). Ученые подвиги и заслуги А. В-ча, его религіозность и нравственная чистота жизни нашли справедливую оцѣнку со стороны взыскательнаго начальника въ быстромъ повышеніи А. В-ча по службѣ, а особенно въ письмахъ къ оберъ-прокурорамъ по поводу разныхъ наградъ ему [5]). Московскій владыка, не

---

[1]) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, VIII, 254 стр. 143. „Простите нашей несмѣлости“ отвѣчаетъ А. В. на просьбу Погодина написать разборъ сочиненій А. Н. Муравьева.

[2]) Мало осталось печатныхъ трудовъ отъ А. В-ча еще и потому, что онъ былъ чуждъ обычныхъ побужденій къ „писательству“—желанія скверныхъ прибытковъ, честолюбія и очень уважалъ печатное слово.

[3]) Письма м. Филарета къ Горскому изданы въ Приб. къ Тв. свв. Отцовъ, кн. 29 и 30.

[4]) *Преосв. Савва*, II, 561 (Письмо митрополита къ А. В-чу 1861 г.).

[5]) На запросъ гр. Протасова, какой награды заслуживаетъ профессоръ Горскій, Филаретъ писалъ 14 апр. 1854 г. „Положеніе сего профессора въ службѣ есть особенное. Служитъ онъ при академіи двадцать лѣтъ.

щедрый на заслуженныя похвалы и очень строгій къ проступкамъ подчиненныхъ, рѣдко, гораздо рѣже чѣмъ другимъ,

---

Еслибы онъ при началѣ сего поприща вступилъ въ духовное званіе: безъ сомнѣнія онъ уже неоднократно былъ бы удостоенъ свойственнаго сему званію возвышенія въ санѣ и знаковъ отличія. Подобнымъ образомъ и вступивъ въ свѣтское званіе, онъ имѣлъ бы повышеніе въ чинахъ и, вѣроятно, былъ бы удостоенъ знака отличія. Но онъ не вступилъ въ свѣтское званіе, потому что имѣетъ болѣе расположенія къ духовному; не вступилъ и въ духовное, въ которомъ по закону послушанія вѣроятно былъ бы долженъ подчиниться перемѣнѣ и мѣста службы и рода занятій, а остался только наставникомъ, дабы постоянно заниматься избранною имъ наукою, исторіею, въ которой и достигъ такихъ успѣховъ и извѣстности, что нѣкоторыя ученыя общества, безъ его исканія, избрали его въ свои члены. Такое положеніе проф. Горскаго, по моему мнѣнію, достойно особеннаго вниманія, потому что онъ жертвовалъ обыкновенною надеждою внѣшнихъ преимуществъ любви къ наукѣ... Полагаю справедливымъ, чтобы проф. Горскій представленъ былъ къ награжденію орденомъ св. Владиміра четвертой степени, за соединенную съ пожертвованіемъ любовь къ наукѣ, за отличные въ ней успѣхи и за успѣшное въ ней руководство значительнаго числа студентовъ академіи, которые теперь уже служатъ наставниками (*Собр. мн. и отзыв.* Т. доп. 330 - 331 стр.). Въ 1860 г. (15 дек.) Филаретъ пишетъ гр. Толстому о кандидатахъ на ректорскую должность въ академіи и между прочимъ объ А. В-чѣ. „При несомнѣнномъ достоинствѣ вообще, онъ обладаетъ по исторіи и древностямъ церковнымъ свѣдѣніями, которыя присоединили его къ числу извѣстныхъ ученыхъ. Но онъ какъ съ начала своего служенія при академіи, по чистой любви къ наукѣ, принялъ намѣренія держаться одного мѣста и однихъ занятій, почему и въ духовное званіе долго не вступалъ, такъ и нынѣ остается при томъ же расположеніи. И нельзя не взять во вниманіе, что теперь долголѣтно пріобрѣтенныя имъ познанія прямо, свободно, вполнѣ идутъ въ употребленіе и пользу: а въ случаѣ перехода его на новую каѳедру, они были бы менѣе употребительны и потребовали бы новый усиленный трудъ для новаго предмета" (*Тамъ же*, IV, 573—574).—Въ письмѣ къ Ахматову о награжденіи А. В-ча митрой (1862 г., 26 ноября) говорится: „Московской духовной академіи ректоръ протоіерей А. Горскій доведенъ до сей должности тридцатилѣтнею службою, назидая образующееся юношество здравымъ ученіемъ и добрымъ примѣромъ. Его сочиненія доставили ему почетную извѣстность далѣе круга духовнаго вѣдомства. Нѣсколько архіереевъ суть его прежніе ученики. Посему согласно съ справедливостью онъ можетъ быть украшенъ однимъ изъ высшихъ для бѣлаго духовенства отличій—митрою" (V, 354—355). Немного раньше, предъ выборомъ А. В-ча въ ректора (26 сентября 1862 г.) Филаретъ писалъ тому же оберъ-прокурору. „Ректоромъ академіи могъ бы назначенъ быть профессоръ прот. А. Горскій, достойный сего по учености, долговременной службѣ и нравственному достоинству. Не будучи монахомъ, онъ такъ же какъ монахъ, всего себя посвящаетъ

дѣлалъ выговоры А. В-чу [1]),—и это отъ того, что не было болѣе послушнаго и исполнительнаго человѣка въ академіи, какъ проф. Горскій. Вѣря не только въ его познанія въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ, но и въ духовное направленіе образа мыслей, Филаретъ довѣряетъ ему такое важное и небезопасное для церкви съ его точки зрѣнія дѣло, какъ описаніе Синодальной библіотеки.

Но едвали митр. Филаретъ былъ привязанъ къ А. В-чу сердцемъ, по крайней мѣрѣ онъ не могъ простить ему одного обстоятельства—именно отказа отъ монашества, того единственнаго пункта, гдѣ властный характеръ святителя сталкивался съ пассивнымъ противодѣйствіемъ ученаго. Не смотря на то, что митрополитъ хорошо зналъ и уважалъ мотивы отказа, онъ хотѣлъ настоять на своемъ. Поставивъ А. В-ча ректоромъ, Филаретъ послалъ ему письмо. Въ печати оно занимаетъ восемь неполныхъ строкъ, а въ немъ три раза повторено слово „послушаніе“ [2]). Скоро чрезъ другихъ А. В-чу было предложено принять монашество. Тотъ поколебался въ своемъ отказѣ, обратился къ евангелію и ему открылся текстъ, поддержавшій его прежнее рѣшеніе: „аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій и всѣмъ слуга“. Велѣніе Божіе онъ предпочелъ волѣ святителя. Потомъ случилось, что въ ректорство А. В-ча (въ 1866 г.) кончили курсъ два вдовыхъ священника и не постриглись въ монахи. Митр. Филаретъ усмотрѣлъ въ этомъ и несправедливо антимонашеское вліяніе новаго ректора и сталъ даже раскаиваться въ назначеніи А. В-ча. Въ 1866 г., Филаретъ, получивъ отъ св. Синода распоряженіе ревизовать академію, поручилъ произвести ревизію преосв. Саввѣ во время экзаменовъ. Возвратившись съ экзаменовъ тотъ донесъ между прочимъ, что студенты неудовлетворительно отвѣчали по догматикѣ, которую читалъ А. В.,—не было подходящаго руководства для подготовки. Филаретъ и

духовной учености, и исполненію академическихъ обязанностей, не развлекаясь ничѣмъ посторопнимъ“ (*Тамъ же*, V, 323—324). См. въ томъ же изданіи II, 418, Т. дополн. 118.

[1]) Извѣстно одно суровое письмо митр. Филарета къ А. В-чу. Приб. къ Тв. св. Отцовъ, кн. 29, 543—544.

[2]) *Приб. къ Твор. св. От.* ч. 29, стр. 551.

самъ былъ потомъ въ академіи на публичномъ экзаменѣ и слушалъ отвѣты по догматическому богословію, но заставилъ преосв. Савву изложить свои сужденія на бумагѣ и его отчетъ вмѣстѣ съ своими нелестными для Горскаго замѣчаніями послалъ въ св. Синодъ. Тамъ были изумлены отзывомъ митр. Филарета о Московской академіи, которую онъ въ прежніе годы всегда превозносилъ. Послѣ этого было предложено сдѣлать строгій выговоръ протоіерею Горскому, но затѣмъ ограничились только внушеніемъ относительно преподаванія догматическаго богословія. Вотъ фактъ, характерный для отношеній Филарета къ А. В-чу, недавно опубликованный въ автобіографическихъ запискахъ преосв. Саввы [1]). Разсказываютъ, что это не единственный случай въ такомъ родѣ.

Въ связи съ близостью А. В. Горскаго къ митр. Филарету стоитъ то обстоятельство, что ему много привелось работать по порученіямъ особенно со стороны Филарета. Довѣряя академической наукѣ, тогда охотно заваливали порученіями наиболѣе выдающихся людей въ академіяхъ. Но иногда эти порученія науки не касались совершенно или касались мало. И вотъ А. В. то участвуетъ въ переводѣ священнаго Писанія на русскій языкъ, то составляетъ историческое описаніе Троицкой лавры, то разбираетъ одинъ запущенный архивъ, пишетъ замѣчанія на проектъ университетскихъ уставовъ, о синайскомъ кодексѣ противъ Порфирія Успенскаго, наводитъ научныя справки и пишетъ изслѣдованіе по щекотливому вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ 1860 г. А. В. былъ посланъ въ Петербургъ для работъ въ комитетѣ по преобразованію духовныхъ училищъ и когда отказывался ѣхать и указывалъ на В. Д. Кудрявцева, митрополитъ замѣтилъ: „онъ молодъ; тебя можетъ быть лучше послушаются“. Въ 1869 г. ужъ по порученію митр. Иннокентія А. В. снова былъ въ Петербургѣ на юбилеѣ университета и жалѣлъ, что „приходится бездѣльничать“. Митр. Филаретъ шлетъ къ нему свою рѣчь о митр. Алексіѣ, чтобы тотъ просмотрѣлъ ее въ исторической части. Во время законодательныхъ работъ о земскихъ учрежденіяхъ у Филарета спросили его мнѣнія, а онъ поручаетъ проф. Горскому навести справки о земскихъ соборахъ въ древней Руси. Знаменитый святи-

[1]) III т. 370—375 и прим.

тель обращался къ А. В-чу и въ важныхъ и въ неважныхъ случаяхъ своихъ недоумѣній. Т. И. Филипповъ свидѣтельствуетъ, какъ объ обстоятельствѣ хорошо ему извѣстномъ, что во многихъ важнѣйшихъ вопросахъ церковнаго управленія, въ которыхъ св. Синодъ требовалъ отъ московскаго владыки совѣта, онъ самъ искалъ совѣта и ученыхъ указаній А. В. Горскаго и въ нихъ находилъ твердую наукообразную опору для своихъ правительственныхъ соображеній. Но разъ митрополиту захотѣлось знать—„какія наиболѣе знаменитыя лица между архіереями были у насъ изъ причетниковъ" и А. В-чу пришлось разыскивать такихъ архіереевъ. Пробившись долго за скучнымъ и безплоднымъ дѣломъ разборки архива, онъ возроптал, потому что былъ отвлеченъ отъ собственныхъ плановъ и предначертаній, но потомъ раскаялся и упрекаетъ „свою мятежную волю и кичливый разумъ" за противорѣчіе обязанностямъ, сколько бы ни казались эти послѣднія ниже первыхъ. Но порученія научнаго характера увлекали А. В-ча и онъ исполнялъ ихъ съ образцовой тщательностью. Значительная часть его печатныхъ трудовъ возникла благодаря порученіемъ. Не забудемъ и того, что Описаніе рукописей Синодальной библіотеки онъ составлялъ по порученію митр. Филарета.

V.

Ученые труды.

Лекціи А. В. Горскаго отличались новостью матеріала, строгостью метода и окрашивались оттѣнкомъ религіознаго одушевленія: мѣстами онѣ приближались къ произведеніямъ церковнаго краснорѣчія. Его лекціи въ первые двадцать лѣтъ профессорства нравились слушателямъ, особенно чтенія по евангельской исторіи. Нѣкоторые изъ его учениковъ и послѣ окончанія академіи хранили свои записки и читали, чтобы „возбудить и разогрѣть религіозное чувство" [1]). Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ пришло другое время, явились новыя требованія, а А. В. оставался при прежнихъ

[1]) *Преосв. Савва,* I, 386. Лекціи Горскаго по евангельской исторіи изданы въ Приб. къ Тв. свв. Отцовъ, кн. 36, 37 и 38.

пріемахъ лекторства. И съ этого времени въ его аудиторіи никогда не было тѣсно,—не потому только, что наши аудиторіи вообще „слишкомъ просторны", а еще и отъ того, что въ его лекціяхъ видѣли „элементъ слащавости и недостатокъ критики" [1]. Да, видѣли недостатокъ критики у Горскаго, у котораго научному методу учатся ученые... Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ сознавался, что къ лекціямъ А. В-ча относились „легкомысленно". Не смотря на громкій голосъ лектора, который еще усиливался въ наиболѣе одушевленныхъ мѣстахъ, ухитрялись его не слушать, занимаясь своей работой, газетой или романомъ. На репетиціи, которую онъ разъ задумалъ произвести, самый исправный и внимательный его слушатель почти ничего не отвѣтилъ. Это огорчало впечатлительнаго А. В-ча. Онъ предлагалъ слушателямъ останавливать его вопросами, или класть записочку съ вопросомъ въ каѳедру. Но вопросовъ не послѣдовало. А между тѣмъ было что послушать въ лекціяхъ проф. Горскаго.

Проф. А. П. Лебедевъ изучалъ рукописные курсы и конспекты А. В-ча по исторіи древней церкви, которую тотъ читалъ дольше другихъ наукъ, и пришолъ къ слѣдующимъ сужденіямъ о Горскомъ, какъ церковномъ историкѣ. Онъ не имѣетъ у насъ предшественниковъ, если не считать составителей учебниковъ. А. В. первый на Руси ученый въ этой важной наукѣ. Методъ его работы вполнѣ научный. Онъ былъ убѣжденъ, что церковная исторія какъ наука подлежитъ общимъ законамъ исторической истины и должна пользоваться одними достовѣрными источниками. Но церковная исторія—не сборникъ только фактовъ мертвыхъ и сухихъ, она наука, которая собирая ихъ должна проникать во внутреннюю ихъ связь, извлекать идеи факта изъ самаго факта. Каждый отдѣлъ церковной жизни въ извѣстную эпоху долженъ излагаться такимъ образомъ, чтобы данныя раскрывались во внутренней связи между собой, такъ чтобы цѣлое представляло собою по возможности одно живое органическое развитіе началъ, находившихся внутри обозрѣваемой части церковной жизни. Слѣдовательно, Горскій былъ серьезный историкъ по своимъ научнымъ планамъ. На свой предметъ онъ держался самаго возвышеннаго взгляда:—цер-

---

1) *Гиляровъ-Платоновъ.* Изъ пережитого, стр. 341.

ковная исторія представляетъ Бога въ самомъ ближайшемъ отношеніи къ человѣчеству. Въ частности главнѣйшія стороны церковно-исторической жизни ученый разсматриваетъ, какъ обнаруженіе христіанской жизни подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ св. Троицы: обнаруженіе каждаго Лица въ извѣстной группѣ фактовъ, составляющихъ въ общемъ все содержаніе науки церковной исторіи. Въ распространеніи христіанства, твердости мучениковъ во время гоненій, апологетической дѣятельности церкви, направленной ко вразумленію язычества, не хотѣвшаго признать величіе христіанства, Горскій примѣчалъ вліяніе Перваго Лица св. Троицы, призывающаго человѣчество въ нѣдра церкви. Другія группы церковно-историческихъ явленій, касающихся внутренняго развитія и благоустройства церкви, А. В. поставляетъ подъ особенное дѣйствіе Второго Лица св. Троицы, Сына Божія, Христа. Сюда относитъ онъ исторію церковнаго ученія, богослуженія и іерархіи. Область Духа Святого въ исторіи церкви, по воззрѣнію ученаго, состоитъ въ направленіи всей жизни христіанской къ практическому осуществленію идеала добра и истины. Подъ особеннымъ Его водительствомъ находятся учрежденія, касающіяся жизни христіанской, напр. монашество. Эта богословская метафизика являлась слѣдствіемъ высокой религіозности А. В-ча. Но она ровно ничему не мѣшала: не превращала его курса въ благочестивыя размышленія. Мы видѣли, что Горскій признавалъ „развитіе догматики“. Къ западной наукѣ онъ относился съ уваженіемъ, но самостоятельно. „Знакомство съ современными мнѣніями нѣмецкихъ ученыхъ (по священному писанію), хотя часто совершенно ложными, представляется необходимымъ для академическаго преподавателя“, заявлялъ А. В. въ одномъ докладѣ митр. Филарету [1]). Здѣсь онъ совѣтовалъ слѣдовать апостольскому правилу: „вся искушающе, добрая держите“,—„искушающе“, объясняетъ онъ, „т. е. обращаясь къ первоначальнымъ источникамъ“. При своей религіозности А. В. отличался очень широкимъ научнымъ кругозоромъ съ первыхъ лѣтъ профессорства. Въ письмахъ къ Филарету Гумилевскому онъ сравниваетъ два пути—два метода богословской науки: *путь всеиспытанія и путь всевѣрія*. Первый признаетъ своимъ пу-

---

[1]) *Преосв. Савва*, II, 575.

темъ, а въ пути всевѣрія (вѣры во всѣ преданія) онъ не видитъ совершеннаго единства. Филаретъ, еще ранѣе по одной проповѣди А. В-ча почувствовавшій въ немъ духъ, чуждый церкви, вліяніе раціоналистическаго болота, или крѣпко запущенныя когти нѣмецкаго волка, совѣтуетъ ему *слѣпо* держаться преданій церкви и перемѣнить методъ: вмѣсто анализа, который у него господствовалъ, взять синтезъ, т. е. не отъ своихъ мыслей доходить до божественной истины, а наоборотъ—отъ божественной истины и преданій нисходить къ своимъ мыслямъ [1]). Но напрасно опасался Филаретъ за православіе своего ученаго друга. Онъ держалъ доброе „искушающе". Изъ западныхъ историковъ Горскій больше всѣхъ цѣнилъ Неандера, любилъ его и изучалъ и вліяніе этого ученаго сказалось на лекціяхъ А. В-ча Но здѣсь не было рабскаго слѣдованія, потому что Горскій былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древней христіанской и византійской письменности, былъ полнымъ хозяиномъ предмета. Въ иныхъ случаяхъ онъ является апологетомъ христіанской истины и дорогихъ ему вѣрованій противъ протестанскихъ ученыхъ, напр. противъ Баура, защищаетъ лицо Константина Великаго. Тѣ вопросы, которые рѣшаются въ наукѣ не одинаково, А. В. подвергаетъ всесторонней и безпристрастной критикѣ, иногда, изложивъ разные взгляды, предлагаетъ слушателямъ самимъ выбирать между ними, приведя только соображенія за и противъ, иногда самъ рѣшаетъ затрудненія. Наука церковной исторіи очень обширна и А. В. долженъ былъ выбирать для лекцій только нѣкоторыя изъ нея части. Выбиралъ онъ самое существенное и главное и выбранное обработывалъ съ тщательностью и трудолюбіемъ. Несомнѣнно А. В. былъ способенъ къ прагматизму, къ построенію системы науки. Но въ своихъ трудахъ онъ принадлежалъ къ историкамъ объективнаго направленія, старался какъ можно тщательнѣе изложить факты, не давая своего истолкованія и объясненія. Проф. Лебедевъ объясняетъ это тѣмъ, что А. В. сознавалъ преждевременность построеній науки исторіи церкви на Руси, а заимствовать готовыя системы у западныхъ ученыхъ онъ, какъ православный ученый, не могъ. Но мнѣ кажется, на это повліяли и другія, внѣшнія для науки, обстоятельства (см. выше). Очень по-

---

[1]) *Душепол. Чтеніе*, 1896 г., 3, 322—25, 440—43.

учительны тѣ требованія, какія предъявлялъ профессоръ къ своимъ слушателямъ. Онъ желалъ, 1) чтобы учащійся зналъ сущность науки, 2) источники, изъ которыхъ должно почерпать свѣдѣнія, и 3) правильный методъ. Съ этимъ нельзя не согласиться и прибавить къ этому нечего [1]).

Не менѣе, а можетъ быть болѣе, чѣмъ для исторіи древней церкви, А. В. сдѣлалъ для молодой тогда науки исторіи русской церкви. Заслуга его здѣсь также не оцѣнена и курсы лекцій лежатъ въ рукописяхъ въ нашей библіотекѣ и въ одной изъ библіотекъ Румянцевскаго музея [2]). Съ ними ознакомился нашъ извѣстный ученый покойный Н. С. Тихонравовъ и мы приведемъ нѣкоторыя его замѣчанія объ этихъ курсахъ Горскаго [3]). Когда А. В. начиналъ свои чтенія, живой интересъ возбудила въ литературѣ книга Полевого „Исторія русскаго народа“. Видимо она увлекала молодого профессора и въ первомъ его курсѣ встрѣчаются постоянныя ссылки на Полевого. Но Горскій былъ скоро въ силахъ оцѣнить поспѣшные выводы этого автора. Помогло этому вліяніе Филарета Гумилевскаго сначала инспектора (съ 1833 г.) потомъ ректора (1835—1841 гг.) нашей академіи: онъ возбудилъ въ А. В-чѣ интересъ къ изученію рукописей академіи и Троицкой лавры, поставилъ его на самостоятельную дорогу. Задача курса А. В-ча была широка и трудна. Онъ слѣдитъ за постепеннымъ раскрытіемъ христіанскаго ученія: „какъ ученіе прежде распространялось, какъ прилагалось къ уму, какъ раскрывалось и въ чемъ обнаруживало свое дѣйствіе“. Онъ прямо обращается къ внутренней исторіи русской церкви, когда и внѣшняя то ея исторія была далеко не разработана. Чтобы рѣшить этотъ сложный вопросъ, ученый сосредоточиваетъ свое вниманіе на проводникѣ христіанскихъ идей въ языческую массу русскаго славянства — на литературѣ и проповѣди. Но проповѣдь и въ Византіи того времени была слишкомъ искусственна, переводная литература

---

[1]) При составленіи этого отдѣла мы пользовались главнымъ образомъ статьей *проф. А. П. Лебедева* „Церковный историкъ А. В. Горскій“, составляющей 555—579 стр. его книги „Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка по XX“. Москва. 1898.

[2]) Именно среди рукописей Ундольскаго, *Описанія* стр. 179.

[3]) Изъ литографированнаго курса 1881/82 ак. года стр. 117—134, любезно предоставленнаго намъ Н. М. Громогласовымъ.

недоступна; истинной драгоцѣнностью оставался одинъ переводъ св. Писанія. При этомъ единственномъ проводникѣ Христовой истины въ народъ ея усвоеніе было слабо не только въ до-монгольскій періодъ, но и позднѣе. Недостатокъ просвѣщенія на Руси вызвалъ въ церкви расколъ. Объясняя исторію раскола, ученый умѣетъ сохранить историческую правду во всей чистотѣ, не поступаясь ею для предвзятыхъ воззрѣній. Онъ осторожный историкъ; онъ комментируетъ историческій фактъ, а не обличаетъ старообрядцевъ и сожалѣетъ, что въ полемикѣ „на помощь истинѣ призывается явный подлогъ". Въ древнихъ памятникахъ церковной литературы А. В. указывалъ слѣды двойного аллилуія и двуперстія. „Древнее свидѣтельство о двоеперстіи—открытіе А. В. Горскаго, которымъ только воспользовался не А. В.... Съ другой стороны въ никоновскомъ исправленіи книгъ онъ находилъ недостатки—утрату смысла при близости перевода. Въ угоду полемическимъ цѣлямъ онъ не прибѣгалъ къ софистикѣ. Филаретъ напр. старался доказать, что Стоглавъ не имѣлъ юридическаго значенія; А. В. отвергаетъ это антиисторическое мнѣніе.

Главное достоинство его историческимъ монографіямъ, которыя изданы, придаетъ то обстоятельство, что авторъ работалъ по рукописнымъ источникамъ и руководился научнымъ методомъ, который имъ усвоенъ у западныхъ ученыхъ. Изученіе русской церковной исторіи опиралось у А. В-ча къ томуже на широкое и близкое знакомство съ исторіей древней и византійской церкви, на знакомство съ источниками этой науки. Если отечественные памятники не представляли ему указанія на отдаленные факты церковной исторіи, онъ обращается къ церкви Константинопольской и тамъ находитъ объясненіе. Памятники русскіе наоборотъ объясняли ему темные вопросы въ исторіи Константинопольскаго патріархата. Такимъ методомъ сравнительнаго изученія для русской церковной исторіи воспользовался достойный ученикъ Горскаго Е. Е. Голубинскій. При своихъ работахъ А. В. пользовался цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ наукъ. Вотъ почему его работы носятъ печать рѣдкой самостоятельности и, если можно такъ сказать, долговѣчности въ наукѣ. Многіе его статьи по русской церковной исторіи были открытіями великой важности. Кромѣ паппонскихъ житій назовемъ: открытіе свидѣтельства о походѣ руссовъ на Ама-

стрицу, доказательство подлинности посланія митр. Леонтія „объ опрѣснокахъ", которое Карамзинъ относилъ къ концу XIV в., знаменитое слово митр. Иларіона. Горскій открылъ посланіе къ Василію, архимандриту печерскому XII стол., письмо „о нелюбкахъ" между заволжцами и іосифлянами. Превосходно изданы и изучены имъ древнія слова на четыредесятницу. Эти открытія, говоритъ Тихонравовъ, не были случайными находками—„это критическое завоеваніе великой ученой силы". И остальныя статьи А. В-ча какъ основанныя на рукописныхъ данныхъ, всесторонне изученныхъ и осторожно подобранныхъ, являлись въ свое время открытіями и признаются образцовыми до сихъ поръ, напримѣръ его біографіи древнихъ московскихъ митрополитовъ, писанныя по порученію митр. Филарета, его статья о сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол. [1]). Русская церковная исторія составляла для А. В-ча, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, „главный предметъ изученія — по обязанности и по любви." Но, какъ сказано выше, эта наука была тогда очень молода и А. В. сознавалъ, что время построенія научной системы для нея еще не наступило. „Не знаю, пишетъ онъ разъ Погодину, выйдетъ ли что-нибудь цѣлое изъ моихъ замѣчаній. Нужно еще болѣе знакомства съ древними нашими церковными памятниками, — съ исторіею церкви у другихъ славянскихъ племенъ, особенно южныхъ. Нужно дождаться изданія лѣтописей. Нынѣ время, кажется, собранія и разработки матеріаловъ, а не составленія исторій. Пусть пишутъ, кому хочется писать поскорѣе. Слышно, что авторъ Русской Церковной Исторіи (А. Н. Муравьевъ) занимается новымъ, болѣе обширнымъ сочиненіемъ по этому предмету. Счастливаго успѣха! Но скороспѣлыя произведенія если гдѣ, то всего болѣе въ исторіи, непрочны". Въ то время, когда готовилась къ выходу въ свѣтъ Исторія Филарета, А. В. занимался жизнеописаніями московскихъ митрополитовъ, стараясь установить точно факты и истинное значеніе каждаго изъ нихъ. „Вотъ цѣль,

---

[1]) Перечень сочиненій А. В-ча см. въ Исторіи Моск. дух. Ак. *С. К. Смирнова*, стр. 124—127 и въ кн. *С. Г. Попова*, 166 стр. Но въ этотъ перечень не вошло нѣсколько поученій А. В. Горскаго, изданныхъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ.

говорить онъ, къ которой стремлюсь въ своихъ разысканіяхъ, не пускаясь въ общія обозрѣнія, которыя должны опредѣлиться сами собою по окончаніи предварительной работы". Всякое открытіе русскихъ источниковъ одушевляло А. В-ча. „Радуюсь отъ всей души вашимъ открытіямъ, обращается онъ къ Погодину. Дорожу каждой строкою оныхъ, Видно, въ нѣдрахъ земли русской хранится не одинъ самородокъ золота. Я здѣсь перечитываю, пересматриваю свои лаврскія рукописи"... Далѣе идетъ прекрасное разсужденіе о древнерусскихъ поученіяхъ. Послѣ открытія Филаретомъ Гумилевскимъ словъ Серапіона Владимирскаго (XIII ст.) Горскій писалъ Погодину. „Слова святыхъ, какъ мощи, въ свое время являются и чрезъ избранныхъ людей являются" [1]).

Свои занятія рукописями А. В. началъ въ академической и лаврской библіотекахъ. Но всего больше сдѣлалъ онъ открытій для русской и славянской исторіи въ Московской Синодальной библіотекѣ, надъ описаніемъ которой работалъ въ продолженіе 13 лѣтъ (съ 1849 по 1862 г.) Московская Синодальная библіотека едва ли не самое лучшее рукописное собраніе на Руси и едва ли не самое драгоцѣнное,—если не по количеству рукописей (кромѣ грамотъ и т. п. около 1430), то по крайней мѣрѣ по древности и по рѣдкости многихъ изъ нихъ. Около трети рукописей—греческія [2]). Это собраніе—*историческая библіотека*, а не книгохранилище, составленное въ новое время болѣе или менѣе случайно по мѣрѣ находокъ и покупокъ. Синодальная библіотека, очень древняя по началу, составлялась до нѣкоторой степени систематически: въ нее, какъ и во многія монастырскія библіотеки древности, собиралось все, что было нужно для церковнаго обихода и для полнаго христіанскаго просвѣщенія. Что нельзя было пріобрѣсти въ собственность, то списывалось, что не было переведено, переводилось: въ

---

[1]) *Барсуковъ*, VII, 65, X, 165; VII, 177—178. 169.

[2]) Во время Горскаго и Невоструева славянскихъ рукописей въ библіотекѣ было 1098, теперь ихъ 1167. Кромѣ того съ 1898 г. въ Синодальную библіотеку поступило 366 рукописей изъ Чудова монастыря,—онѣ имѣютъ свой особый каталогъ и составляютъ отдѣльное собраніе. — Эти справки любезно намъ доставлены г. библіотекаремъ Московской Синодальной библіотеки Н. П. Поповымъ, которому приносимъ свою благодарность.

виду имѣлась полнота собранія. Первое начало этому собранію было положено вѣроятно древними московскими митрополитами. Новгородъ, Псковъ и разные монастыри, безъ всякаго сомнѣнія, внесли также въ ея составъ много рукописей. Главнымъ же образомъ она обогатилась въ періодъ патріаршества, въ эпоху книжнаго исправленія и въ связи съ этимъ дѣломъ. Около 200 рукописей, вывезенныхъ съ востока, при патр. Никонѣ Арсеніемъ Сухановымъ попали сюда. Сюда же попали рукописи и книги послѣ частныхъ лицъ, извѣстныхъ своею книжностью или образованностью: послѣ митрополита сарскаго Павла, Сильвестра Медвѣдева, патріарха Іоакима, ученаго монаха Евѳимія и св. Димитрія ростовскаго. Много рукописей было прислано изъ разныхъ книгохранилищъ по двумъ императорскимъ указамъ—Петра I и Екатерины II. Синодальная библіотека никогда не терпѣла значительныхъ утратъ отъ пожаровъ и войнъ [1]).

Раньше стали описываться греческія рукописи библіотеки иностранными учеными (Скіадою, проф. Маттеи). Главнѣйшее богатство—рукописи славяно-русскія были почти недоступны. Попытки описать ихъ возникли съ начала нынѣшняго столѣтія—Калайдовичемъ (въ 1825 г.), Ундольскимъ (въ 1847 г.). Но эти не выполненныя работы были предприняты не по тому широкому плану, какъ впослѣдствіи описывалъ А. В. съ своимъ сотрудникомъ. Ужъ во время работъ его (въ 1858 г.) архим. Савва (впослѣдствіи архіеп. тверской) не безъ помощи А. В-ча составилъ указатель ко всей библіотекѣ. Но это только указатель рукописей, а не описаніе ихъ. Мысль о порученіи описи Синодальной библіотеки А. В. Горскому принадлежитъ митр. Филарету, который былъ встревоженъ намѣреніемъ свѣтскихъ писателей (Ундольскаго и Погодина) напечатать описаніе библіотеки, а также жалобами на ея недоступность. „Свѣтскіе писатели, пишетъ митрополитъ въ донесеніи св. Синоду, уже напечатали обвиненіе въ томъ, что Синодальная библіотека недовольно извѣстна и не довольно открыта“. Но Филаретъ держался своего взгляда на драгоцѣнное книгохранилище. „Невѣрное или неосмотрительное

[1]) Свѣдѣнія о Синодальной Библіотекѣ см. въ 1 т. 1 пол. „Исторіографіи“ проф. Иконникова и въ многочисленныхъ отзывахъ объ Описаніи Горскаго и Невоструева.

употребленіе древнихъ рукописей, относящихся до церковныхъ догматовъ, церковнаго законодательства, ученія и церковной исторіи можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ. Посему для всякаго приходящаго отворять дверь въ церковную библіотеку не такъ удобно, какъ въ свѣтскую". Поэтому, описаніе „должно быть составляемо подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства, людьми, свѣдущими въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ". Къ тому же церковный взглядъ откроетъ и внесетъ новыя черты, полезныя для церковной учености. Филаретъ искалъ между прочимъ въ древнихъ рукописяхъ данныхъ для обличенія „неправыхъ мнѣній, разномыслящихъ съ православною церковію". И это важное дѣло святитель поручаетъ А. В. Горскому. Когда выразилъ свое желаніе описывать синодальныя рукописи Ундольскій, Филаретъ сдѣлалъ объ А. В-чѣ такой отзывъ: „познанія, опытность и духовное направленіе образа мыслей проф. Горскаго располагаютъ меня нимало не колебаться во мнѣніи, мною представленномъ" [1]). Свою волю митрополитъ высказалъ въ письмѣ тогдашнему ректору академіи Алексію Ржаницыну (въ маѣ 1849 года). Предложеніе застало А. В-ча уже во всеоружіи учености, подготовленнымъ къ работѣ такого рода. Посовѣтовавшись съ ректоромъ, онъ взялся выполнять порученіе. А. В-чу предоставлено было право выбрать себѣ сотрудника и онъ выбралъ Капитона Ивановича Невоструева, профессора симбирской семинаріи по священному писанію, магистра XII курса нашей академіи [2]). Невоструевъ отказывался первоначально своею неподготовленностью къ работѣ и слабостью зрѣнія. А. В. его убѣдилъ. Они выработали пріемы описанія, руководясь главнымъ образомъ методомъ Востокова, и начали занятія въ сентябрѣ 1849 г. Невоструевъ жилъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ, А. В. въ посадѣ. Главная работа лежала на Невоструевѣ, который имѣлъ у себя помощниками двоихъ писцовъ. А. В-чу принадлежала высшая научная цензура надъ изысканіями чудовскаго труженика.

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета, Т. дополн., 277—285.

[2]) О К. И. Невоструевѣ см. *Прав. Обозр.* 1873 г. III, № 4 194—197. *Свящ. А. Баратынскаго,* Памяти К. И. Невоструева; *И. И. Срезневскаго,* К. И. Невоструевъ, *Зап. Ак. Н.*; въ *Исторіи Академіи;* въ Запискахъ *преосв. Саввы.*

При изданіи Горскій прочитывалъ вторую корректуру. Которому изъ двухъ ученыхъ пришлось болѣе потрудиться въ этомъ дѣлѣ—вопросъ трудный и спорный. Одни приписывали весь трудъ Горскому, а на Невоструева смотрѣли какъ на чернорабочаго; другіе держались мысли, что Горскій только слегка обдѣлывалъ, очищалъ написанное Невоструевымъ. Изученіе черновыхъ тетрадей описанія, что и сдѣлалъ Н. С. Тихонравовъ, показываетъ несправедливость обоихъ сужденій [1]). Сначала Невоструевъ былъ не подготовленъ къ спеціальной работѣ описанія рукописей и Горскому приходилось показывать ему элементы, азбуку. Толстыя тетради, исписанныя въ Чудовомъ монастырѣ, иногда зачеркивались крестомъ въ лаврѣ, покрывались крестиками, замѣтками, наставленіями, вопросами. Тетрадь переписывалась снова и снова исправлялась. Случалось иногда, что А. В. на основаніи своего глубокаго изученія лаврскихъ и академическихъ рукописей дѣлалъ догадку, не видя тѣхъ рукописей, которыя описывалъ Невоструевъ, и его догадка оправдывалась. Или же дѣлалось такъ, что работу начиналъ Горскій: онъ бралъ къ себѣ рукопись, прочитывалъ ее, дѣлалъ свои замѣтки и наблюденія и потомъ отсылалъ въ Москву для описанія. При описаніи было поставлено задачей составить не сухой перечень статей рукописей, но изложить „историческую судьбу тѣхъ литературныхъ произведеній, списки которыхъ попали въ Синодальную библіотеку". Возникало множество вопросовъ, предъ которыми терялись въ Чудовомъ монастырѣ и останавливались въ лаврѣ. А. В. писалъ иногда Невоструеву: „подумаемъ, я еще не успѣлъ себѣ составить опредѣленнаго понятія объ этомъ предметѣ" и Невоструевъ ждетъ, до чего додумается и докопается А. В. Нѣкоторые въ высшей степени важные отдѣлы Описанія составлены самимъ Горскимъ вмѣсто написаннаго Невоструевымъ. Онъ прислалъ въ посадъ толстую тетрадь съ выдержками изъ Іоанна, экзарха болгарскаго. А. В. хоронитъ ея содержаніе подъ длиннымъ крестомъ и пишетъ свою тетрадку, которую изъ деликатности пришиваетъ къ тетради Невоструева—это блестящее, обильное новыми выводами изслѣдо-

[1]) Пользуемся тѣмъ же литографированнымъ курсомъ покойнаго ученаго.

ваніе объ Іоаннѣ экзархѣ. Вообще А. В. обращался съ своимъ трудолюбивымъ но еще неопытнымъ сотрудникомъ деликатно и гуманно, не оскорбляя его самолюбія. И Горскій воспиталъ этого ученаго. И. И. Срезневскій, имѣвшій случай наблюдать за работами по описанію, отдавая должное трудамъ А. В-ча, говоритъ: „велики и достойны всякаго уваженія въ научномъ отношеніи были и замѣтки, замѣчанія и соображенія К. И. Невоструева“ [1]). Но онъ не сравнялся съ нашимъ ученымъ. Когда Невоструевъ самъ попавыкъ въ работѣ, онъ сталъ высказывать сужденія, несогласныя съ взглядами руководителя описанія. Выходили споры и неудовольствія. Невоструевъ тяготился опекой Горскаго. Но проходитъ время, онъ чувствуетъ нужду въ указаніяхъ А. В-ча и согласіе возстановляется. Когда А. В. сдѣлался ректоромъ (1862 г.) и отказался отъ труда по описанію, Невоструевъ остался хозяиномъ дѣла. Но здѣсь то онъ и почувствовалъ нужду въ опытномъ руководительствѣ. Послѣднюю часть описанія—5-ую Невоструевъ выпустилъ ужъ одинъ, но въ предисловіи замѣтилъ, что въ ея составленіи принималъ большое участіе и А. В. Горскій. Есть основаніе думать, что Невоструевъ, жившій въ Москвѣ при Синодальной библіотекѣ, зналъ ее хуже, чѣмъ Горскій [2]). Въ результатѣ получилось такое описаніе, какихъ, по заявленію ученыхъ рецензентовъ, немного и въ европейской литературѣ. „Это—сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи языка какъ русскаго, такъ и южнославянскаго“; трудъ, „который составляетъ основу для изученія древней русской литературы“. Въ нашей литературѣ рядомъ съ нимъ можно было тогда поставить только Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, составленное Востоковымъ. Но трудъ двухъ ученыхъ былъ выше даже и востоковскаго Описанія, потому что Горскій превосходилъ Востокова глубиной и широтой богословскаго образованія, столь необходимаго для вѣрной оцѣнки памятниковъ древней русской литеретуры; превосходилъ знаніемъ византійской письменности, по отношенію къ которой наша русская стоитъ въ такой тѣсной зависимости. Вотъ отъ чего такъ плодотворенъ для науки этотъ трудъ. Помимо того, что здѣсь впервые поставлены и въ значитель-

---

[1]) Записки И. Ак. Наукъ, XIII т. 230 стр.

[2]) *Преосв. Савва*, III, 69 (1863 г.).

ной степени рѣшены такіе важные вопросы, какъ судьба кирилло-меѳодіевскаго перевода св. Писанія, вопросъ о составѣ библіи въ древней Руси, — описатели сдѣлали нѣсколько открытій не только въ области славяно-русской литературы (о чемъ говорилось ранѣе), но и литературы византійской: нашли въ славянскомъ переводѣ произведенія греческой письменности, неизвѣстныя въ подлинникѣ. Таковы четыре слова Меѳодія Патарскаго, новая редакція христіанской передѣлки сочиненія Эпиктета—Энхиридіонъ, Кормчій, духовно-нравственное сочиненіе Максима исповѣдника, древній греческій патерикъ, описанный патр. Фотіемъ, но неизвѣстный на греческомъ языкѣ.

Появленіе въ печати „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки“ вызвало удивленіе ученаго общества. Академія наукъ присудила авторамъ полную Уваровскую премію. Имена Горскаго и Невоструева стали извѣсты заграничнымъ ученымъ. Но потомство едва ли достаточно оцѣнило этотъ трудъ. Въ изданныхъ пяти книгахъ описаны только 432 рукописи. Тетради, приготовленныя къ печати, лежатъ безъ движенія и отчасти растеряны. Составленъ былъ, говорятъ, указатель къ Описанію, но до сихъ поръ онъ не увидѣлъ свѣта и повидимому затерянъ [1]).

VI.

Научное руководительство.

Въ дѣло науки и научнаго руководительства А. В. Горскій вноситъ нетолько силу своего громаднаго ума и безпримѣрнаго трудолюбія, но и нравственную чистоту своей личности. Какъ великій святой не замѣчаетъ своей святости, такъ истинно великій ученый своей учености: смиреніе необходимый

---

[1]) Въ Синодальной библіотекѣ, какъ сообщаетъ намъ Н. П. Поповъ, имѣется цѣльный томъ Описанія, составленнаго Невоструевымъ на №№ 433—488, съ помѣтками карандашемъ частью Горскаго, частью кого-то другого. Онъ былъ въ цензурѣ: цензорская подпись архим. Михаила отъ 8 апрѣля 1863 г. и при ней сургучная печать. Это VI томъ Описанія, не увидавшій пока свѣта. Указателя къ вышедшимъ пяти томамъ Описанія въ Синодальной библіотекѣ нѣтъ.

признакъ и того и другого. И А. В. владѣлъ этой рѣдкой для ученаго добродѣтелью. Своего авторитета онъ не навязывалъ никому. Онъ не шумѣлъ съ своими открытіями, которыхъ сдѣлалъ немало напримѣръ для исторіи русской церкви. Въ какомъ-нибудь журналѣ безъ подписи А. В. помѣститъ короткую и осторожную статью, поднимающую новый вопросъ, а полвѣка спустя ученые преемники съумѣютъ внести въ нее только мелкія поправки [1].—Много терпѣнія, чисто отеческой заботливости и педагогическаго такта проявлялъ А. В., руководя своихъ учениковъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ начинающими учеными, степень научной увѣренности которыхъ часто обратно пропорціональна размѣрамъ познаній, и онъ деликатно исправляетъ произведенія невѣжества, дѣлая видъ, что считается съ ученымъ мнѣніемъ, съ которымъ несогласенъ. Только послѣ этотъ человѣкъ пойметъ и оцѣнитъ степень снисходительности своего руководителя. А. В. любилъ возбуждать научную самодѣятельность среди студентовъ, видя въ ней средство умственной и нравственной дисциплины студента, ожидая отъ нея большой пользы для отечественной науки. Ее онъ возбуждалъ то прямыми обращеніями, то косвенными мѣрами. Нерѣдко хаживалъ по студенческимъ нумерамъ, поднималъ современные церковные или научные вопросы и вызывалъ споры. Вотъ нѣсколько строкъ изъ дневника покойнаго проф. А. П. Смирнова. „27 марта 1869 г. Говорили о предполагаемомъ Ватиканскомъ соборѣ. Папаша (такъ называли студенты А. В-ча) высказалъ мысль о возможности въ церкви новыхъ догматовъ, разумѣется при санкціи ихъ вселенскимъ соборомъ. Кстати, когда онъ доказывалъ непогрѣшимость собора, мнѣ казалось это недостаточно доказательнымъ!.. Долго спорили“. Въ бумагахъ А. В-ча отыскался

---

[1]) Сотрудничая въ Москвитянинѣ Погодина, А. В. поставилъ редактору условіемъ, чтобы тотъ никогда не открывалъ имени подъ его статьями даже въ иниціалахъ. „Одна изъ причинъ та, что мы духовные обязываемся прежде печатанія своихъ сочиненій просить на то благословенія епархіальныхъ преосвященныхъ (ср. выше). Есть и другія. Между тѣмъ для истины, которой Господь призвалъ служить, все равно, какая бы ни была подписана литера подъ статьею, писанною для объясненія ея“. „Дѣло въ дѣлѣ, пишетъ А. В. другой разъ, не въ имени того или другого пишущаго“. *Барсуковъ*, V, 351, VI 309, ср. VII, 181, 207, XI, 222.

клочекъ, на которомъ его рукою записано для памяти: „студенту Волкову указать на слова Евстафія противъ тѣхъ, которые признаютъ бездѣйствіе души по смерти“. Это вѣроятно значитъ, что оппонентъ не сдавался и А. В-чу хотѣлось, какъ говорится, добить его словами Евстафія. Никакого желанія навязать свое мнѣніе ученику у него не было. Онъ разъяснитъ тему, укажетъ и рѣшеніе вопроса, а студентъ придетъ какъ разъ къ противоположному. Это не обижало руководителя нисколько, никогда не вліяло на оцѣнку. Удивительную терпимость и снисходительность онъ обнаруживалъ къ колебаніямъ и даже заблужденіямъ молодыхъ умовъ. Одинъ студентъ на экзаменѣ горячо защищалъ ученіе Кальвина о предопредѣленіи. А. В. старается навести его на правый взглядъ, но тотъ оставался непреклоннымъ, повторяя: „нѣтъ, очень основательно, очень основательно!“ А. В. не возвелъ въ ересь можетъ быть вліяніе какой-нибудь нѣмецкой книги, а можетъ быть и простое незнаніе билета. Другой подалъ ему сочиненіе; А. В. дѣлаетъ для себя такую отмѣтку о немъ. „Прости Господи грѣхъ невѣдѣнія! Совершенный атеизмъ невѣріе“, а на самомъ сочиненіи поставилъ—3. Или вотъ замѣтка объ одной студенческой проповѣди въ тетради А В-ча. „Проповѣдь пустая; поспѣшно написана. Указываетъ на обиды „отъ начальствующихъ“, говорится объ учрежденіи раздѣла имуществъ между всѣми по примѣру церкви іерусалимской.—Сказывать не дозволено“.—Еще бы?! Отъ такого радикализма А. В. не видѣлъ опасности ни для церкви ни для государства. Онъ считалъ его просто шалостью молодого ума, или недомысліемъ; надѣялся, что онъ пройдетъ съ годами, и не ошибался.

Получивъ темы по какому угодно предмету, студенты шли къ А. В-чу за справками и книгами. Вотъ какъ описываетъ эти „хожденія къ ректору“ одинъ изъ его учениковъ „Бывало, окруженный массою книгъ, размѣщенныхъ на столахъ, стульяхъ, на диванахъ и подъ столами, стульями, диванами, разставленными въ шкафахъ, этажеркахъ и даже на полу, постоянно занимающійся, А. В. Горскій всегда принималъ студента, пришедшаго къ нему за совѣтомъ или пособіемъ, распрашивалъ о ходѣ его занятій, надѣлялъ нужными или полезными книгами тотчасъ или спустя нѣсколько часовъ, иногда нѣсколько дней. Иногда онъ и самъ любопытствовалъ

пообстоятельнѣе разсмотрить то дѣло, какимъ интересовался студентъ. Иногда интересный вопросъ требовалъ многихъ справокъ по спеціальной литературѣ на разныхъ языкахъ: Горскій по разнымъ изданіямъ пересматривалъ все, относящееся къ дѣлу, а за собой велъ и любознательнаго студента"... Случалось, что А. В. предлагаетъ молодому ученому рукописи или же изданія на невѣдомомъ языкѣ. Тотъ отказывается неподготовленностью, а руководитель рекомендуетъ ему поучиться тому да другому, приговаривая напримѣръ такъ: „вы не рѣшаетесь потрудиться прочитать этотъ памятникъ, уже обработанный другими, а чего стоило его обработать первоначально и такъ издать?" Порою въ рекомендованныхъ книгахъ студентъ очень мало находилъ нужнаго и прочитавъ ихъ только усвоивалъ основательнѣе ихъ иностранный языкъ. Но это былъ педагогическій пріемъ А. В-ча. Шутя онъ замѣчалъ студенту: „вотъ видите, какъ много и какъ легко пишутъ, а прочитать нечего,—не все заграничное дорого... Не получше ли сказано вотъ въ этой книжкѣ?"—Новая книжка къ утѣшенію студента дѣйствительно оказывалась уже годною для дѣла". Студентовъ старшаго курса, пишущихъ курсовое (по нынѣшнему кандидатское) сочиненіе, А. В. особенно усердно руководилъ и особенно заваливалъ работой. Вотъ нѣсколько строкъ изъ студенческаго дневника А. П. Смирнова. Студента не рѣдко вызывали: „пожалуйте къ отцу ректору!"—Явившійся обыкновенно былъ встрѣчаемъ вопросомъ: „имѣли ли въ виду такого то и такого то автора?" и уходилъ нагруженный книгами. Еще не излишне отмѣтить любопытную черту А. В-ча. Снабжая студента щедрою рукою всякаго рода пособіями для ученыхъ работъ, папаша былъ своего рода вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальнымъ скупцомъ. Желая заставить работающаго обозрѣть предметъ съ возможною полностью и съ различныхъ сторонъ, онъ заставлялъ студента читать толстыя книги, чтобы изъ нихъ воспользоваться для прямого дѣла пятью—десятью строками и часто тогда, когда студентъ кончалъ уже сочиненіе и близилось время представлять его,—присылалъ книгу самую нужную, самую главную въ рѣшеніи вопроса. Но силы были утомлены, времени не хватало. Не совсѣмъ нравилось намъ это, своего рода, ученое мучительство. И если А. В. замѣчалъ въ студентѣ недовольство такой позд-

ней помощью,—онъ то съ благодушнѣйшей улыбкой, то съ напускной суровостью, говорилъ ему словами апостола: „да вѣдь вы еще не до крови сражались? Но за этими шутками, за этой дружественной простотой скрывалось совершенно сознательное стремленіе послужить родной наукѣ свѣжими научными силами. А. В. ставилъ молодую силу нерѣдко въ курсѣ науки, направлялъ ее къ разработкѣ новыхъ сторонъ. Въ одномъ письмѣ къ преосв. Саввѣ относительно двухъ литургійныхъ молитвъ, сдѣлавъ о нихъ справку, А. В. замѣчаетъ, что онѣ не обслѣдованы по рукописнымъ источникамъ, что доселѣ занимались только вопросомъ о количествѣ просфоръ, а не составомъ литургійнаго чина, и прибавляетъ: „надобно будетъ дать объ этомъ задачу въ слѣдующемъ году для курсового сочиненія“ [1]). И дѣйствительно, А. В. умѣлъ воспитывать ученыхъ, очень много сдѣлавшихъ для русской исторической и филологической науки. Кому неизвѣстны имена ихъ?..

Было одно важное обстоятельство, которое поставило А. В-ча въ центрѣ научной жизни академіи: въ годы профессорства онъ 20 лѣтъ былъ библіотекаремъ (1842—1862). Наша богатая библіотека А. В-чу больше, чѣмъ кому-либо, обязана своимъ богатствомъ. Онъ былъ страстный библіоманъ. Ужъ не говоря о томъ, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, что выходило по богословскимъ и историческимъ наукамъ на западѣ и у насъ, и все выписывалъ въ библіотеку,— онъ прочитывалъ большую часть поступавшихъ книгъ и испещрялъ ихъ поля своими замѣтками. Кромѣ того ему обязана наша библіотека такими пріобрѣтеніями, какъ рѣдкія изданія, оставшіяся послѣ архіепископа тобольскаго Аѳанасія Протопопова, рукописи Волоколамскаго монастыря, дублеты старопечатныхъ книгъ изъ библіотеки Московской синодальной типографіи, старопечатныя книги и рукописи, отобранныя у раскольниковъ и переданныя въ академію изъ Московской Синодальной библіотеки и консисторіи [2]), наконецъ собственная библіотека А. В-ча, поступившая въ академію послѣ его смерти. А. В. былъ идеальный библіотекарь. Въ то время наша библіотека не имѣла ни печатныхъ каталоговъ ни подвижного

[1]) *Преосв. Савва*, III, 68—69.
[2]) Объ этомъ см. у *Преосв. Саввы*, II, 666—67, 870.

и очень бѣдна была справочными пособіями. Библіотекарь замѣнялъ эти пособія и каталоги, потому что зналъ книги не только по названію, но и по содержанію. Обязанность библіотекаря портитъ обычно его нервы и настроеніе, пріучаетъ смотрѣть какъ на враговъ на осаждающую его толпу и сообразно съ этимъ обращаться съ посѣтителями. А. В. былъ библіотекарь въ высшей степени благодушный и предупредительный. Онъ не отказывался идти за книгами и днемъ и ночью. Разсказываютъ даже не въ видѣ анекдота, что въ вечернюю и ночную пору А. В. ходилъ въ библіотеку изъ предосторожности безъ огня и отыскивалъ нужныя книги ощупью. Свои библіотекарскія обязанности онъ понималъ нѣсколько широко. Онъ не только подыскивалъ требуемыя книги, но и рекомендовалъ ихъ на темы по всѣмъ предметамъ; и больше того, что скажетъ и укажетъ студентамъ А. В., имъ не было и нужды искать и читать.—Еслибы было позволено сравнить тогдашнюю учащуюся академію съ фабрикой, то безъ большого преувеличенія ея паровымъ двигателемъ надо признать А. В. Горскаго. „Наука, эрудиція, трудъ надъ первоисточниками, новые шаги, требуемые въ разработкѣ знаній, не только мірскихъ но и духовныхъ: вотъ тонъ, который слышался и задавался“ поступившему тогда въ академію и задавался главнымъ образомъ А. В-чемъ [1]). Историческая постановка преподаванія богословскихъ наукъ въ Московской академіи есть дѣло преимущественно Горскаго. Въ тѣ годы, когда учился А. В., самымъ любимымъ предметомъ въ академіи была философія. „Философія здѣсь въ великомъ ходу, пишетъ изъ лавры Погодинъ Шевыреву въ 1830 г. Сблизился я съ нашею Троицкою академіею, въ которой множество людей первоклассныхъ. Вообрази, что тамъ переведено почти все изъ новой нѣмецкой философіи и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь интригану Давыдову“ (—тогдашній профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ). Филаретъ Гумилевскій и А. В. Горскій произвели переворотъ въ учебной постановкѣ академіи и на самое видное мѣсто поставили исторію церкви. Но вліяніе Филарета было не продолжительно—въ концѣ 1841 года его перевели изъ академіи—и главнымъ

---

[1]) *Гиляровъ-Платоновъ*, Изъ пережитого, 341—342.

дѣятелемъ въ этомъ направленіи остался А. В. Проводникомъ новаго направленія богословской науки въ обществѣ служилъ академическій журналъ „Прибавленія къ твореніямъ св. отцевъ", —разрѣшенный къ изданію въ ректорство Филарета, но начавшій издаваться уже послѣ него (съ 1843 г.). А. В. съ самого начала былъ однимъ изъ его редакторовъ и всегда самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ [1]).

Но ограничивать научное руководительство и вліяніе А. В-ча только академіей значило бы уменьшать его заслуги. Онъ представлялъ примѣръ удивительнаго научнаго безкорыстія. Кажется, онъ не считалъ своимъ того, что пріобрѣлъ годами неусыпнаго труда, не дорожилъ тѣми находками, которыя прославили бы его имя, и охотно, предупредительно, съ наслажденіемъ дѣлился своими познаніями. Если существуетъ добродѣтель научнаго альтруизма, то А. В. чистѣйшій представитель этой добродѣтели. Чуждый авторскаго самолюбія, онъ забывалъ даже и о своемъ авторскомъ правѣ. Онъ помогалъ тѣмъ ученымъ, которые годились ему въ ученики; дѣлился своими познаніями и соображеніями съ людьми, стоявшими на одной научной высотѣ съ нимъ. При его помощи работали А. Н. Муравьевъ, Савва, впослѣдствіи архіеп. тверской, гр. М. В. Толстой, Филаретъ, архіеп. черниговскій [2]). За его совѣтами обращались такіе ученые, какъ Погодинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, Бодянскій. Въ бумагахъ А. В-ча сохранилась часть огромной научной переписки, именно письма къ нему. Она представляетъ несомнѣнный интересъ для исторіи отечественной науки и должна быть обслѣдована. А теперь эта переписка можетъ внушить благородную гордость нашей академической наукой. Къ профессору потомъ ректору нашей академіи обращаются за указаніями и справками ученые академики, ему шлютъ запросы изъ многихъ ученыхъ центровъ русской земли. И получаютъ его

---

[1]) *Барсуковъ*, III, 61—62. О Филаретѣ Гумилевскомъ можно читать въ книгѣ *Н. С. Листовскаго*. Филаретъ, архіеп. Черниговскій. Черниговъ 1895.

[2]) Приводимъ нѣкоторыя данныя въ подтвержденіе своихъ словъ; о помощи А. Н. Муравьеву, см. *преосв. Саввы* II, 600, 359;—преосв. Саввѣ, *Тамъ же*, стр. 120—121 и 125, 448; III 51 и 61;—гр. М. Толстому, см. Рус. Архивъ 1881, I, 304; II, 129. Помощь А. В-ча Филарету Гумилевскому ясно открывается изъ писемъ Филарета, изданныхъ въ *Приб. къ тв. св. Отцовъ*, ч. 31, 33 и 36 (многія страницы).

справки и осторожные совѣты съ почтеніемъ и благодарностью какъ въ Казани такъ и въ Петербургѣ. Скромный ученый деревенской академіи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду двигателей русской исторической и филологической науки. Немудрено, что „нѣкоторыя ученыя общества безъ его исканія, по выраженію м. Филарета, избрали его въ свои члены“ [1]). Въ день юбилея академіи 1 октября 1864 г. онъ получилъ отъ Московскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена университета; въ слѣдующемъ году—степень доктора богословія отъ Св. Синода [2]), въ 1867 г. признанъ докторомъ русской исторіи отъ совѣта Петербургскаго университета.

VII.

Годы ректорства.

Въ 1862 году (23 октября) А. В. былъ назначенъ ректоромъ нашей академіи. Еще раньше, послѣ перевода архимандрита Сергія Ляпидевскаго, въ декабрѣ 1860 г., митр. Филаретъ зналъ о желаніи нѣкоторыхъ видѣть ректоромъ протоіерея Горскаго и самъ этого желалъ. Но непремѣннымъ условіемъ митрополитъ поставилъ ему тогда вступленіе въ монашество, потому что считалъ неудобнымъ и необычнымъ, чтобы бѣлый священникъ—протоіерей первенствовалъ надъ архимандритомъ инспекторомъ; видѣлъ здѣсь московскій святитель опасность церковнаго переворота—возвышенія бѣлаго духовенства на счетъ монашества. „Да не поколеблются опоры дома Божія“, заключалъ онъ свои соображенія [3]). А. В. рѣшительно отказался отъ монашества и ректоромъ былъ избранъ Савва (Тихомировъ), впослѣдствіи архіеп. твер-

---

[1]) А. В. состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (съ 1845 г.) Московскаго Общества Любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1863 г.), Кіевской и Казанской духовныхъ академій (съ 1869 и 1873 гг.) Общества Любителей Россійской словесности (съ 1869 г.) *Т. И. Филиповъ*, 282—83.

[2]) Исторія присужденія А. В-чу степени доктора богословія обстоятельно разсказана преосв. Саввой въ Автобіографическихъ запискахъ, къ которымъ и отсылаемъ любознательнаго читателя, т. III. стр. 203, 210—211, 219—221, 230—231.

[3]) *Преосв. Савва*, III, 99 ср. II 574—575.

ской. Этотъ ректоръ, какъ самъ сознавался, неуклонно слѣдовалъ добрымъ и благонамѣреннымъ совѣтамъ А. В-ча [1]). Скоро мѣсто ректора опять освободилось и на него былъ назначенъ протоіерей Горскій. Говорятъ, митрополита убѣдилъ въ его назначеніи намѣстникъ лавры Антоній, духовникъ Филарета. „Почему вы, говорилъ онъ митрополиту, не хотите назначить Горскаго?"—Онъ бѣлый священникъ, не монахъ" (отвѣчалъ митрополитъ). „Какой онъ бѣлый? Онъ сѣрый и теперь, а можетъ быть склонится быть и чернымъ: а вамъ покойнѣе избрать постояннаго ректора, чѣмъ заботиться вновь о замѣщеніи этого важнаго мѣста". Когда Савва, назначенный епископомъ можайскимъ, явился къ митрополиту и узналъ о своемъ назначеніи, Филаретъ спросилъ его: „а кого же ты рекомендуешь на свое мѣсто?" Онъ назвалъ ректоровъ Московской и Виѳанской семинаріи и инспектора академіи Михаила. „А почему же не рекомендуешь протоіерея Горскаго?"—Владыка! да развѣ это возможно,—съ изумленіемъ спросилъ Савва.—„Почему же нѣтъ?"—Въ такомъ случаѣ, это будетъ самый лучшій выборъ. Отецъ протоіерей Горскій и достойнѣйшій и самый прочный для академіи будетъ начальникъ. Но почему же вы не изволили назначить его, вмѣсто меня, послѣ архимандрита Сергія?—„Тогда было еще не время", отвѣтилъ Филаретъ [2]). „Академическіе, какъ свидѣтельствуетъ самъ А. В., были очень удивлены этимъ назначеніемъ" [3]), удивлены вѣроятно тѣмъ, что митрополитъ уступилъ: не настоявъ на постриженіи въ монашество, поставилъ его ректоромъ. То неудобство, что ректоръ протоіерей въ служеніи долженъ былъ становиться выше архимандрита инспектора, было устранено пожалованіемъ новому ректору митры [4]).

[1]) *Собр. мн. и отз.* V, 3—4 письмо м. Филарета къ об. пр. гр. А. П. Толстому 1861 г. 7 янв. Другими кандидатами на ректорство были прот. П. С. Делицынъ, ректоръ Виѳанской семинаріи архим. Игнатій и инспекторъ академіи арх. Порфирій. *Тамъ же*, IV, 573—576; *Преосв. Савва*, II, 551. Изъ протоіереевъ въ академіи старшимъ былъ П. С. Делицынъ, но по преклонности лѣтъ онъ не годился въ начальники († 30 ноября 1863 г.).

[2]) *Прав. Обозр.* 1876, III, стр. 730 *Пр. Савва*, II, 795—796.

[3]) *Тамъ же*, 800.

[4]) *Собр. мн. и отз.*, V, 1, 354—55. Эту мысль внушилъ Филарету преосв. Савва. *Автоб. зап.*, III, 33.

Въ слѣдующемъ году (какъ говорилось ранѣе) митр. Филаретъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить А. В-ча къ монашеству чрезъ намѣстника лавры Антонія. Но онъ отказался снова, разсуждая, что не слѣдуетъ ему переходить на другое поприще служенія. „Развѣ академія мало открываетъ дѣла усердію? пишетъ А. В. въ своемъ дневникѣ.— Развѣ неполезное для церкви служеніе воспитателя высшаго духовнаго училища? Развѣ церковь не должна имѣть въ академіи для себя опору, пользуясь добросовѣстными трудами ученой опытности?“ Услышавъ снова желаніе митрополита, А. В. обратился къ евангелію и отказался уже безповоротно. Въ своемъ назначеніи въ ректора онъ видѣлъ кромѣ того явленіе принципіально важное для духовно-учебнаго вѣдомства у насъ. „Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства сдѣланъ нѣкоторый отводъ для ослабленія упрековъ въ преобладаніи монашества надъ всѣмъ. Нужно ли уничтожать, что едва только положили? Не возбудитъ ли это новыхъ жалобъ? Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства какъ бы открытъ путь и на другія правительственныя должности по духовно-училищному вѣдомству изъ бѣлаго духовенства. Нужно ли сейчасъ закрывать этотъ путь? Для чего не воспользоваться, при нынѣшней скудости въ монашествѣ, добрыми элементами изъ другой области жизни, гдѣ давно оставались они безъ употребленія для такого рода дѣятельности. Вводя въ кругъ высшей администраціи духовно-учебныхъ заведеній лице бѣлаго духовенства, не возбудитъ ли начальство въ самомъ монашествѣ ученомъ духъ соревнованія и тѣмъ не возвыситъ ли его?“ [1]) Въ своемъ дневникѣ А. В. писалъ скромно: „въ моемъ примѣрѣ академія іерархически деградируется“.

На первыхъ порахъ отношенія новаго ректора къ студентамъ какъ-то не ладились. Желаніе сблизиться съ ними въ духѣ и направленіи, какъ говорилъ онъ имъ при вступленіи на должность, пока не исполнялось. Во-первыхъ страдала академическая экономія: комиссаръ кралъ, отецъ экономъ рѣдко бывалъ въ столовой, дежурные студенты только списывали репортички комиссара, чистота и опрятность мало были знакомы академической кухнѣ и столовой. Несвѣжіе творож-

---

[1]) *С. Г. Поповъ*, стр. 99.

ники, припахивающая рыба, ременная говядина—вотъ предметы неудовольствій, съ которыми пришлось считаться А. В-чу,—а въ экономіи онъ не чувствовалъ себя такимъ сильнымъ, какъ въ наукѣ. Потомъ вышло неудовольствіе изъ за литературнаго вечера, устроеннаго студентами безъ ректорскаго разрѣшенія. Ректоръ не былъ противъ такого полезнаго развлеченія; онъ „не воспрещалъ и національныя пѣснопѣнія" впрочемъ „съ надлежащимъ выборомъ"; въ его ректорство впервые въ академическихъ стѣнахъ послышались звуки рояли. Ему только не нравилось направленіе вечеровъ—этотъ непремѣнно комическій жанръ, зубоскальство, какъ называлъ онъ. Не хотѣлось ему, чтобы этими вечерами переносился въ академію театръ съ его галеркой. Его возмущали статьи одуряющаго свойства, гдѣ выставлялось наружу только пошлое, низкое, гдѣ не встрѣчалось ни одной одушевляющей мысли и чувства — онъ не любилъ напримѣръ Помяловскаго. А. В. желалъ сообщить литературнымъ развлеченіямъ серьезный характеръ, считалъ ихъ средствомъ воспитанія будущихъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ въ студенчествѣ поднялся ропотъ, жаловались на стѣсненія отъ начальства. Въ попыткахъ вызвать на откровенность и довѣріе усматривали заднюю мысль, почву благопріятную для шпіонства и доносовъ. Въ томъ же учебномъ году разыгралась непріятная исторія съ сочиненіемъ инспектору Михаилу, которое студенты отказались подавать. Ни уговоры ректора, ни угрозы, ни наивное желаніе заинтересовать вопросомъ темы объ измѣненіи взглядовъ на библію въ продолженіи всѣхъ вѣковъ христіанства—не привели ни къ чему. Видно было, что не установилась еще почва для начальственнаго вліянія А. В-ча въ академіи.

Но установилась она скоро. А. В. имѣлъ неоспоримый авторитетъ умственный, ученый и нравственный, котораго было достаточно для благоустройства академіи, для сильнаго вліянія ректора на молодые умы и воли. Митр. Филаретъ писалъ одинъ разъ. „Въ ученомъ академическомъ кругѣ *для поверхности* надъ другими, кромѣ другихъ достоинствъ, нужна признаваемая ученость, особенно въ начальствующихъ" [1]).

[1]) Алфавитный указатель къ Собранію мнѣній и отзывовъ м Филарета, стр. 346.

А конечно ученость А. В-ча стояла выше всякаго сомнѣнія и признавалась всѣми. Этотъ обычай „хожденія къ ректору" по каждому научному вопросу свидѣтельствуетъ о признаніи, что А. В. стоитъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ другихъ въ академическомъ кругѣ. Но онъ не лишенъ былъ и другихъ необходимыхъ достоинствъ. Онъ любилъ студентовъ, а такъ какъ „любовь и искренность должно быть едино", по его выраженію, то онъ былъ съ ними искрененъ. Когда онъ называлъ ихъ „дѣтками", то выражалъ свои неподдѣльныя чувства. Онъ не сочувствовалъ крутымъ мѣрамъ и слишкомъ былъ добръ для того, чтобы наказывать [1]). Этотъ воспитатель обращался къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, вѣря только въ нихъ, стараясь развить въ подчиненной ему молодежи любовь къ наукѣ, любовь къ школѣ, откровенность и довѣріе къ себѣ. Кажется, здѣсь было больше оптимизма, чѣмъ нужно, но несомнѣнно его педагогія достигала своихъ цѣлей въ значительной степени. Дѣтки А. В-ча назвали его въ отвѣтъ „папашей", студенты изъ хохловъ звали его „сивий". Подъ одной фотографической группой курса студентовъ вмѣстѣ съ ректоромъ, которую можно видѣть въ ректорской квартирѣ, подписаны слова изъ пророка Исаіи: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ". Исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти А. В-ча, а и теперь въ бесѣдѣ его учениковъ слышишь это слово „папаша". Академія была семьей. Одинъ воспитанникъ петербургской гимназіи, попавшій въ то время въ нашу академію, былъ пораженъ и умиленъ этой простотой, семейностью въ отношеніяхъ, которыя у насъ царили, которыя передавались отъ ректора и къ остальнымъ, и свидѣтельствуетъ о важномъ воспитательномъ вліяніи такой атмосферы на студенчество [2]). Въ иныхъ случаяхъ эта атмосфера давала особенно себя знать, напр. въ день св. Пасхи, о чемъ не могутъ забыть воспитанники А. В-ча. Много трогательныхъ разсказовъ объ его добротѣ къ студентамъ записано и хранится въ памяти его учениковъ. Онъ былъ довѣрчивъ какъ ребенокъ и нѣкоторые проводили его. Но нерѣдко случались примѣры удивительнаго довѣрія и откровенности къ

---

[1]) *Дневникъ*, Пр. къ тв. ч. 35, 243.
[2]) *Е. Воронецъ*, стр. 15 слѣд.

этому ректору. Вотъ онъ радуется узнавъ, что больной отецъ одного студента выздоровѣлъ. Здѣсь не удивительна радость этого безконечно добраго сердца, удивительно то, что студентъ пошелъ съ своимъ горемъ къ ректору и открылся ему. Случалось и такъ, что, узнавъ стороною о невзгодахъ кого-нибудь, онъ призоветъ его къ себѣ, разговоритъ и утѣшитъ. Радость каждаго изъ учениковъ становилась его радостью, лицо его просвѣтлялось, онъ улыбался и обычно дарилъ студенту что-нибудь на память объ этомъ моментѣ -просфору, книжку. Если въ его семьѣ появлялся тяжелый больной, А. В. только и зналъ, что ходилъ въ больницу: садился у его постели, развлекалъ его разговорами, самъ поправлялъ подушку, исполнялъ больные капризы, для развлеченія присылалъ легкія книги или лакомства больному. Смерть студента была для А. В-ча горемъ отца. Говорятъ, слезы лились изъ его глазъ ручьями при прощаніи съ покойникомъ. Среди надгробныхъ рѣчей его, полныхъ высокаго истинно христіанскаго лиризма, слышались рыданія по безвременно утраченномъ сынѣ. На память о почившемъ онъ бралъ себѣ его карточку. Когда А. В. хлопоталъ объ устройствѣ особаго академическаго кладбища (1871 г.), вѣроятно у него была мысль какъ бы объ отдѣльной усыпальницѣ для академической семьи. Вмѣстѣ съ духовной милостынею онъ раздавалъ и матеріальную, едва ли считая и помня. Конечно, въ семьѣ не безъ урода и не безъ огорченій. А. В. не терпѣлъ лжи или циничной откровенности о грѣхахъ безъ сожалѣнія о нихъ или съ похвальбой, огорчался проявленіями холодности къ религіи. Возмущенный неисполненіемъ религіозныхъ обязанностей, онъ упрекалъ, гнѣвался. Но любовь давала себя знать. „Голосъ, готовый сдѣлаться грознымъ, говоритъ одинъ изъ его учениковъ, являлся упрашивающимъ, жалобнымъ... Упреки смѣнялись мольбами“. Случалось, что огорченный или взволнованный онъ плакалъ на глазахъ у всѣхъ. Но надъ этими слезами не смѣялись. Напротивъ и студенты и подчиненное ректору начальство берегли А. В-ча отъ огорченій и далеко не все доходило до него, что могло бы его разстроить. Къ тому же его стыдились. Академія того времени не могла похвалиться строгостью внѣшней дисциплины и приходилось нерѣдко скрывать отъ ректора то, что ему нужно было знать: А. В. стоялъ надъ академіей, выше многихъ ея

дрязгъ. Но она могла гордиться рѣдкими въ учебныхъ заведеніяхъ нравственными связями учениковъ и начальника. Вліяніе А. В-ча, какъ нравственнаго авторитета, простиралось на его воспитанниковъ и послѣ академіи. Одинъ студентъ, не чуждый извѣстнаго русскаго порока, окончивъ курсъ, покупалъ карточку А. В-ча, тогдашняго ректора, и говорилъ товарищамъ, что пріобрѣтаетъ ее больше нежели на память себѣ,—„на разумъ и волю".

А. В. обладалъ рѣдкимъ, почти исключительнымъ, характеромъ: власть не только не испортила его, напротивъ сдѣлала выше в чище. Раньше онъ непрочь былъ подсмѣяться за глаза и въ глаза—это была потребность его живой критической мысли—сказать острое словечко о тѣхъ, кто его возмущалъ или смѣшилъ. Сдѣлавшись начальникомъ академіи, онъ никогда не позволялъ себѣ этого. Даже больше того. Онъ сталъ сдержаннѣе, ласковѣе и деликатнѣе. Никогда никто изъ профессоровъ не слыхалъ отъ него выговоровъ или замѣчаній. Если необходимо было дать понять человѣку его провинность, А. В. скажетъ о своемъ неудовольствіи ему осторожно чрезъ другого, или только погорюетъ самъ съ собой. У него не было враговъ и недоброжелателей: напротивъ было немало сердечно преданныхъ ему людей. Съ ними онъ былъ откровеннѣе, во многое посвящалъ ихъ, чего не говорилъ другимъ. Но и эти другіе, дальше стоявшіе отъ него, признавали его власть, которая имѣла основаніе въ безспорномъ духовномъ превосходствѣ А. В-ча. Въ профессорскихъ семействахъ А. В. былъ желаннымъ хотя очень рѣдкимъ гостемъ. Здѣсь онъ былъ другомъ и любимцемъ дѣтей, которыхъ самъ очень любилъ и ласкалъ. И теперь разсказываютъ, какъ этотъ серьезный человѣкъ, впрочемъ еще будучи свѣтскимъ, игралъ иногда съ дѣтьми „въ дурачки". Единство и согласіе въ профессорскомъ кругу—вотъ чего больше хотѣлось А. В-чу. Въ послѣдніе годы А. В-ча въ академической корпораціи произошли нѣкоторыя неудовольствія, которыя, говорилось послѣ, убавили его жизни.

И отношеніе къ студентамъ и отношеніе къ профессорамъ покоилось у А. В-ча на томъ возвышенномъ взглядѣ, какого онъ держался на академію. Онъ видѣлъ въ ней духовно-ученое братство, опору церкви, источникъ богословскаго

вѣдѣнія для православнаго общества. Вступительную лекцію по исторіи церкви, онъ начиналъ разъ прошеніемъ великой ектеніи—„о святѣмъ храмѣ семъ и съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входящихъ въ онь, Господу помолимся“; при чемъ подъ святымъ храмомъ разумѣлъ храмъ богословской науки; вѣры, благоговѣнія и страха Божія, какъ настроеній, онъ требовалъ отъ служителя науки богословской, иными словами, отъ служителя Христовой церкви въ званіи ученаго богослова. И когда А. В. хлопоталъ и добился устройства храма въ стѣнахъ академіи, то кромѣ практическихъ удобствъ имъ руководило желаніе, чтобы Господь даровалъ „намъ счастье жить подъ однимъ кровомъ съ Его жилищемъ“, „дабы болѣе и болѣе самимъ и нашимъ юношамъ проникаться духа церковнаго“ [1]).—Отъ академіи, какъ цѣлаго учрежденія, А. В. требовалъ служенія обществу и вмѣстѣ церкви распространеніемъ богословскихъ знаній: отсюда его проектъ богословскаго словаря, не осуществившійся не по винѣ А. В-ча. Это дѣло онъ велъ вполнѣ самостоятельно. Митр. Филаретъ „никогда не сочувствовалъ этому предпріятію“: А. В. осаждаетъ его просьбами, а въ своей рѣчи 1 окт. 1864 г. въ день полувѣковаго юбилея академіи, посовѣтовавшись предварительно съ академическомъ братствомъ и конечно съ владыкой, приглашалъ всѣхъ получившихъ высшее образованіе въ академіи, ознаменовать день собранія такимъ предпріятіемъ, въ которомъ бы всѣ могли принять участіе. Здѣсь онъ разумѣлъ составленіе церковно-богословскаго словаря. Митр. Филаретъ только внезапно по какому-то вдохновенію, какъ свидѣтельствуетъ преосв. Савва, святками 1865 г. самъ предложилъ деньги А. В-чу на его изданіе. Дальнѣйшая исторія этого предпріятія извѣстна. Дѣло было начато скоро: опредѣлялись работы, разыскивались пособія и источники, составлялись алфавиты, уже въ февралѣ шли обсужденія предпріятія и распредѣленіе работъ. А въ октябрѣ того же года А. В. писалъ преосв. Саввѣ. „Мы теперь хлопочемъ, какъ вести дѣло по изданію словаря,—собираемъ „источники“, собираемъ людей; стараемся уяснить себѣ требованіе, задачи требованія

[1]) Академическая церковь устроена въ 1870 г. См. объ этомъ статью покойнаго *П. Н. Корсунскаго*, Покровская церковь Московской Духовной Академіи, *Богосл. Вѣстн.* 1898, ноябрь.

нашей публики духовной и не духовной". Нѣкоторыя статьи для словаря были уже написаны. Говорили о скоромъ осуществленіи предпріятія, заинтересовавшаго общество. Но оно не осуществилось и до сихъ поръ и нѣтъ положительно никакихъ надеждъ, чтобы къ вѣковому юбилею академіи, который не за горами, мысль А. В-ча пришла въ исполненіе[1]). Въ годы ректорства А. В-ча въ академіи введенъ былъ новый уставъ 1870 г., которому онъ во многомъ не сочувствовалъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось переустраивать академію по новому и онъ исполнилъ это съ свойственной ему добросовѣстностью. Преосв. Макарій (Булгаковъ), ревизовавшій преобразованную академію въ годъ смерти А. В-ча, нашелъ ее въ полномъ порядкѣ и далъ такой отзывъ о ректорѣ. „Достоуважаемый отецъ протоіерей, всю жизнь свою посвятившій на служеніе наукѣ, давно уже засвидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ свою основательную и многостороннюю богословскую ученость, особенно церковно - историческую, своими замѣчательными сочиненіями и при своемъ зрѣломъ умѣ, многолѣтней опытности и глубоко - религіозномъ и строго-нравственномъ направленіи служитъ надежнымъ руководителемъ не только для воспитанниковъ, но и для самихъ наставниковъ академіи".

Еще была одна выдающаяся особенность въ отношеніяхъ А. В-ча къ академіи. Этотъ „прочный ректоръ", съ дѣтскихъ лѣтъ почти взятый академіей, любилъ ее какъ вторую родину, съ нѣжностью сына. Еще въ тѣ годы, когда онъ былъ молодымъ профессоромъ, трудно было его вытащить изъ посада и родные огорчались, что онъ рѣдко навѣщалъ ихъ на вакаціяхъ. Онъ прирасталъ къ академіи, хотя не забылъ и родины. Много лѣтъ въ концѣ жизни собирался онъ посѣтить свою Кострому, но такъ и не собрался. Уѣзжая по необходимости куда-нибудь изъ академіи, онъ тосковалъ по ней. Въ послѣдній годъ своей жизни, лѣтомъ 1875 г., по совѣту врачей послѣ долгихъ уговоровъ близкихъ людей А. В. былъ отправленъ на дачу въ Ахтырку[2]), но не могъ

[1]) *Преосв. Савва*, III, 180, 226,—230 298, 305; такъ же *Дневникъ* А. В-ча ч. 35. Приб. стр. 229—230.

[2]) Ахтырка — село близъ Хотькова монастыря верстахъ въ 12 отъ посада.

прожить тамъ и мѣсяца, загрустилъ по академіи и возвратился умереть сюда. Его послѣднимъ желаніемъ было похорониться вблизи академіи на нашемъ, теперь закрытомъ, кладбищѣ.

Болѣзнь, сведшая А. В-ча въ могилу, была застарѣлая: врачи назвали ее воспаленіемъ внутренней оболочки артерій. Онъ не любилъ лечиться и за постояннымъ трудомъ забывалъ о себѣ. Первый разъ А. В. почувствовалъ приступы болѣзни приблизительно около 45 года своей жизни. Не одинъ разъ давала она себя знать и послѣ, а въ декабрѣ 1874 года оказалось, что болѣзнь неизлечима [1]). Когда, возвратившись съ дачи, А. В. появлялся на креслахъ въ академическомъ саду и, по народному выраженію, наглядывался на свѣтъ Божій, его сослуживцы и воспитанники окружая больного чувствовали, кого они теряютъ. Не задолго до своей смерти

[1]) Въ некрологахъ А. В-ча говорится, что болѣзнь обнаружилась первый разъ за 18 лѣтъ до смерти, т. е. въ 1857 г. осенью. *Пр. Обозр.* 1875, 3, 5 стр *Р Арх.* 1875, 3, 476. Тогда ему было 45 лѣтъ. Изъ его собственнаго письма, помѣщеннаго въ Автобіографіи преосв. Саввы выходитъ годъ раньшій. 30 янв. 1866 г. онъ писалъ: „нынѣшній годъ все что-то я чувствую себя нездоровымъ. Хотя болѣзнь горла прошла (о ней см. III т. 329), но къ этому присоединились какіе то приливы крови къ груди и я подвергаюсь нерѣдко нервнымъ болѣзненнымъ припадкамъ. Вотъ и сегодня провелъ ночь безъ сна, а потому долженъ былъ отказаться отъ служенія. Боюсь, какъ бы не возвратилась ко мнѣ эта болѣзнь въ той степени, какъ безпокоила меня назадъ тому лѣтъ 10—11, когда я долженъ былъ даже отказаться на годъ и болѣе отъ употребленія чая. Иногда бываетъ помыслъ посовѣтоваться съ кѣмъ-либо изъ вашихъ врачей, напримѣръ съ О. В. Варвинскимъ (—ординарный профессоръ Московскаго Университета). Эту мысль предлагалъ мнѣ и мой здѣшній врачъ... Не знаю, что будетъ впередъ; но если припадки безсонницы будутъ продолжаться, то можетъ быть я и воспользуюсь временемъ и тогда буду просить у васъ дозволенія пріютиться—(въ Москвѣ) III, 348—49. Дѣйствительно, пришлось обратиться къ Московской знаменитости: въ половинѣ февраля А. В. снова писалъ преосв. Саввѣ, что лекарства, рекомендованныя Варвинскимъ, помогли: здоровье значительно улучшилось (III, 349). Этого факта въ некрологахъ нѣтъ. Изъ приведеннаго письма видно, какъ мало заботился А. В. о своемъ здоровьи. Мы не исправляемъ даже годъ его первой болѣзни (который по нему падаетъ на 1855—56), потому что онъ не помнитъ его точно. На двухъ, почему то не изданныхъ, листочкахъ Дневника А. В. говоритъ о своей болѣзни *въ апрѣлѣ 1856 г.* Но описаніе самой болѣзни не даетъ основаній для увѣренности, что это была одна и таже болѣзнь съ описанною. Болѣзнь повторилась еще разъ лѣтомъ или осенью 1872 года.

онъ говорилъ: „съ меня довольно послужилъ“. Здѣсь и скромное выраженіе чувства исполненнаго долга и выраженіе благодарности Создателю. Послѣдними предсмертными словами А. В-ча были: „я хочу скорѣе домой“. Было ли это воспоминаніе о далекой родинѣ—послѣдняя мысль о землѣ, или первое откровеніе новаго міра, болѣе близкаго его душѣ, чѣмъ земля,—неизвѣстно.

Смерть А. В-ча была великимъ горемъ академіи. Одинъ очевидецъ погребенія разсказываетъ: „на домашнихъ панихидахъ священнослужители едва могли произносить возгласы: рыданія заглушали ихъ. Въ день похоронъ пространная трапезная церковь лавры была переполнена его почитателями... И наставники и студенты горячо оплакивали своего ректора. Я не видалъ сухихъ глазъ“. Памятникъ на могилѣ А. В-ча поставленъ его учениками [1]).

Когда померъ А. В. Горскій, его ученикъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ писалъ. „Необходимо возсоздать всю духовную личность покойнаго, личность колоссальную сказали бы мы, еслибы нравственной высотѣ, высотѣ смиренія, исполненія долга до самозабвенія, могъ приличествовать эпитетъ „колоссальности“. Этотъ аскетъ-профессоръ, этотъ инокъ-міряпинъ, съ подвижническою жизнію соединявшій общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаніями и трудами, это было необыкновенное явленіе. Оно едва ли повторится. Оно было созданіемъ особаго духовнаго строя въ извѣстный періодъ Московской академіи, гдѣ А. В. Горскому предшествовалъ первообразъ его Ѳ. А. Голубинскій, съ тою же бездною эрудиціи, съ глубокимъ мыслительнымъ умомъ, и не только отсутствіемъ тщеславія, но и смиреніемъ, о которомъ трудно составить даже понятіе: о такомъ смиреніи можно читать только въ учебникахъ прав-

[1]) Послѣ извѣстія о смерти А. В-ча въ нашу академію была прислана выразительная телеграмма, составленная И. И. Срезневскимъ,—отъ Академіи Наукъ, Петербургскаго университета, обществъ Филологическаго. Археологическаго и др. „Чтя *великія* заслуги усопшаго, какъ ученаго, писателя и *руководителя*, просимъ академію присоединить къ своей и нашу глубокую скорбь объ утратѣ, всѣми нами понесенной“.

ственнаго богословія“ [1]... Слова покойнаго публициста: „это явленіе едва ли повторится“ до сихъ поръ оказываются пророческими: А. В. Горскій не повторился. Но тотъ духовный строй нашей академіи, высшимъ созданіемъ котораго былъ этотъ человѣкъ, не померъ съ нимъ. Просвѣщенная религіозность, честная наука, смиренная ученость, отеческія, сыновнія или братскія отношенія въ академической семьѣ—вотъ главныя черты этого духовнаго строя. Какъ разсѣянныя искры потухшаго свѣтила, онѣ мелькаютъ и тлѣютъ тамъ и здѣсь въ этихъ славныхъ стѣнахъ. И не погаснутъ эти искры, пока не умерла въ нашей академіи академія Горскаго. А этого, всѣ мы вѣруемъ, никогда не случится.

С. Смирновъ.

---

[1]) *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ*, Сборникъ сочиненій, изд. К. П. Побѣдоносцева. Т. II стр. 464—465.

О заслугахъ прот. А. В. Горскаго для славяно-русской историко-филологической науки.

Мы собрались сегодня, чтобы почтить память незабвеннаго въ лѣтописяхъ нашей академіи ея мудраго и любвеобильнаго отца ректора прот. А. В. Горскаго по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня его кончины. Выступая предъ Вами съ моимъ краткимъ словомъ, невольно воспоминаю съ благодарнымъ чувствомъ истинно-отеческую любовь и попеченіе о мнѣ прот. А. В. Горскаго въ теченіи моего почти четырехлѣтняго приготовленія къ академической каѳедрѣ. А. В. Горскій въ засѣданіи совѣта академіи 25 іюля 1871 г. предложилъ совѣту предназначить меня на новую въ духовныхъ академіяхъ, введенную уставомъ 1869 г. каѳедру русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, и когда 15 ноября тогоже года Св. Синодомъ утверждено было постановленіе совѣта командировать меня въ университетъ и заграницу въ славянскія земли, прот. А. В. Горскій избралъ с.-петербургскій университетъ и ввѣрилъ меня ближайшему и непосредственному руководительству своего давняго и испытаннаго друга Измаила Ивановича Срезневскаго, который съ тѣхъ поръ—по его собственнымъ словамъ—„видѣлъ и любилъ во мнѣ птенца Александра Васильевича“. Оттого-то достолюбезныя имена Александра Васильевича Горскаго и Измаила Ивановича Срезневскаго стоятъ для меня рядомъ и одно вызываетъ другое... Передъ отправленіемъ въ университетъ, Александръ Васильевичъ предложилъ мнѣ—ежемѣсячно сообщать ему подробныя свѣдѣнія о всемъ, что я услышу на лекціяхъ университетскихъ профессоровъ и о всѣхъ моихъ работахъ. Это былъ мудрый педагогическій

пріемъ, много способствовавшій усвоенію мною слышаннаго и читаннаго. Какъ внимательно относился А. В. къ моимъ сообщеніямъ, о томъ свидѣтельствуютъ его помѣтки на моихъ письмахъ (хранящихся въ архивѣ прот. А. В. Горскаго) и подчеркнутыя мѣста. Напр. въ письмѣ моемъ отъ 24 мая 1873 г. перечисленныя мною науки историко-филологическаго отдѣленія, которыя я слушалъ въ С.-петербургскомъ университетѣ, А. В. карандашемъ размѣтилъ въ систематическомъ порядкѣ, начавъ съ общаго языкознанія и санскритскаго языка (проф. И. П. Минаевъ), тогда какъ у меня на первомъ мѣстѣ поставлены были предметы, читанные И. И. Срезневскимъ.. Съ живѣйшимъ вниманіемъ и любовью относился А. В. къ предпринятому мною, по совѣту И. И. Срезневскаго, первому ученому труду съ филологическимъ характеромъ,—изслѣдованію славянскаго перевода Апостола по рукописямъ. Ученый авторъ классическаго описанія славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки, А. В. интересовался моимъ трудомъ, задавалъ вопросы, подавалъ совѣты и ободреніе.. Передъ отправленіемъ меня за границу, А. В. вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ обсуждалъ планъ путешествія и программу моихъ будущихъ занятій. Въ отвѣтъ на мои сообщенія, прот. А. В. Горскій писалъ мнѣ и въ Москву, и С.-Петербургъ, и за границу. И какою мудрою, истинно-отеческою попечительностію и любовію дышатъ эти большею частію довольно длинныя письма его! „Радуюсь, что предъ Вами открываются новыя сокровищницы научнаго капитала. Усугубляйте, утрояйте талантъ, Вамъ ввѣренный... Прошу свидѣтельствовать о. Іосифу [1]) мое усердное почтеніе и благодарность за радушный пріемъ Вашъ“ (письмо А. В. Горскаго ко мнѣ въ Москву отъ 11 сентября 1873 г.). „Прошу принять и отъ меня священное привѣтствіе „Воистину Христосъ воскресе“, хотя и поздно мною начертанное, но давно и къ Вамъ духомъ посланное, и никогда въ силѣ и живодворности не оскудѣвающее. Какъ-то Вы провели Свѣтлый Христовъ праздникъ, въ первый разъ, внѣ русскаго міра, не имѣя подлѣ себя и православной церкви“ (письмо въ Прагу отъ 20 апрѣля 1874 г.). Желая ободрить меня на далекой

[1]) О. Архимандритъ Іосифъ (Левицкій)—бывшій синодальный въ Москвѣ ризничій и хранитель рукописей синодальной библіотеки, [illegible]

чужбинѣ, А. В. въ письмахъ сообщалъ мнѣ новости академической жизни и передавалъ благожеланія мнѣ „отъ академическаго братства“, „отъ академической братіи и сотрудниковъ“. Изъ писемъ прот. А. В. Горскаго я узналъ заграницей о докторской диссертаціи и докторскомъ диспутѣ Н. И. Субботина, объ отчетѣ Е. Е. Голубинскаго о его заграничномъ путешествіи, о выходѣ въ отставку Е. В. Амфитеатрова, назначеніи профессора академіи прот. Ф. А. Сергіевскаго ректоромъ вифанской семинаріи, о болѣзни П. Д. Мансветова, кончинѣ Д. Д. Королькова, о предстоявшей ревизіи нашей академіи чрезъ высокопреосв. архіепископа Макарія, объ ожидавшемся посѣщеніи здѣшней лавры наслѣднымъ принцемъ прусскимъ и т. д. Книги по славянскимъ нарѣчіямъ, купленныя мною заграницей, я посылалъ въ академію, согласно волѣ прот. А. В. Горскаго, на его имя. Въ одномъ письмѣ (отъ 20 апрѣля 1874 г.) онъ сообщилъ мнѣ между прочимъ перечень цѣнныхъ чешскихъ изданій и книгъ, имѣющихся въ академической библіотекѣ (для того, конечно, чтобы я этихъ книгъ не покупалъ). „Что касается до полученныхъ мною Вашихъ книгъ — пишетъ А. В. ко мнѣ въ Люблянь (Laibach) отъ 31 августа 1874 г. — то я перебралъ ихъ по Вашему списку и нашелъ за исключеніемъ, кажется, только нѣсколькихъ книжекъ старо-чешской библіотеки, всѣ на лицо, отъ малой до великой. Господь да поспѣшитъ Вашимъ трудамъ въ знакомствѣ съ разноязычными отраслями одного и тогоже племени. А мы теперь принимаемъ Вашихъ будущихъ учениковъ: готовьте для нихъ больше запаса знаній, думаю, не столько строго-филологическихъ, сколько литературно-историческихъ“. Послѣднее собственноручное письмо А. В. Горскаго ко мнѣ — въ Бѣлградъ — помѣчено 2 декабря 1874 г. „Давно собираюсь бесѣдовать съ Вами, и все откладывая до болѣе свободнаго времени, остаюсь доселѣ виноватымъ предъ Вами въ молчаніи. Простите Бога ради, и не думайте, что мы Васъ забыли... Поздравляю Васъ съ удовольствіемъ, нечасто выпадающимъ на долю, видѣть рожденіе новаго святилища наукъ, и особенно у народа намъ единоплеменнаго [1])“. Въ отвѣтъ

[1]) Разумѣется торжество открытія югославянскаго университета въ Загребѣ (Agram) у хорватовъ, въ 1874 г.

на выраженное мною желаніе продлить мою заграничную командировку, А. В. подробно изложивъ различныя затрудненія и препятствія къ исполненію моего желанія, пишетъ мнѣ: „Итакъ, любезнѣйшій мой Григорій Александровичъ, не лучше ли Вамъ, вмѣсто того, чтобы помышлять о новыхъ отдаленныхъ странствованіяхъ, поскорѣе поспѣшить въ родное гнѣздышко и съ Богомъ приниматься за работу, разобравшись съ тѣми сокровищами знанія, какія удалось или удастся Вамъ пріобрѣсти личнымъ наблюденіемъ и посредствомъ уроковъ, — или въ солидныхъ пособіяхъ и руководствахъ [1])?". „Радуюсь—пишетъ А. В. въ заключеніе—что въ старой Сербіи находите Вы для себя обильную пищу. Жаль только, что не вижу изъ Вашихъ прежнихъ и настоящаго письма, нашлась ли хоть одна рукопись Апостола, расположеннаго не по чтеніямъ,—какъ есть у насъ Евангелія-тетры? Добрались ли Вы до первоначальнаго текста переводнаго? Онъ можетъ быть и не самымъ древнимъ по спискамъ. И гдѣ, въ какихъ именно рукописяхъ полагаете этотъ первоначальный текстъ?"

Движимый чувствомъ глубокой благодарности къ незабвенному о. ректору прот. А. В. Горскому за его мудрую попечительность о мнѣ, я посвятилъ его блаженной памяти нѣкоторые свои ученые труды.

Какъ преподаватель славяно-русской филологіи и исторіи литературы, я предложу Вашему благосклонному вниманію нѣсколько замѣчаній о заслугахъ воспоминаемаго нынѣ о. ректора прот. А. В. Горскаго для славяно-русской историко-филологической науки.

Назадъ тому двадцать пять лѣтъ, 14 октября 1875 г. при погребеніи прот. А. В. Горскаго одинъ изъ церковныхъ ораторовъ, профессоръ, впослѣдствіи ректоръ нашей академіи архимандритъ Михаилъ (скончавшійся въ 1887 г. въ санѣ епископа курскаго) говорилъ о почившемъ: „Съ юныхъ лѣтъ до самой смерти неутомимый труженикъ науки, ради удобнѣйшаго пріобрѣтенія блага учености презрѣвшій многое, считающееся благомъ въ жизни, отвергнувшій даже всякія, считающіяся невинными, удовольствія житейскія, всегда въ

---

[1]) И я счастливъ, что прот. А. В. Горскій успѣлъ лично благословить начало моей преподавательской дѣятельности.

тиши уединенія какъ отшельникъ, или какъ евангельскій притчный купецъ, продавшій ради пріобрѣтенія одной драгоцѣнной жемчужины все что имѣлъ (Матѳ. 13, 45—46), онъ успѣлъ такъ обогатиться ученостію, что нельзя было не дивиться ея многообъемлемости и глубинѣ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ весьма рѣдко встрѣчается это въ жизни. Это очевидно для всѣхъ какъ въ его твореніяхъ, такъ особенно въ безцѣнномъ руководительствѣ устномъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній и учащихъ и учащихся. Эта глава была какъ бы богатѣйшею сокровищницей знаній, изъ которой каждый могъ почерпать сколько могъ и сколько хотѣлъ. Это особенно въ богословіи во всемъ обширномъ его объемѣ; но и во внѣшней учености свѣдѣнія его были громадны, такъ что дивиться можно было ихъ разнообразію и обширности; умный совѣтъ, мѣткое сужденіе, показывавшіе серіозное изученіе, могли слышать отъ него спеціалисты и такихъ отраслей знанія, которыя повидимому были далеки отъ круга его обычныхъ занятій [1]". Дѣйствительно, многообъемлемость и совершенство познаній А. В. Горскаго невольно приводили всѣхъ въ удивленіе. Сокровищами его познаній въ изобиліи пользовались въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и студенты академіи и сами профессора; къ его помощи обращались нерѣдко такія высокопоставленныя лица, какъ митрополитъ Филаретъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой и др. Ученый англійскій аббатъ Стэнли, во время одного изъ своихъ путешествій посѣтившій московскую духовную академію, былъ пораженъ познаніями А. В. Горскаго, безъ приготовленія, прямо изъ запасовъ своей памяти предлагавшаго самыя точныя и мѣткія сужденія о разнаго рода темныхъ и мало-изслѣдованныхъ вопросахъ въ исторіи англиканской церкви. Хорошо знали и высоко цѣнили ученый авторитетъ А. В. Горскаго многіе свѣтскіе русскіе ученые: М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, О. М. Бодянскій, И. И. Срезневскій, А. Ѳ. Бычковъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ, нынѣ здравствующій академикъ и предсѣдательствующій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ М. И. Сухомлиновъ и другіе, а также славянскіе и нѣмецкіе ученые, напр.

[1] Правосл. Обозрѣніе, 1875 г.

П. I. Шафарикъ, Дюмлеръ. За свои ученые труды А. В. былъ избранъ многими учеными обществами и учрежденіями въ свои почетные члены. Такъ онъ состоялъ почетнымъ членомъ московскаго и петербургскаго обществъ любителей духовнаго просвѣщенія, кіевской и казанской духовныхъ академій, общества любителей россійской словесности, московскаго университета. Въ 1864 г. возведенъ Св. Синодомъ въ степень доктора богословія, въ 1867 г. признанъ докторомъ русской исторіи отъ совѣта с.-петербургскаго университета.

Памятникомъ многообъемлющей и глубокой учености А. В. Горскаго служатъ многочисленные ученые печатные труды его. Они могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы: I. Жизнеописанія и изслѣдованія, относящіяся къ общей церковной исторіи. II. Жизнеописанія и изслѣдованія, относящіяся къ русской церковной исторіи. III. Древніе русскіе памятники, изданные съ объясненіемъ, и изслѣдованія о нихъ. IV. Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки (4 тома). V. Поученія и рѣчи [1]).

Обращаясь къ трудамъ А. В. Горскаго по исторіи русской церкви и духовной литературы, мы должны прежде всего сказать, что эти труды его вполнѣ самостоятельны и оригинальны. Высокое достоинство этимъ трудамъ Горскаго придаетъ то, что онъ работалъ по рукописнымъ источникамъ и руководился строго научнымъ методомъ. А. В. Горскому открыты были библіотеки троице-сергіевой лавры, московской духовной академіи, іосифова-волоколамскаго монастыря, синодальная типографская и патріаршая. Съ первыхъ годовъ своей профессорской дѣятельности А. В. съ жаромъ принялся за изученіе огромнаго матеріала, накопленнаго вѣками въ этихъ хранилищахъ. Произведенія древне-русской духовной литературы, лѣтописи, грамоты, акты изучены имъ глубоко и основательно. Самое изученіе этихъ памятниковъ опиралось у Горскаго на широкое и близкое знакомство съ

---

[1]) Перечень печатныхъ трудовъ А. В. Горскаго въ „Исторіи моск. дух. академіи до ея преобразованія (1814—1870). С. Смирнова. М. 1879, стр. 124—127. Кромѣ массы напечатанныхъ сочиненій, остались обширные труды его въ рукописяхъ. Таковы въ особенности лекціи его по церковной исторіи общей и русской и по догматическому богословію. Послѣ его смерти изданы академическія лекціи по исторіи евангельской и церкви апостольской, Дневникъ и нѣсколько церковныхъ поученій.

исторіею христіанской церкви вообще и греческой и южнославянской вчастности. А. В. въ совершенствѣ владѣлъ всѣми пособіями филологической критики, имѣлъ обширныя палеографическія свѣдѣнія, изучалъ славянскія нарѣчія и русскій языкъ въ его историческомъ развитіи.. Горскому принадлежитъ и честь открытія нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы, каковы произведенія Иларіона, митрополита кіевскаго, поученія Кирилла II, митрополита кіевскаго, митрополитовъ московскихъ Петра и Алексія.

Остановлюсь нѣсколько на изслѣдованіи А. В. Горскаго о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ и на отношеніи его къ церковному празднованію памяти славянскихъ первоучителей.

Каждому русскому, какъ и вообще каждому славянину одинаково дорого и священно безсмертное имя славянскихъ просвѣтителей свв. Кирилла и Меѳодія. А занимающимся славянскою филологіей извѣстно и то великое значеніе, какое имѣетъ въ этой отрасли ученыхъ изысканій правильно составленное жизнеописаніе славянскихъ апостоловъ. Значеніе это основывается на томъ, что съ біографіей свв. Кирилла и Меѳодія весьма тѣсно связаны многіе важные вопросы славянской науки, какъ то: о двухъ славянскихъ азбукахъ, кирилловской и глаголической, о началѣ письменности у славянъ, о родинѣ древняго церковно-славянскаго языка и др. Достоинство всякой біографіи находится въ тѣсной связи съ качествомъ и количествомъ источниковъ. Исторія свв. Кирилла и Меѳодія, послѣ изслѣдованія чешскаго ученаго аббата Іосифа Добровскаго, раскрывалась преимущественно на основаніи источниковъ латинскихъ, главное мѣсто между которыми занимала т. н. итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента въ Римъ [1]). Такъ дѣло продолжалось до 1843 года, когда въ „Москвитянинѣ“ явилась безымянная статья, произведшая рѣшительный переворотъ въ этомъ вопросѣ. Статья эта принадлежала—тогда еще молодому свѣтскому ученому—А. В. Горскому. Величайшая заслуга Горскаго въ томъ, что онъ первый въ своей обстоя-

---

[1]) Другіе латинскіе же источники: извѣстія о Кириллѣ философѣ Анастасія библіотекаря, записка неизвѣстнаго автора объ обращеніи баварцевъ и хорутанъ къ христіанству и папскія буллы.

тельной статьѣ раскрылъ глубокую древность т. н. паннонскихъ славянскихъ житій свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ первостепенную важность для правильнаго представленія жизни и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей. Списки обоихъ житій А. В. нашелъ въ библіотекѣ московской духовной академіи. Строго придерживаясь текста житій, Горскій излагаетъ по нимъ біографію свв. Кирилла и Меѳодія, снабжая ее основательными критическими замѣчаніями, хронологическими и историческими, воспользовавшись для этого византійскими и западными источниками. Это изслѣдованіе Горскаго легло въ основу большей части позднѣйшихъ изслѣдованій о первоучителяхъ славянскихъ, а открытыя имъ пространныя славянскія житія отодвинули на второй планъ прежніе источники и сами заняли первенствующее мѣсто въ кирилло-меѳодіевской литературѣ. Изслѣдованіемъ А. В. Горскаго скоро воспользовались архіеп. Филаретъ (черниговскій) въ своей статьѣ о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, архіеп. (впослѣдствіи митрополитъ) Макарій въ „Исторіи христіанства въ Россіи до св. Владиміра“ и проф. Шевыревъ въ „Исторіи русской словесности“. Изслѣдованіе Горскаго переведено было на чешскій языкъ (Casopis Cesk. Mus. Praha, 1846) и стало извѣстно славянскимъ и нѣмецкимъ ученымъ. Дюмлеръ (Dümler, Die pannonische Legende wom heiligen Methodius, Wien, 1854) напечаталъ статью Горскаго въ своихъ комментаріяхъ къ паннонскому житію св. Меѳодія, переведенному, по его просьбѣ, Фр. Миклошичемъ на латинскій языкъ. Дюмлеръ принялъ почти всѣ доводы и замѣчанія Горскаго. Въ изданіи паннонскихъ житій П. І. Шафарика (Památky drevn. pisemnictví Ihoslovanův, v Praze, 1851) житіе св. Меѳодія напечатано по списку, найденному А. В. Горскимъ въ одной изъ рукописей библіотеки московской дух. академіи.

Нынѣ исполнилось 57 лѣтъ со времени начала научной разработки паннонскихъ славянскихъ житій. Какъ же теперь обстоитъ дѣло съ ними? Такъ ли прочны и нынѣ выводы прот. А. В. Горскаго относительно личности составителя, времени и мѣста ихъ составленія? Правда, рядомъ съ многочисленными представителями положительнаго направленія по вопросу о паннонскихъ житіяхъ, развивавшими воззрѣнія А. В. Горскаго, не замедлили явиться сторонники и противоположнаго направленія, отрицавшіе въ большей

или меньшей степени историческое значеніе обоихъ житій или одного житія Кириллова (Гинцель, Мюральтъ, патеръ Мартыновъ, Бильбасовъ и др.). Но достаточно ли обоснованъ отрицательный взглядъ на паннонскія житія? Нѣтъ, недостаточно. Мнѣніе скептиковъ носитъ характеръ субъективности. Обозрѣвая научную разработку славянскихъ источниковъ для біографіи свв. Кирилла и Меѳодія за истекшія 57 лѣтъ, мы должны признать, что для достойнаго завершенія съ такимъ успѣхомъ начатаго слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изслѣдованія мы должны вернуться къ статьѣ А. В. Горскаго и заняться рѣшеніемъ намѣченныхъ въ ней вопросовъ, оставленныхъ доселѣ кирилло-меѳодіевской критикой безъ надлежащаго, всесторонняго и объективнаго разсмотрѣнія.

Прот. А. В. Горскій особенно чтилъ память свв. Кирилла и Меѳодія, и когда установлено было совокупное празднованіе въ честь ихъ 11 мая, обычно сопровождалъ торжественное церковное богослуженіе словомъ съ церковной каѳедры. Одно изъ такихъ словъ, на 11 мая 1863 г., напечатано въ „Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ“, изданномъ М. П. Погодинымъ (М. 1865, стр. 441 — 448). Предметъ слова— заслуги свв. Кирилла и Меѳодія для церкви.. Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1895 г. напечатаны два поученія прот. А. В. Горскаго, произнесенныя въ академическомъ храмѣ 14 мая 1872 г. и 13 мая 1873 г. при церковномъ празднованіи памяти свв. Кирилла и Меѳодія [1]). Оба поученія написаны по поводу греко - болгарскаго церковнаго спора. Этогоже предмета касается А. В. въ одномъ словѣ, не вошедшемъ въ академическое изданіе 1895 года и произнесенномъ при совершеніи литургіи въ академическомъ храмѣ на греческомъ языкѣ (собственноручный А. В. Горскаго набросокъ—въ его архивѣ). „Кто вспомнитъ, что вчера церковь болгарская собиралась праздновать свое тысящелѣтіе, и слушая литургію греческую приведетъ себѣ на память несчастное разъединеніе, возникшее въ послѣднее время ме-

---

[1]) Бог. Вѣстн. 1895, іюнь и окт. (отд. оттиски: „Слова ректора моск. дух. академіи прот. А. В. Горскаго, Серг. Посадъ, 1895“, стр. 83—97). Извлеченія изъ этихъ двухъ поученій были ранѣе нами напечатаны въ „Славянскомъ Обозрѣніи“, 1892, окт., въ статьѣ: „Прот. А. В. Горскій“.

жду церковію греческою и болгарскою, тотъ пойметъ, -говоритъ сей великій и любвеобильный мужъ, сердечно скорбѣвшій по поводу этой церковной распри, почему мы избрали для своего слова изъ исторіи церкви апостольской упоминаемое ап. Павломъ событіе—споръ между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ [1]. Въ настоящемъ спорѣ между церковію болгарскою и греческою нѣтъ никакого разномыслія догматическаго, нѣтъ даже и разности обряда, каковая естественно должна была открыться между увѣровавшими іудеями и язычниками. Церковь болгарская какъ истины вѣры, такъ и всѣ учрежденія, относящіяся до богослуженія, управленія и жизни равно признаетъ и сохраняетъ у себя, какъ и церковь греческая. Разногласіе возбуждаетъ вопросъ о свободѣ и самостоятельности или о зависимости церкви болгарской отъ высшей іерархіи греческой. Что скрывается глубже этого вопроса, это ясно не выставляется на видъ. Но во всякомъ случаѣ намъ, свидѣтелямъ этой борьбы, по духу общенія христіанскаго, нельзя не молить Главу церкви Христовой, или лучше сказать надлежитъ съ сугубымъ усердіемъ просить Господа о мирѣ и соединеніи церквей. Ап. Петръ уступилъ сотруднику своему (ап. Павлу) и большую половину міра, самъ оставшись апостоломъ только обрѣзанія, т. е. іудеевъ. Да расположитъ Господь и духъ іерарховъ греческихъ къ свободному отпущенію малаго участка стада Христова изъ своей ограды, но не выходя изъ ограды православія. Ап. Павелъ охотно принялъ на себя единственное условіе, на него возложенное собратіями, чтобы онъ помнилъ и заботился о убогихъ христіанахъ іерусалимскихъ.. Да расположитъ Господь и церковь болгарскую вниманіемъ къ нуждамъ и стѣсненному положенію церкви греческой смягчить болѣзнь новаго лишенія, ей предстоящаго. Какъ древле церковь эллинская этимъ средствомъ поддержала свое единеніе съ церковію изъ евреевъ, такъ теперь любовь дѣятельная и вспомоществующая да сохранитъ не-

---

[1]) Въ майск. кн. Бог. Вѣстн. 1895 г. напечатано слово А. В. произнесенное въ 1872 г. въ академическомъ храмѣ въ недѣлю о разслабленномъ, при совершеніи литургіи на греческомъ языкѣ (отд. оттискъ, стр. 73—82). Предметъ слова—начало и образованіе первой церкви изъ эллиновъ. О греко-болгарскомъ церковномъ спорѣ здѣсь не упоминается.

разрывность мира, для обѣихъ сторонъ необходимаго". Нельзя не признать, что если бы въ свое время греки и болгары воспользовались этимъ мудрымъ совѣтомъ, основаннымъ на примѣрѣ первоверховныхъ апостоловъ, то церковное дѣло болгаръ давно было бы, къ обоюдному удовольствію, наилучшимъ образомъ улажено.

Высшая заслуга прот. А. В. Горскаго въ области русско-славянской историко-филологической науки — это его громадный, монументальный трудъ: „Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки". Отд. 1 и 2. Четыре тома. М. 1855—1862. Вотъ вкратцѣ исторія этого труда. Митрополитъ Филаретъ отъ 6 мая 1849 г. писалъ къ ректору московской духовной академіи архим. Алексію (Ржаницыну, впослѣдствіи архіепископу тверскому): „Говорятъ, что чужіе люди предпринимаютъ безъ насъ для синодальной библіотеки то, о чемъ я давно думаю, не достигая дѣла, — именно составленіе отчетливаго каталога, и даже помышляютъ о напечатаніи [1]). Посему скажите цензорамъ, чтобы, если что въ семъ родѣ явится въ цензуру, удержать отъ пропущенія, безъ представленія Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встрѣтится. Но какъ желательно намъ самимъ, такъ какъ и нужно, сдѣлать дѣло, за несдѣланіе котораго могутъ насъ укорить: то поговорите съ г. Горскимъ, не возмется ли онъ за сіе дѣло съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ можно было бы взять въ Москвѣ и которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и повѣрялъ, посѣщая Москву по временамъ? Займитесь сею мыслію, и дайте мнѣ отвѣтъ" [2]). А. В. Горскій изъявилъ готовность принять на себя трудъ составленія полнаго описанія славянскихъ рукописей, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ. Въ сотрудники себѣ онъ указалъ на профессора симбирской семинаріи К. И. Невоструева. Впродолженіе четырнадцати лѣтъ (съ 1849 по 1862 г.) совокупными силами они работали надъ описаніемъ славянскихъ рукописей синодальной библіотеки, и плодомъ этихъ ревностныхъ и усиленныхъ трудовъ были

---

[1]) Разумѣются проф. М. П. Погодинъ, В. М. Ундольскій и др.

[2]) Письма моск. митр. Филарета къ архіеп. твер. Алексію. М. 1883, стр. 45—46.

четыре печатныхъ тома, содержащихъ въ себѣ описаніе отдѣловъ рукописей: Св. Писанія и писаній св. отцевъ [1]).

„Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки“ есть можно сказать неисчерпаемая сокровищница критически очищенныхъ фактовъ для исторіи священнаго библейскаго текста, равно для исторіи текста святоотеческихъ твореній и различныхъ богословскихъ сочиненій. По широтѣ плана трудъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева мало имѣетъ себѣ подобныхъ и въ западно-европейской литературѣ. Это не простая опись многихъ рукописей (въ четырехъ томахъ описаны 341 рукопись), а цѣлый рядъ глубокихъ изслѣдованій, снабженныхъ въ изобиліи всѣми данными филологіи, палеографіи, хронологіи, исторіи и древностей, и направленныхъ къ объясненію исторической судьбы литературныхъ произведеній, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ. Такъ, вчастности въ первомъ томѣ при изслѣдованіи текста древняго славянскаго перевода свящ. книгъ ученые авторы „Описанія“ поставили себѣ цѣлію — „дознать, какъ образовалось то собраніе библейскихъ книгъ на славянскомъ языкѣ, которое мы имѣли до первыхъ печатныхъ изданій? и въ какомъ видѣ вообще было извѣстно Слово Божіе нашимъ предкамъ“ [2])? Для достиженія этой цѣли они занимались сличеніемъ библейскихъ рукописей между собою, сличеніемъ перевода съ подлинникомъ, сличеніемъ текста рукописей съ принятымъ въ Острожское изданіе Библіи. Завѣтною мыслію ихъ было установленіе и характеристика редакцій рукописной славянской Библіи. „Внося замѣчанія о разностяхъ перевода Новозавѣтныхъ книгъ по разнымъ спискамъ, мы—говорятъ А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ—руководились между прочимъ и тою мыслію: когда болѣе будетъ собрано наблюденій такого рода надъ

[1]) О степени участія того и другого въ трудѣ описанія см. въ „Исторіи моск. дух. академіи“ С. Смирнова. М. 1879, стр. 491—495.—Въ 1863 г. прот. А. В. Горскій, уже ректоръ академіи, былъ уволенъ отъ занятій по описанію рукописей. К. И. Невоструевъ одинъ продолжалъ этотъ трудъ; но въ 1872 г. онъ скончался, издавши въ 1869 г. одинъ томъ, содержащій 1-ю часть 3-го отдѣла рукописей, именно: Книги богослужебныя. Впродолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ трудъ этотъ впередъ нимало не подвинулся.

[2]) Описаніе слав. рук. моск. синод. библ. Отд. I. М. 1855, стр. II.

текстомъ Новозавѣтныхъ списковъ, чрезъ разсмотрѣніе большаго числа древнихъ рукописей, тогда удобнѣе будетъ опредѣлить характеристическіе признаки списковъ извѣстной страны и времени, и составить понятіе о фамиліяхъ или разрядахъ списковъ,—подобно тому, какъ сіе сдѣлано учеными изслѣдователями относительно греческихъ списковъ Новаго Завѣта. Тогда можно будетъ сдѣлать вѣроятныя заключенія о томъ, когда и гдѣ благочестивые ревнители Слова Божія трудились надъ сличеніемъ древняго перевода съ греческими рукописями, или, ограничиваясь только личнымъ разумѣніемъ дошедшаго до нихъ перевода, старались сообщить ему болѣе ясности, замѣною древнихъ, вышедшихъ изъ употребленія, чужестранныхъ словъ—новыми болѣе извѣстными" [1]). Второй, третій и четвертый томы „Описанія" посвящены разбору рукописей, содержащихъ толкованіе Св. Писанія, свято-отеческія творенія, догматическія, духовно - нравственныя, учительныя и различныя богословскія сочиненія какъ переводныя, такъ и русскія. Сколько потребовалось здѣсь усилій только для пріисканія подлинниковъ, съ которыхъ сдѣланы были славянскіе переводы! За то работы по сличенію славянскихъ переводовъ съ греческимъ текстомъ привели къ открытію нѣкоторыхъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ или неизданныхъ твореній отцевъ. Напр., по славянскимъ рукописямъ открылись новыя произведенія Меѳодія Патарскаго, а доселѣ извѣстныя найдены въ лучшемъ видѣ. Открылось также, что нерѣдко славянскіе переводы могутъ облегчать уразумѣніе подлиннаго смысла греческихъ текстовъ, ошибкою или съ намѣреніемъ извращаемыхъ иногда въ западныхъ изданіяхъ. „Описаніе" А. В. Горскаго и К. И Невоструева составило цѣлую эпоху въ исторіи описанія рукописей и обогатило науку многими новыми фактами и выводами. Оно составляетъ основу для изученія древне-русской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ множество новыхъ, объясненныхъ и очищенныхъ строгою критикою свѣдѣній, важныхъ не для однихъ русскихъ или славянскихъ ученыхъ, но для всѣхъ изслѣдователей христіанской древности и старины.. Вчастности, для славянской филологіи „Описаніе" представляетъ обильные

[1]) Описаніе слав. рук. моск. син. библ. Отд. I, стр. XI.

матеріалы какъ въ грамматическомъ, такъ и въ словарномъ отношеніяхъ; въ немъ собрано и подготовлено много соображеній и указаній, драгоцѣнныхъ для филолога. Такъ, въ выпискахъ приведены особенности грамматическихъ формъ древняго церковно-славянскаго языка и древняго правописанія по нарѣчіямъ; объяснены невразумительныя слова чрезъ сличеніе съ позднѣйшими, принятыми въ нихъ замѣну, или чрезъ сопоставленіе славянскаго текста съ греческимъ, отмѣчено много словъ древнихъ, неизвѣстныхъ дотолѣ, или имѣющихъ новыя значенія, не указанныя въ словаряхъ. Въ подтвержденіе послѣдняго можно указать на сотни словъ, которыя внесъ Миклошичъ изъ „Описанія“ Горскаго и Невоструева во второе изданіе своего словаря (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865) и которыя не находились ни въ первомъ его изданіи, ни въ словарѣ церковно-славянскаго языка Востокова. Такое обогащеніе словаря церковно-славянскаго языка составляетъ въ дѣлѣ славянской филологіи неоспоримую заслугу составителей описанія рукописей московской синодальной библіотеки... Въ 1867 г. этотъ трудъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева удостоенъ былъ отъ Императорской Академіи Наукъ первой по времени ломоносовской преміи, какъ трудъ особенно важный и въ отношеніи къ знаменитому книгохранилищу, заключающему въ себѣ произведенія древняго и стариннаго письма, необходимыя для всякаго изучающаго языкъ и литературу русскаго и всего славянскаго православія, и по своему научному значенію не только въ русской и славянской литературѣ, но и вообще въ научной литературѣ европейской [1]).

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, на сколько цѣнный вкладъ внесенъ А. В. Горскимъ въ область славяно-русской историко-филологической науки и духовной литературы.

Да послужитъ моя краткая рѣчь благодарною данью незабвенной памяти прот. А. В. Горскаго.

Г. Воскресенскій.

17 октября
1900 г.

[1]) Отчетъ о первомъ присужденіи ломоносовской преміи (и записки академиковъ И. И. Срезневскаго и А. Ө. Бычкова) — въ Сборникѣ статей, чит. въ Отдѣленіи рус. яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 7., прилож. 1.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. В. ГОРСКОМЪ.

Прошло уже двадцать-пять лѣтъ съ той поры, какъ Московская Академія съ единодушной, искренней и глубокой горестью опустила въ могилу того, въ комъ видѣла свое наилучшее и драгоцѣннѣйшее украшеніе. Конечно, въ жизни учрежденія четверть вѣка срокъ не большой, но не таковъ онъ для отдѣльныхъ лицъ. Оглядываясь теперь кругомъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ, я съ трудомъ могу насчитать лишь какой-либо десятокъ такихъ, которые могли бы въ большей или меньшей степени назваться питомцами А. В. Горскаго,—для которыхъ съ этимъ именемъ соединяется живой образъ знакомой имъ и дорогой для нихъ личности. Эти уцѣлѣвшіе доселѣ, младшіе современники незабвеннаго А. В. сами теперь уже перешагнули далеко за половину жизни своей и переживаютъ такой возрастъ, когда человѣку въ особенности свойственно оглядываться назадъ и жить воспоминаніями о своемъ прошедшемъ. Позвольте-же и мнѣ, какъ одному изъ нихъ, хотя немножко перенестись мыслію туда, назадъ за четверть вѣка.

И вообще говорится: „что пройдетъ, то будетъ мило", но не потому только несется туда мысль моя. Вдумываясь въ самого себя, я, какъ и другіе мнѣ подобные, не можемъ не признать, что, если въ насъ имѣется что либо хорошее, то весьма значительной долей его мы обязаны нашей родной Академіи, а въ ней самой—больше всего великому благотворному примѣру и вліянію Александра Васильевича. Въ прекрасные, но и самые опасные, годы жизни своей, въ пору лишь складывающихся убѣжденій, пробуждающихся и борящихся чувствъ и увлеченій, мы встрѣтили здѣсь такую

серьезную и благородную среду, такой высокій образецъ въ лицѣ ея главнаго руководителя, что безпредѣльную признательность за это великое благо можетъ изгладить въ душѣ нашей только могила. Вотъ эта то вѣчная признательность и просится теперь наружу, хочетъ хотя сколько нибудь излиться въ посильной попыткѣ воскресить предъ Вами то глубокое впечатлѣніе, которое нѣкогда производилъ на насъ, юныхъ тогда студентовъ, нашъ незабвенный о. ректоръ.

Собрались мы сюда въ Академію, какъ и теперь всегда бываетъ, со всѣхъ концовъ Руси великой, проучившись уже не мало лѣтъ и въ училищахъ и въ семинаріяхъ, испытавши вліяніе разныхъ начальниковъ, нерѣдко и достойнѣйшихъ и любимыхъ и оставившихъ намъ по себѣ наилучшую память. Вступая въ эту высшую богословскую школу, мы думали встрѣтить и здѣсь, во главѣ ея, что-либо подобное, можетъ быть еще болѣе достойное и высокое, по во всякомъ случаѣ обычное. Въ дѣйствительности-же оказалось совсѣмъ, совсѣмъ не то. Не „одинъ изъ многихъ“, не обычный о. ректоръ встрѣтилъ насъ здѣсь, а такой благолѣпный, величественный старецъ, отъ котораго прямо вѣяло чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, не земнымъ, при созерцаніи котораго мысль невольно переносилась ко временамъ христіанской древности, искала параллелей въ великихъ вселенскихъ учителяхъ, Василіи Великомъ, или Григоріи Богословѣ. Привлекала къ себѣ и самая внѣшность его. Хорошій ростъ, плотная осанистая фигура, большая совсѣмъ открытая голова съ одной лишь густой опушкой сѣдыхъ кудрей, окладистая, бѣлая какъ снѣгъ, борода, густыя нависшія брови надъ серьезными, въ высшей степени выразительными и безпредѣльной добротой свѣтящимися глазами, какая-то необыкновенная, лучезарная, прямо въ душу проникающая улыбка широкихъ устъ... все это производило глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Люди совсѣмъ его не знавшіе и видѣвшіе въ первый разъ любовались имъ, заглядывались на него; до такой степени выдѣлялся онъ изъ ряда людей обычныхъ своимъ особеннымъ благолѣпіемъ. Два раза пришлось мнѣ быть очевидцемъ его случайныхъ служеній въ Москвѣ въ университетской и въ одной изъ приходскихъ церквей. При первомъ же его появленіи я видѣлъ въ народѣ пріятное изумленіе, слышалъ то тамъ то

здѣсь вопросы: „кто это?“, „откуда такая прелесть?“ И дѣйствительно, Александромъ Васильевичемъ можно было искренно любоваться!

Но если и не знавшіе его любовались имъ, то тѣ, кому привелъ Господь узнать, не могли не полюбить его и не благоговѣть предъ нимъ.

Прежде всего, насъ поражала и приводила въ изумленіе его необычайная ученость. Если въ этомъ отношеніи онъ удивлялъ даже самихъ ученыхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, какъ Стэнли напр., если такой выдающійся русскій ученый какъ Срезневскій, называлъ Александра Васильевича „великаномъ русской науки“, въ сравненіи съ которымъ многіе другіе наши ученые казались „пигмеями“, то какимъ-же недосягаемымъ колоссомъ представлялся онъ намъ-студентамъ?! Самая обстановка жизни его была совсѣмъ не обычна. Онъ буквально весь былъ обложенъ книгами. Два громадныхъ кабинета и спальная его ректорской квартиры представляли собою сплошное книгохранилище: по стѣнамъ большіе стеклянные шкафы, полки и этажерки съ книгами, средина комнатъ заставлена столами съ тѣми-же книгами, на диванахъ, на креслахъ, на стульяхъ — вездѣ книги, даже на полу тянутся сплошные ряды книгъ, или возвышаются цѣлыя ихъ груды. Самъ А. В. занимался обыкновенно на большомъ мягкомъ диванѣ предъ раскрытымъ ломбернымъ столомъ. Весь этотъ диванъ его былъ заваленъ книгами: книги были и по бокамъ А. В-ча и за спиною его, и въ ногахъ на полу. Когда случалось приходить къ нему къ вечернему чаю, то, чтобы сѣсть въ стоящее подлѣ кресло, нужно было сперва расчистить себѣ мѣсто на немъ, а слуга, приносившій маленькій самоварчикъ, не безъ труда успѣвалъ помѣстить его на краю стола, тоже заваленнаго книгами. Трудно было и представить себѣ, чтобы нашего о. ректора можно было застать иначе, какъ съ книгою въ рукахъ. И эта „палата знаній“ съ любовію была открыта для всѣхъ. Правда, самъ А. В. напечаталъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, что могъ-бы напечатать при своихъ широкихъ познаніяхъ и неутомимомъ трудѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жизни, почти всецѣло посвященной наукѣ; но помимо внѣшнихъ вліяній, были для этого и глубокія, внутреннія причины. Въ своей ученой дѣятельности А. В. обна-

руживалъ такія свойства, которыя характеризуютъ его какъ явленіе исключительное въ ряду людей, подвизающихся на томъ-же поприщѣ. Къ печатному слову онъ относился съ необычайнымъ уваженіемъ, которое нерѣдко тяжело отзывалось и на произведеніяхъ другихъ авторовъ, поступавшихъ къ нему на разсмотрѣніе. Онъ требовалъ, чтобы каждое выраженіе и даже каждое слово сочиненія, предназначавшагося къ печати, было строго обдумано и вполнѣ соотвѣтствовало своему назначенію. Такая требовательность еще въ гораздо большей степени находила себѣ примѣненіе въ отношеніи къ его собственнымъ трудамъ. Если онъ отдавалъ въ печать, то только уже такія произведенія, которыя казались ему обдуманными до послѣднихъ подробностей, а подобныя произведенія требовали, конечно, слишкомъ много времени для своей подготовки и потому не могли быть многочисленными. Но важнѣе всего то, что у А. В-ча не существовало тѣхъ побужденій, которыя въ большинствѣ случаевъ заставляютъ ученыхъ людей усиленно печатать свои работы. Къ ученой славѣ, къ общественному почету, къ матеріальнымъ выгодамъ онъ относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Если что могло побудить его къ печатанію своихъ трудовъ, то только необходимость исполнить чье либо требованіе. Еслибы, по иниціативѣ митр. Филарета, Св. Синодъ не предписалъ составить полное описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки, еслибы самъ митр. Филаретъ не возлагалъ прямо на А. В-ча ученыхъ работъ и еслибы не требовалось срочныхъ трудовъ для академическаго журнала или актовой рѣчи, то, мнѣ кажется, не имѣли бы мы въ печати и большей части тѣхъ сочиненій А. В-ча, какія въ настоящее время существуютъ. Посвятивъ всю жизнь свою научнымъ занятіямъ, онъ работалъ изъ чистой любви къ знанію, а потому давалъ мѣсто своимъ изслѣдованіямъ не на печатныхъ страницахъ, а карандашемъ на поляхъ тѣхъ книгъ и рукописей, которыя имъ читались, или на листкахъ тѣхъ частныхъ записокъ и писемъ, которыя никогда не предназначались къ печати. Этими замѣтками библіографическаго, лингвистическаго, хронологическаго, критическаго и всякаго другаго научнаго содержанія, пользовался и доселѣ пользуется цѣлый рядъ ученыхъ поколѣній, находя въ нихъ иногда нѣкоторыя драгоцѣнныя указанія и

всегда благоговѣя предъ широкою эрудиціей ихъ автора. Но для насъ-студентовъ онъ самъ былъ живою энциклопедіей, которая раскрывалась предъ нами не просто съ добротой и снисхожденіемъ, а даже съ радостью, съ наслажденіемъ. По какому бы предмету ни задавалось намъ сочиненіе, мы, прежде всего, спѣшили за совѣтами и пособіями къ о. ректору. Мы такъ вѣровали во всеобъемлющую широту его учености, что намъ какъ-то и въ голову не приходила возможность такого случая, чтобы А. В. оказался несвѣдущимъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. И съ искреннею радостью встрѣчалъ онъ каждаго изъ насъ, кто только обнаруживалъ дѣйствительное желаніе серьезно заняться своею работой. Хотя и вѣчно занятой, онъ никогда не жалѣлъ времени на бесѣду со студентомъ: забывая свои лѣта, онъ на колѣнахъ ползалъ по полу въ пыльныхъ кипахъ нагроможденныхъ книгъ и никто не уходилъ отъ него съ пустыми руками. За ходомъ нашихъ работъ слѣдилъ онъ съ большимъ вниманіемъ. При каждомъ свиданіи, придетъ-ли къ нему студентъ въ качествѣ дежурнаго, или по своему какому-либо дѣлу, онъ не преминетъ завести разговоръ о его занятіяхъ, подробно разспроситъ о всемъ прочитанномъ, дастъ свой совѣтъ, иной разъ любовно поспоритъ съ увлекающимся юношей, который вынесетъ всегда изъ такой бесѣды великую пользу. Довольно часто совершалъ А. В. обходъ нашихъ занятныхъ студенческихъ комнатъ, всегда по вечерамъ, когда всѣ должны были сидѣть за своимъ дѣломъ. Переходя отъ стола къ столу, отъ конторки къ конторкѣ, изъ номера въ номеръ, А. В. останавливался у каждаго студента и бесѣдовалъ съ нимъ о его работѣ. Вотъ почему, хотя, при тогдашнемъ раздѣленіи академическихъ каѳедръ по факультетамъ, мы далеко не всѣ, какъ и я въ томъ числѣ, были непосредственными слушателями А. В-ча, но всетаки всѣ въ сущности были его учениками.

Рѣдкая ученость соединялась въ А. В-чѣ съ еще болѣе рѣдкою силою вѣры. Трудно и представить себѣ болѣе гармоническое сочетаніе умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія человѣческой личности. Пламенная и непоколебимая вѣра была основою и его научной дѣятельности. „Во время самыхъ сильныхъ болѣзненныхъ кризисовъ западной богословской науки“, говоритъ одинъ изъ выдаю-

щихся учениковъ покойнаго,—„кризисовъ, неизбѣжно отражавшихся болѣе или менѣе сильно и у насъ, особенно въ высшей школѣ, онъ могъ воскликнуть со св. Златоустомъ: сильныя волны, жестокая буря, но я не боюсь потопленія, потому что стою на скалѣ; пусть воетъ буря, пусть ярятся волны, онѣ ничего мнѣ не сдѣлаютъ". Онъ стоялъ на несокрушимой скалѣ своей глубокой вѣры. Какъ въ ученыхъ трудахъ, такъ и въ академическихъ лекціяхъ, онъ всегда являлъ себя не только строго-научнымъ изслѣдователемъ, но и пламенно-вѣрующимъ человѣкомъ, что особенно ярко свѣтило въ его жизни. Не принимая на себя иноческихъ обѣтовъ, А. В. по жизни своей былъ всегда самымъ строгимъ монахомъ. Чистый дѣвственникъ, онъ и въ пищѣ отличался чрезвычайною скромностію и воздержностію. Добровольно наложивъ на себя обѣтъ не вкушать мяса, онъ строго держался его въ продолженіи многихъ лѣтъ до самой свой смерти. Высшимъ для него наслажденіемъ было участіе въ общественномъ богослуженіи; дни пріобщенія Св. Таинъ отмѣчались въ дневникѣ его, какъ дни высочайшей духовной радости, а потому принятіе священнаго сана было истиннымъ торжествомъ для его религіозно-настроеннаго духа. Благодаря именно его ревностнымъ стараніямъ, въ зданіи Академіи была устроена домовая церковь, которая стала предметомъ самыхъ горячихъ заботъ его и попеченій. Не проходило ни одного праздничнаго дня, когда А. В. уклонился бы отъ совершенія богослуженія, а когда онъ былъ въ храмѣ возвышенное религіозное настроеніе такъ глубоко проникало его, что невольно отражалось во всемъ его существѣ и производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. По отзыву тѣхъ, которымъ приходилось служить вмѣстѣ съ А. В., ихъ охватывалъ нерѣдко благоговѣйный трепетъ, когда онъ со слезами восторженнаго умиленія предстоялъ престолу Божію и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произносилъ священныя слова литургіи. Глубоко западали въ душу слушателей и слова назиданія, съ которыми онъ нерѣдко обращался къ своимъ питомцамъ въ церковныхъ поученіяхъ, особенно во дни пріобщенія. Каждый невольно чувствовалъ и понималъ, что не искусственные плоды краснорѣчія касаются его слуха, а такія слова, которыя прямо исходятъ отъ пламенѣющаго вѣрою и любовію сердца. Въ храмѣ, во

время богослуженія, религіозное чувство о. ректора обнаруживалось, конечно, съ особенною силой; но и внѣ храма и всегда оно было въ немъ господствующимъ, представляя живой назидательный примѣръ исполненія апостольской заповѣди: „непрестанно молитеся". Читая дневникъ А. В-ча, нельзя не замѣтить, что каждое сколько-либо выдающееся явленіе обыденной жизни наводитъ его прежде всего на религіозныя размышленія; каждое сомнѣніе, недоумѣніе, огорченіе располагаетъ его къ молитвѣ и побуждаетъ искать подкрѣпленія, назиданія и утѣшенія въ чтеніи Св. Писанія. Новый Завѣтъ былъ его постоянною настольною книгой, его неизмѣннымъ совѣтникомъ и руководителемъ. Самъ проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, А. В. всѣми силами старался воспитать его и въ своихъ питомцахъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ внушалъ намъ необходимость неопустительнаго посѣщенія церковнаго богослуженія; когда мы иной разъ отговаривались спѣшной работой въ виду приближенія срока сочиненія, онъ убѣждалъ насъ, что „все написанное во время богослуженія въ прокъ не пойдетъ", какъ лишенное Божьяго благословенія. Заботился онъ и о томъ, чтобы домашняя молитва въ студенческихъ комнатахъ ежедневно, особенно во время поста, совершалась по установленному порядку и нерѣдко самъ приходилъ для присутствованія на этой молитвѣ. И ничто такъ сильно не дѣйствовало на насъ какъ его собственный живой примѣръ. Не думайте однако, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ насъ непремѣнно монаховъ и требовалъ отъ насъ лишь молитвенныхъ подвиговъ. Нѣтъ, и свѣтскія благородныя развлеченія для нашей юности онъ признавалъ вполнѣ естественными и законными. При немъ, именно въ наше время, студенческіе номера впервые огласились звуками рояля, который мы пріобрѣли и снабдили ассортиментомъ нотъ, склонивъ къ пожертвованію тогдашняго почетнаго блюстителя Академіи и устроивъ подписку между собою и между профессорами.

Еще въ 1854 г., въ день св. Пасхи, А. В. писалъ въ своемъ дневникѣ: „ударъ колокола къ утренѣ на свѣтлый день засталъ меня на этихъ словахъ Евангелія Іоанна: „о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою". Мнѣ показалось это знаменательно для меня, нужно мнѣ часто повторять эту заповѣдь о любви". Вся

послѣдующая жизнь А. В-ча служила доказательствомъ того, что онъ не только не забылъ этой заповѣди, но какъ-бы воплотилъ ее въ себѣ, такъ что широкая, истинно-христіанская любовь была господствующей характеристической чертой всей его нравственной личности. Болѣе чѣмъ кто либо другой это чувствовала та многочисленная семья юныхъ питомцевъ, во главѣ которой онъ былъ поставленъ. Его отношенія къ намъ—студентамъ имѣли совершенно-своеобразный характеръ: высокопоставленный, властный и строгій начальникъ совсѣмъ стушевывался въ немъ за кроткимъ, горячо-любящимъ отцомъ. Чрезвычайно рѣдко можно было видѣть его гнѣвнымъ и грознымъ; никакого страха мы никогда предъ нимъ не испытывали, не потому чтобы онъ былъ слишкомъ слабъ и потворствовалъ нашимъ слабостямъ, а потому что „страха нѣсть въ любви, но совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ". Его укоряющій взглядъ, его глубокій горестный вздохъ, одно слово его кроткаго назиданія дѣйствовали на насъ сильнѣе всякихъ грозныхъ выговоровъ Мы хорошо знали, что каждый нашъ проступокъ глубоко огорчитъ его, а потому старались быть осторожнѣе не изъ страха гнѣва и наказанія, а только чтобы не разстроить и не огорчить А. В-ча и не заставить потомъ себя переживать тяжкія минуты стыда и раскаянія. И мы и наши ближайшіе начальники до такой степени благоговѣли предъ нравственною чистотою о. ректора, что прикасаться къ ней съ какими либо низменными дрязгами обыденной дѣйствительности казалось какимъ-то святотатствомъ. Если обнаруживалось какое либо печальное явленіе въ студенческой жизни, прежде всего старались о томъ, чтобы о немъ, по крайней мѣрѣ во всей наготѣ его, не узналъ о ректоръ. Никто не сомнѣвался нимало въ силѣ его всепрощающей любви, но всѣмъ было невыразимо больно, причинять ему глубокое разстройство и огорченіе. Провиниться въ чемъ либо и подвергнуться кроткому укору о. ректора было иногда для студента истинною пыткой, а поводы къ ней встрѣчались, конечно, не рѣдко. А. В. имѣлъ напр: обыкновеніе посѣщать неожиданно профессорскія лекціи и заставалъ иногда въ аудиторіи студентовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ онъ приказывалъ дежурному студенту переписать всѣхъ отсутствую-

щихъ въ журналъ, гдѣ велся отчетъ о дневныхъ занятіяхъ. Послѣ подобной переписи долгое время провинившимся студентамъ приходилось расплачиваться за свою провинность. Каждый день, когда очередной дежурный являлся съ журналами къ о. ректору, А. В. прежде всего отыскивалъ роковую страницу переписи, и если находилъ въ ней фамилію явившагося, начиналъ журить его за допущенную нѣкогда неисправность. Вынести эти кроткіе укоры, слушать эти глубокіе вздохи было хуже всякаго наказанія. Но не столько начальникъ и ректоръ слышался намъ въ этихъ укорахъ и вздохахъ, сколько любящій, огорченный отецъ. Однажды мы какимъ-то, должно быть выдающимся, проступкомъ сильно огорчили А. В-ча. Вечеромъ этого дня, часу въ десятомъ, въ нашихъ номерахъ разнесся слухъ, что къ намъ идетъ о. ректоръ, Мы тотчасъ-же догадались, что идетъ онъ со спеціальною цѣлію журить насъ за наши дѣянія. Вдругъ кому-то изъ насъ блеснула счастливая мысль, которая тотчасъ-же и приведена была въ исполненіе. Мы быстро собрались въ тотъ номеръ, гдѣ обыкновенно совершалась молитва и несмотря на то, что время, назначенное для нея, еще не наступило, одинъ изъ насъ взялся за книгу и мѣрнымъ голосомъ, съ чувствомъ, началъ какъ-бы уже давно продолжающееся чтеніе. Едва мы успѣли устроиться, какъ дверь отворилась и вошелъ А. В. Строгій взглядъ, насупившіяся брови ясно свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ настроеніи и съ какою цѣлію пожаловалъ къ намъ о. ректоръ. Помолились мы на этотъ разъ такъ, какъ не часто приходится молиться, голосъ чтеца звучалъ съ особенною выразительностію, низкіе поклоны видѣлись въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенное время, и съ замираніемъ сердца слѣдили мы за выраженіемъ лица дорогаго о. ректора. Чѣмъ дальше продолжалась молитва, тѣмъ строгій взглядъ его становился все мягче и мягче, а когда прозвучали послѣднія слова заключительнаго пѣснопѣнія, свѣтлая, любящая улыбка уже сіяла на его кроткомъ лицѣ. Глубоко вздохнулъ онъ, глядя на насъ, и сказалъ: „пришелъ было я съ вами браниться,—ну, да ужъ Богъ проститъ“! Затѣмъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты. И долго еще послѣ его ухода мы никакъ не могли опомниться подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвело на насъ это досто-

памятное посѣщеніе.—И любили мы А. В-ча именно какъ отца. Въ наше время въ средѣ студентовъ не было ему и другаго имени, какъ „папаша". Никто изъ насъ не говорилъ: „пойду къ о. ректору", или „меня зоветъ ректоръ", а непремѣнно: „пойду къ папашѣ, или „меня зоветъ папаша". И шелъ къ нему каждый изъ насъ со всѣми своими нуждами и горестями, какъ къ родному отцу. Постигало-ли студента какое-либо семейное горе, онъ шелъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ папашѣ. Понадобились-ли ему деньги, чтобы помочь ради какой либо случайности своей бѣдной семьѣ, или просто чтобы поѣхать на праздникахъ на родину, „Братства" тогда не было и онъ шелъ просить въ займы у того-же папаши. И встрѣчалъ онъ здѣсь всегда отеческій пріемъ. Отеческій, прежде всего, даже по самой внѣшней формѣ. Нерѣдко, бывало, выйдетъ къ нему папаша въ одномъ подрясникѣ, ласково возьметъ подъ руку, иной разъ обниметъ даже, и начнетъ тихонько прохаживаться по комнатамъ, выслушивая и разспрашивая пришедшаго о его нуждахъ и горестяхъ. И утѣшалъ онъ горюющихъ, и щедрою рукою раздавалъ на право и налѣво свои деньги, такъ что, отдавая все другимъ, при всей своей личной умѣренности, не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ книгъ. Не только встрѣчалъ онъ всякую нужду съ готовностію помочь, но и самъ шелъ къ ней на встрѣчу, безъ всякаго вызова. Кто изъ питомцевъ А. В-ча не помнитъ напр. съ какою нѣжною заботливостію относился онъ къ каждому заболѣвшему студенту, которому приходилось помѣститься въ больницѣ. Навѣстить академическую больницу папаша считалъ своимъ священнымъ долгомъ почти каждую недѣлю, а въ особенныхъ случаяхъ и гораздо чаще. Съ каждымъ больнымъ студентомъ онъ непремѣнно побесѣдуетъ, разспроситъ его и о здоровьи, о дѣлахъ семейныхъ, о занятіяхъ; подкрѣпитъ и утѣшитъ своимъ любящимъ словомъ, а вернувшись къ себѣ, пришлетъ еще какой ни будь гостинецъ, или книжку для легкаго чтенія. Съ особенною нѣжностію относился онъ, конечно, къ лучшимъ студентамъ и главнымъ образомъ къ только что поступившимъ и дальнимъ по происхожденію, всѣми силами стараясь вознаградить ихъ своею ласкою за непривычную и долгую разлуку съ семьею. Одинъ изъ первыхъ по успѣхамъ студентовъ, уроженецъ далекаго юга, только

что принятый въ академію, разсказывалъ мнѣ, что въ день его именинъ А. В. неожиданно призвалъ его къ себѣ и вмѣстѣ съ ласковой бесѣдой предложилъ ему пряникъ и еще какой-то дессертъ, чтобы по возможности утѣшить именинника, оторваннаго отъ далекой родины. Можно себѣ представить, какое неизгладимое впечатлѣніе должна была оставить эта отеческая ласка всѣми глубокоуважаемаго начальника въ сердцѣ юноши, не ожидавшаго, конечно, ничего подобнаго. А такія проявленія любви и ласки каждый изъ насъ видѣлъ со стороны нашего общаго дорогаго папаши почти на каждомъ шагу. Вотъ почему въ сердцахъ своихъ питомцевъ этотъ незабвенный папаша Александръ Васильевичъ оставилъ такой глубокій слѣдъ, который можетъ изгладиться только съ самой жизнію. Вотъ почему его имя всегда было для насъ и останется святыней!

В. Соколовъ.

Участіе Протоіерея А. В. Горскаго въ дѣлѣ учрежденія при Московской Духовной Академіи каѳедры естественно-научной апологетики.

(Воспоминанія проф. Д. Ѳ. Голубинскаго).

Ваше Преосвященство
и все досточтимое собраніе!

Прошу благосклонно выслушать мой разсказъ о томъ добромъ участіи, которое принималъ приснопамятный отецъ ректоръ Александръ Васильевичъ Горскій въ открытіи при нашей Академіи каѳедры естественно-научной апологетики.

Должно замѣтить, что дѣло о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній началось давно. Въ первые годы царствованія блаженной памяти Императора Александра Втораго ходили уже слухи о проэктахъ преобразованія: а въ 1858 году мы узнали о проэктѣ Архіепископа Камчатскаго Иннокентія, который присутствовалъ тогда въ Святѣйшемъ Синодѣ. Подробности этого проэкта изгладились изъ моей памяти, но, между прочимъ, тамъ говорилось, что въ семинаріяхъ должно обратить вниманіе на естественныя науки; это у меня твердо осталось въ памяти. Послѣ этого дѣло понемногу созрѣвало.

1860 года, 27 марта исполнилось давнее, завѣтное желаніе А. В. Горскаго: онъ сподобился священнаго сана. Помню съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою радостію онъ разсказывалъ мнѣ объ ежедневномъ по принятіи сана участіи, на святой недѣлѣ, въ совершеніи Божественной Литургіи.

Лѣтомъ 1860 года А. В. былъ вызванъ въ Санктпетербургъ въ комитетъ о преобразованіи духовно-учебныхъ за-

веденій. Тамъ онъ прожилъ полтора мѣсяца, и видѣлся съ Митрополитомъ Кіевскимъ Арсеніемъ; послѣдній былъ по Костромской семинаріи нѣсколькими курсами старше А. Васильевича и очень любилъ его. Осенью М. Арсеній пріѣзжалъ въ нашу Академію. Всѣ мы, собравшіеся, приняли отъ него благословеніе. А. В. былъ такъ же съ нами. — „Ахъ, Александръ Васильевичъ", сказалъ ему Владыка: „оставили Вы насъ, отстали отъ нашего дѣла". Ректоръ отецъ Сергій отвѣтилъ: „вѣроятно дѣло не остановилось и по отъѣздѣ Александра Васильевича". — „Какъ Вамъ правду сказать, оно равно стоитъ какъ при немъ, такъ и безъ него", -сказалъ на это Митрополитъ. — Знаменательныя слова: дѣло, дѣйствительно, остановилось на три года. Какъ на причину пріостановки дѣла, Митрополитъ, кромѣ несогласія во мнѣніяхъ разныхъ лицъ, указывалъ и на денежныя затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, уже давно изъ государственнаго казначейства были ежегодно выдаваемы для свѣтскихъ учебныхъ заведеній полтора милліона рублей. Митрополитъ Арсеній, когда былъ въ С.-П.-Бургѣ, то предлагалъ раздѣлить эту сумму на двѣ части: половину отпускать для свѣтскихъ, а другую половину для духовно-учебныхъ заведеній. Но это предложеніе не было принято.

Дѣло о преобразованіи возобновилось къ 1864 году. Тогда прислано было въ Академію предложеніе созвать конференцію, чтобы собрать мнѣнія относительно этого дѣла. И мы собрались у А. В-ча.

Лѣтомъ 1865 года на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода назначенъ былъ графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, человѣкъ энергичный. Августа 4 онъ посѣтилъ нашу Академію. Духовно-учебныя заведенія обязаны ему искреннею благодарностію за его ходатайство объ отпускѣ для нихъ суммъ изъ государственнаго казначейства. И это ходатайство оберъ-прокурора, какъ говорилъ мнѣ родственникъ его графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой, повторялось неоднократно и, наконецъ, увѣнчалось успѣхомъ. Но самый отпускъ суммъ былъ разсроченъ на пять лѣтъ: въ первый годъ отпущено триста тысячъ, во второй—шесть сотъ тысячъ, и такъ далѣе до пятаго года, съ котораго ассигнуемо было уже полтора милліона рублей.

Дѣло о преобразованіи стало подвигаться быстро. Въ

1866 году инспекторъ нашей Академіи отецъ Михаилъ вызванъ былъ въ С.-П.-Бургъ и долго жилъ тамъ, участвуя въ дѣлахъ комитета по преобразованію духовныхъ семинарій и училищъ, которыхъ уставъ утвержденъ 14 мая 1867 года. Въ началѣ сего года поручено было намъ представить мнѣнія по вопросу о преобразованіи духовныхъ Академій. И мы собрались по этимъ дѣламъ у А. В-ча. Такъ, помню собраніе, бывшее 6 марта 1867 года.

При всемъ уваженіи къ графу Д. А. Толстому, должно замѣтить, что у него были своеобразныя мнѣнія, съ которыми другіе, серьезно мыслившіе не могли согласиться. Такъ, по его мнѣнію, Академія должна быть исключительно Богословскимъ училищемъ, специально—Богословскимъ факультетомъ; эту мысль онъ высказалъ А. В-чу, когда былъ у него лѣтомъ 1867 года. А. В. со всею энергіею сталъ объяснять и доказывать оберъ-прокурору, сколь для полноты Богословскаго образованія необходимо преподаваніе въ Академіяхъ свѣтскихъ наукъ. Этотъ споръ отца ректора съ графомъ Д. А. Толстымъ окончился словами послѣдняго: „по крайней мѣрѣ Вы не убѣдите меня въ необходимости преподаванія математики въ Академіяхъ“. Когда я узналъ отъ А. В-ча о семъ разговорѣ, то стали являться опасенія, что каѳедра физико-математическихъ наукъ будетъ закрыта въ Академіяхъ.

1868 года 10 января, при начатіи учебныхъ дѣлъ, я былъ у А. В-ча и узналъ, что на каѳедру Митрополита Московскаго назначенъ Архіепископъ Иннокентій. Вдругъ пришелъ мнѣ на мысль упомянутый выше проэктъ его, и я сказалъ, что поэтому отъ него можно ожидать защиты физико-математическихъ наукъ. А. В. съ сочувствіемъ принялъ эти слова.

Въ С.-П.-Бургѣ учрежденъ былъ комитетъ для рѣшенія вопроса о преобразованіи духовныхъ Академій и въ первые мѣсяцы 1868 года приступилъ къ дѣлу. Скоро и у насъ получены были извѣстія о томъ, что комитетъ находитъ нужнымъ закрыть каѳедры физико-математическихъ наукъ въ Академіяхъ.

А. В. Горскій въ апрѣлѣ 1868 года получилъ письмо отъ ректора С.-П.-Бургской Академіи протоіерея Іоанна Леонтіевича Янышева и желалъ въ отвѣтномъ письмѣ написать нѣчто въ защиту физико-математическихъ наукъ. А потому

и поручилъ мнѣ представить записку объ этомъ предметѣ. Скоро я представилъ и послѣ забылъ о семъ. Но, блаженной памяти, Иванъ Николаевичъ Корсунскій отыскалъ эту записку въ архивѣ А. В-ча и напечаталъ въ газетѣ „Воскресный День“, (1894 годъ, № 41).

Лѣтомъ 1868 года въ издававшейся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ „Сѣверная Почта (№№ 145 и 146) напечатанъ былъ составленный упомянутымъ комитетомъ проэктъ новаго устава духовныхъ Академій. Въ этомъ проэктѣ (глава девятая) предположено было открыть особое отдѣленіе физикоматематическихъ наукъ, но только въ одной С-П.-Бургской Академіи. Однако же это предположеніе не осуществилось въ дѣйствительности.

1868 года 19 ноября исполнился годъ по кончинѣ Митрополита Филарета. Къ этому дню въ Лавру пріѣхалъ Митрополитъ Иннокентій. Помянувъ своего предшественника, вечеромъ Владыка былъ у отца ректора. Приглашены были и всѣ мы. Дорогъ и памятенъ для насъ этотъ вечеръ! Владыка долго бесѣдовалъ о миссіонерствѣ, а потомъ рѣчь перешла къ физико-математическимъ наукамъ. И Митрополитъ и А. В. согласно признавали необходимость того, чтобы въ Академіяхъ продолжалось преподаваніе сихъ наукъ, но при семъ замѣтили, что преподаваніе физики и космографіи должно быть направлено къ апологетической цѣли. Владыка сказалъ мнѣ: „это прямая ваша обязанность“.

1869 года на 8 февраля назначено было празднованіе пятидесятилѣтія С.-П.-Бургскаго университета. Митрополитъ Иннокентій желалъ, чтобы А. В. въ этомъ участвовалъ. Довольно долго пробылъ А. В. въ С.-П.-Бургѣ. Новый уставъ Академій еще не былъ утвержденъ, въ комитетѣ происходили дополнительныя засѣданія и А. В. приглашенъ былъ для участія въ нихъ. Должно замѣтить, что въ уставѣ многое было измѣнено сравнительно съ тѣмъ, какъ было въ напечатанномъ 1868 года проэктѣ. Для насъ особенно важно то, что въ уставѣ явился новый, не бывшій въ проэктѣ, слѣдующій параграфъ: „Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новые предметы сверхъ поименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части Академіи“. (По уставу 1869 года § 115, по уставу 1884 года § 104).

Объ этомъ параграфѣ говорили тогда, что своимъ происхожденіемъ онъ всецѣло обязанъ Александру Васильевичу. То есть, участвуя въ засѣданіяхъ комитета, А. В. по ходу дѣла видѣлъ, что преподаваніе математики не могло уже быть удержано въ нашей Академіи, какъ это было прежде; но онъ желалъ, чтобы открыта была каѳедра естественныхъ наукъ. Для безпрепятственнаго достиженія этой цѣли онъ предложилъ комитету, чтобы въ новый уставъ былъ внесенъ таковый параграфъ. И это было принято.

Уставъ духовныхъ Академій утвержденъ былъ 30 мая 1869 года. Но самое введеніе его въ нашей Академіи отложено было на годъ. Такимъ образомъ наступившій учебный годъ прошелъ по прежнему.

1869 года 1 декабря пришелъ я къ А. В. Онъ спросилъ меня о томъ, какъ я думаю о моей дальнѣйшей дѣятельности. На это я отвѣчалъ, что не теряю надежды на возможность открытія въ нашей Академіи каѳедры естественныхъ наукъ и желаю составить проэктъ. Съ полнымъ участіемъ принялъ это А. В. и просилъ потрудиться. Представленный мною къ концу декабря проэктъ А. В. разсмотрѣлъ внимательно и говорилъ, что главная цѣль предполагаемой каѳедры должна быть апологетическая. Исправленный мною по его указаніямъ проэктъ былъ представленъ ему и одобренъ имъ въ великомъ постѣ 1870 года. А. В. благословилъ меня отправиться въ С.-П.-Бургъ для личнаго объясненія дѣла Митрополиту Иннокентію, къ которому потомъ далъ мнѣ большое письмо.

1870 года, апрѣля 16 пріѣхалъ я въ С.-П.-Бургъ, а 19-го вечеромъ я явился къ Митрополиту Иннокентію. Въ это время бесѣдовалъ съ нимъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Помню, съ какою радостію Владыка воспоминалъ о совершившемся 25 января сего года открытіи православнаго миссіонерскаго общества. Когда окончилась ихъ бесѣда, подалъ я Владыкѣ письмо А. В-ча., который, какъ извѣстно, писалъ мелко. А потому Владыка сказалъ: „трудно мнѣ читать его письма, конечно здѣсь секретовъ нѣтъ, прочитайте сами". Читаю, и мнѣ становится весьма совѣстно, потому что А. В. въ этомъ письмѣ очень хвалилъ меня. Владыка благосклонно принялъ мое дѣло, выслушалъ и чтеніе проэкта, и со всею готовностію обѣщалъ дать средства для новой академиче-

ской каѳедры. Скоро по возвращеніи домой явился я къ А. В., который съ большою радостію встрѣтилъ принесенную мною вѣсть.

По дѣлу о преобразованіи нашей Академіи вечеромъ 21 іюня 1870 года было у насъ первое собраніе. Въ журналъ его внесено было ходатайство объ открытіи каѳедры естественно-научной апологетики и о назначеніи преподавателемъ сего предмета меня, преподававшаго прежде физико-математическія науки. На семъ журналѣ Владыка своею рукою написалъ, что средства будутъ даны. А. В. показалъ мнѣ это. Но дѣло не скоро было рѣшено.

Между тѣмъ лѣтомъ 1870 года къ намъ надвинулась новая гроза: изъ С.-П.-Бурга прислано было предписаніе передать физическій кабинетъ въ Московскую семинарію. Но А. В. очень основательно устроилъ дѣло: часть инструментовъ передана въ Московскую, часть въ Виѳанскую семинарію, а самое существенное и главное осталось у насъ.

Въ сентябрѣ 1870 года находился въ С.-П.-Бургѣ мой добрый товарищъ Александръ Ѳеодоровичъ Лавровъ (въ послѣдствіи Архіепископъ Литовскій Алексій). 20 сентября получилъ я отъ него частное извѣстіе о томъ, что дѣло идетъ въ мою пользу, что разрѣшено уже открыть въ нашей Академіи преподаваніе естественно-научной апологетики. Въ тотъ же день я передалъ это извѣстіе А. В-чу.

1870 года 27 сентября Митрополитъ Иннокентій служилъ въ академическомъ храмѣ, устроенномъ по его благословенію въ семъ году, а потомъ раздѣлилъ съ нами, трапезу. А. В. за обѣдомъ въ краткой рѣчи выразилъ сердечную благодарность сему Архипастырю, дарующему средства „для полноты и широты Богословскаго образованія“, и предложилъ тостъ за здоровье Владыки.

Помню, ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, — погода была такая же пасмурная, какъ и теперь,—въ сей самый праздникъ получилъ я приглашеніе къ А. Васильевичу, Догадываюсь для чего онъ зоветъ меня—и прихожу вечеромъ. Онъ благословилъ меня и подалъ относящійся къ учрежденію новой каѳедры присланный изъ Святѣйшаго Синода указъ, къ которому приложено было о семъ предметѣ заключеніе учебнаго комитета. А. В. продолжалъ заниматься своими дѣлами, а я читалъ молча сіи бумаги. „Довольны ли Вы?“

спросилъ онъ меня. „Очень доволенъ", отвѣтилъ я, прочитавъ указъ. Но самъ А. В. не очень доволенъ былъ тѣмъ, что учебный комитетъ несочувственно отнесся къ дѣлу естественно-научной апологетики. Съ 31 октября 1870 года начались мои лекціи по сему предмету.

Неоднократно приснопамятный отецъ ректоръ посѣщалъ мои лекціи и съ участіемъ относился къ нимъ. Помню, въ его присутствіи на одной лекціи я объяснялъ приливы и отливы въ океанахъ; онъ такъ заинтересовался этимъ, что послѣ, при свиданіи, завелъ разговоръ о семъ вопросѣ. Бывалъ иногда А. В. и въ физическомъ кабинетѣ. Такъ, въ мартѣ 1873 года много дней стояла ясная и безоблачная погода; въ одинъ изъ такихъ дней внимательно А. В. разсматривалъ производимые при закрытыхъ ставняхъ опыты съ солнечнымъ микроскопомъ, а за симъ обратилъ особенное вниманіе на мои слова о томъ, какъ при помощи таковыхъ опытовъ опровергается гипотеза самопроизвольнаго зарожденія живыхъ тварей.

1875 года 23—30 апрѣля ревизовалъ нашу Академію Архіепископъ Литовскій Макарій,—въ послѣдствіи Митрополитъ Московскій. Два раза онъ былъ на моихъ лекціяхъ и съ участіемъ относился къ моему предмету. А. В. былъ столько этимъ доволенъ, что записалъ о немъ въ дневникѣ слѣдующее: говорилъ „о своемъ намѣреніи рекомендовать учрежденіе класса естественно-научной апологетики и въ другихъ Академіяхъ" [1]).

Лѣтомъ 1875 года А. В. жилъ въ нижнемъ этажѣ корпуса, въ которомъ была его квартира. Это нужно было для того, чтобы чаще выходить въ садъ и пользоваться воздухомъ. Іюля 10 былъ я у него, нашелъ его лежащимъ на диванѣ, голосъ его былъ слабъ, здоровье разстроено; однако же онъ не переставалъ заботиться объ академическихъ дѣлахъ. Съ наступленіемъ осенняго времени онъ возвратился въ свою квартиру.

Послѣднее благословеніе его я сподобился получить 30 сентября. Въ этотъ день было обычное поминовеніе служившихъ въ Академіи и ея благотворителей. А вмѣстѣ припе-

---

[1]) Прибавленія къ изданію твореній святыхъ Отцевъ. Часть XXV. Москва 1885 года. Дневникъ А. В. Горскаго. Страницы 267 и 268.

сена была икона Преподобнаго Сергія, которую послѣ молебствія прямо понесли въ ректорскую квартиру. Пользуясь этимъ, и мы вошли туда. Видимъ, А. В., котораго силы до того ослабѣли, что онъ не могъ быть въ академическомъ храмѣ, сидитъ въ креслахъ, онъ одѣтъ въ рясу и на немъ докторскій крестъ. Приложившись къ святой иконѣ, онъ благословилъ насъ.

Утромъ октября 12 мы получили горестную вѣсть о послѣдовавшей ночью на сей день кончинѣ нашего незабвеннаго наставника.

Знаменательно было то, что девятнадцатое число ноября,— сороковой день по кончинѣ Александра Васильевича, было вмѣстѣ и днемъ кончины его наставника Митрополита Филарета. Поручено было мнѣ приготовить на этотъ день проповѣдь. Закончу же сіи воспоминанія словами премудраго Іисуса, сына Сирахова, которыми начато было мое церковное слово:

Восхвалимъ убо мужы славны, и отцы нашы въ бытіи.... Мужы имениты силою, совѣтующе разумомъ своимъ..... Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣстъ церковь. (Сир. 44, 1. 3. 14).

Д. Голубинскій.

ИЗЪ АРХИВА А. В. ГОРСКАГО [1].

I. Эпизодъ изъ исторіи описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки.

Высокія ученыя достоинства составленнаго А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки и важное значеніе его для русской историко-филологической науки въ настоящее

[1] Послѣ смерти А. В. Горскаго всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, на основаніи предсмертнаго завѣщанія его, поступили въ собственность Московской дух. Академіи и въ рукописномъ отдѣленіи ея библіотеки составили особое собраніе, обычно называемое *„архивомъ А. В. Горскаго“*. По своему содержанію этотъ архивъ чрезвычайно разнообразенъ: въ него входитъ все, что случайно или по какимъ либо побужденіямъ можетъ сохраняться у человѣка дѣловаго, всегда занятаго, у котораго часто не было времени, чтобы уничтожить ненужный бумажный хламъ, и который съ другой стороны самъ никогда не думалъ собирать что-нибудь для потомства на память о себѣ. Тутъ есть и цѣльные курсы лекцій, читанныхъ А. В. въ разное время, и мелкія замѣтки летучихъ мыслей на бумажныхъ обрывкахъ, обширная переписка съ разными лицами, студенческія сочиненія, правленныя Горскимъ, выписки изъ иностранныхъ книгъ, копіи съ замѣчательныхъ, иногда очень интересныхъ документовъ, цѣлая масса конспектовъ, записокъ, черновыхъ работъ и т. п. Значительная доля болѣе цѣннаго матеріала уже извлечена изъ архива Горскаго и стала достояніемъ всей читающей публики; таковы напр. „Дневникъ“ Горскаго, письма къ нему двухъ Филаретовъ—Московскаго и Черниговскаго, курсъ лекцій по евангельской и апостольской исторіи и пр. Кое-что изъ остающагося въ архивѣ, имѣющее общее значеніе, еще ждетъ своего издателя и, безъ сомнѣнія, не замедлитъ дождаться. Большая же часть бумагъ, конечно, осуждена навсегда лежать на мѣстѣ, такъ какъ она исключительно касается личности ихъ автора и его ученой, кабинетной дѣятельности; не смотря на то, что этотъ отдѣлъ архива

время безусловно признаются всѣми, кто имѣлъ случай и надобность такъ или иначе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ русской учености. Но едва-ли кому-нибудь теперь извѣстно, что было время, когда Описанію, выполненному уже въ главной своей части, грозила печальная участь остаться, если не на всегда, то на долго, въ портфелѣ его авторовъ, когда то, что даетъ этому труду право занять почетное мѣсто въ ряду лучшихъ памятниковъ обще-европейской науки,—широта и методичность постановки дѣла и новизна выводовъ, — едва не послужило главнымъ препятствіемъ къ опубликованію его въ печати. Оказывается, что существовало оффиціальное предложеніе— исключить изъ Описанія, при печатаніи его, весь ученый, историко-критическій аппаратъ и самое Описаніе обратить въ простой указатель славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, безъ всякаго изслѣдованія о составѣ ихъ и происхожденіи,—въ указатель, который, конечно, могъ-бы имѣть свое практическое значеніе, но для науки не давалъ бы ровно ничего. Съ этимъ любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи описанія Синодальныхъ рукописей знакомятъ насъ два документа, хранящіеся въ академическомъ архивѣ А. В. Горскаго, доселѣ не появлявшіеся въ печати и мало кому извѣстные, о которыхъ, вѣроятно, знали только немногіе и изъ современниковъ А. В-ча. Одинъ изъ этихъ документовъ содержитъ въ себѣ *копію* съ отзыва члена С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета, архимандрита Іоанна (Соколова)—впослѣдствіи епископа Смоленскаго, а тогда инспектора С.-Петербургской дух. Академіи, — о первой части Описанія славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, представленной Митрополитомъ Филаретомъ въ Синодъ для разрѣшенія къ печати и, по порученію Синода, разсмотрѣнной Іоанномъ. Другой является отвѣтомъ составителей Описанія, А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, на цензорскій от-

---

уже достаточно использованъ разными лицами, интересовавшимися Горскимъ, тотъ, кто снова займется изученіемъ этой многосодержательной личности, всегда найдетъ здѣсь не мало данныхъ для новыхъ наблюденій и соображеній.

Пользуясь случаемъ исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня кончины А. В. Горскаго, предлагаемъ вниманію читателей нѣсколько извлеченій изъ его архива, не лишенныхъ общаго интереса.

зывъ, обсуждаетъ его замѣчанія и защищаетъ Описаніе отъ цензорскихъ возраженій. Этотъ второй документъ сохранился въ нѣсколькихъ черновыхъ экземплярахъ съ помарками, поправками и дополненіями А. В. Горскаго, при чемъ въ экземплярѣ, заключающемъ окончательную редакцію его, въ какой онъ былъ посланъ въ св. Синодъ, имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная карандашемъ неизвѣстною рукою и позднѣе составленія документа: „*Апологія Описанія славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки и Слово обличительное на отца Іоанна (нынѣ ректора Казанской духовной Академіи* [1]). *Писано въ 1853 году* [2])".

Ниже мы помѣщаемъ оба эти замѣчательные документа въ полномъ видѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе ихъ происхожденія.

Какъ извѣстно, описаніе рукописей Синодальной библіотеки было предпринято Горскимъ и Невоструевымъ по иниціативѣ Митрополита Филарета и выполнялось подъ его непосредственнымъ контролемъ и руководствомъ. И надо поставить великому Митрополиту въ особую заслугу предъ русской наукой то, что онъ не только понялъ важность и необходимость описанія книжныхъ сокровищъ, хранящихся въ Синодальной библіотекѣ, но самъ сталъ во главѣ этого дѣла, обезпечивъ тѣмъ благополучный его исходъ. Не будь этого условія, не окажись во главѣ всего предпріятія такое мощное и авторитетное лицо, какъ Филаретъ, описаніе синодальныхъ рукописей, даже если бы оно было выполнено тѣми же—Горскимъ и Невоструевымъ, едва-ли бы скоро увидѣло свѣтъ, да безъ сомнѣнія и появилось бы не въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь.

Въ то время, какъ Горскій и Невоструевъ приступали къ своему грандіозному предпріятію, изученіе древнихъ памятниковъ нашей исторіи стояло уже на достаточно твердой почвѣ; однако, среди людей, заправлявшихъ внѣшними судьбами науки, было не мало такихъ лицъ, которые не вполнѣ одобритель-

[1]) Эта замѣтка показываетъ, что вся надпись была сдѣлана въ 1857—1864 г., когда Іоаннъ состоялъ ректоромъ Казанской Академіи.

[2]) Кромѣ этой позднѣйшей приписки, въ обоихъ документахъ нѣтъ болѣе никакихъ ни надписей, ни подписей. Имя Іоанна нигдѣ не упомянуто,—ни въ рецензіи, ни въ апологіи; точно также нигдѣ не названы по имени Горскій и Невоструевъ.

ными глазами смотрѣли на это стремленіе къ возстановленію русской старины во всей ея, иногда очень неприглядной, подлинности. Объективно-историческая точка зрѣнія на прошлое только что начала раскрываться и усвоивалась съ трудомъ, и точное воспроизведеніе памятниковъ древней жизни многимъ казалось ничѣмъ неоправдываемымъ укоромъ старинѣ, ударомъ для національной гордости и лишнимъ поводомъ къ нареканіямъ и недовольству. Особенно зорко слѣдила за этимъ теченіемъ въ нашей наукѣ тогдашняя духовная цензура. Въ архивныхъ документахъ, обрисовывающихъ прошлую жизнь нашей церкви, конечно, не все и не всегда совпадало съ наличнымъ порядкомъ вещей, а напротивъ многое уклонялось отъ него,—и въ этомъ усматривали серіозную опасность для интересовъ церкви. Боялись всего,—боялись „сужденій иномыслящихъ", боялись раскола, боялись, наконецъ, „соблазна" и для правовѣрныхъ членовъ церкви [1]). Изученіе самыхъ архивовъ не запрещалось безусловно; за то строго блюли за тѣмъ, чтобы результаты этого изученія не выходили за предѣлы кабинетной учености и не дѣлались общимъ достояніемъ публики. Какъ наша духовная цензура относилась къ изданію въ печати древнерусскихъ церковныхъ памятниковъ, объ этомъ хорошо свидѣтельствуетъ случай съ Остромировымъ Евангеліемъ, происшедшій не задолго до появленія въ свѣтъ Описанія Синодальной библіотеки. Изданіе этого древнѣйшаго памятника славяно-русской литературы (XI в.) задумано было извѣстнымъ знатокомъ нашихъ древностей, А. Х. Востоковымъ, по порученію Академіи Наукъ и на ея средства; въ немъ были заинтересованы нѣкоторые высокопоставленныя лица; самъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ Протасовъ стоялъ на сторонѣ его; но при всемъ томъ требовалось еще особое разрѣшеніе Св. Синода. Когда рукопись Евангелія была из-

[1]) Впрочемъ, не нужно думать, что эта точка зрѣнія составляла собой исключительную принадлежность духовной цензуры. Она раздѣлялась и представителями т. н. свѣтскаго образованія. Такъ, напр., когда 1 часть Описанія Синодальной библіотеки вышла изъ печати, извѣстный *Безсоновъ* печатно призналъ ея выводы оскорбительными для нашей древности и соблазнительными для современнаго общества. Отз. Безсонова см. въ Русс. Бес. 1857; отвѣтъ на него К. Невоструева въ Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. VII.

готовлена Востоковымъ и представлена въ Синодъ, то, слѣдуя обычному порядку, Синодъ отдалъ ее на разсмотрѣніе С.-Петербурскому духовно-цензурному Комитету, а Комитетъ въ 1841-мъ году вошелъ снова въ Синодъ съ особымъ докладомъ по вопросу печатанія Остромирова Евангелія, очень характернымъ для цензурныхъ взглядовъ того времени. Указывая на несходство Остромирова Евангелія съ печатными, славянскимъ и греческимъ, текстами, на добавки и опущенія въ мѣсяцесловахъ рукописи и на неудобства надписей при изображеніи Евангелистовъ [1]), Комитетъ въ этомъ докладѣ полагалъ, что Остромирово Евангеліе по рукописи Востокова можетъ быть допущено къ печатанію лишь подъ тѣмъ условіемъ, если издатель присоединитъ замѣчанія на всѣ несходныя съ принятымъ текстомъ мѣста Евангелія, изберетъ греческій текстъ болѣе близкій къ Остромирову Евангелію и объяснитъ разности въ мѣсяцесловѣ. Комитетъ духовной цензуры, какъ видимъ, не запрещалъ безусловно изданія Остромирова Евангелія, но обставлялъ его такими условіями, которыя были по существу дѣла почти невыполнимы. Не говоря о томъ, что рѣшеніе Комитета возлагало новые, еще болѣе тяжелые труды на издателя, оно неопредѣленностью своихъ требованій не давало основаній надѣяться на желательный исходъ и въ томъ случаѣ, если требованія эти будутъ удовлетворены, такъ какъ Комитетъ могъ снова выставить противъ нихъ свои возраженія. Работу Востокова спасли заступничество графа Протасова и ясный взглядъ Митрополита Филарета. Протасовъ обратился къ Московскому Владыкѣ съ запросомъ по поводу доклада, и Филаретъ формулировалъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ замѣчательныхъ положеніяхъ: 1) невозможно ожидать, чтобы текстъ XI в. былъ буквально сходенъ съ текстомъ XVIII ст.; 2) греческаго текста, утвержденнаго для всеобщаго употребленія, нѣтъ, и потому отъ издателя можно требовать только того, чтобы онъ избралъ хорошее греческое изданіе, а онъ это сдѣлалъ; 3) нѣтъ никакой бѣды, что въ мѣсяцесловѣ встрѣчаются разности; это бываетъ и въ другихъ мѣсяцесловахъ; 4) несообразности при изображеніи Еванг. Луки

[1]) Имѣлась въ виду главнымъ образомъ надпись надъ изображеніемъ Еванг. Луки: *симъ образомъ тельчемъ Духъ Святый явися Луцѣ.*

опустить нельзя, такъ какъ это сдѣлала бы вредъ точному воспроизведенію памятника. Оспаривать резолюцію Филарета по многимъ причинамъ было трудно, и Остромирово Евангеліе удостоилось разрѣшенія къ печати [1]).

Подлинная рукопись Остромирова Евангелія принадлежала (какъ и теперь принадлежитъ) С.-Петербургской публичной библіотекѣ [2]), куда доступъ былъ открытъ болѣе или менѣе всѣмъ на равныхъ правахъ. Однако, если и здѣсь научное изслѣдованіе древне-церковныхъ памятниковъ наталкивалось на почти непреодолимыя препятствія (такъ какъ, вѣдь, не всякій могъ разсчитывать на помощь Филарета), то тѣмъ труднѣе было пользоваться такимъ единственнымъ по своей важности книгохранилищемъ, какъ Синодальная библіотека. Владѣя рѣдкими книжными сокровищами, скопленными въ теченіе вѣковъ, Синодальная библіотека долго оставалась недоступной ученому міру и давно дразнила его любопытство. Мысль объ описаніи ея славянскихъ памятниковъ для общаго свѣдѣнія и пользы научной была высказана еще въ 1816-мъ году, но не такъ легко было осуществить эту мысль, какъ высказать ее. Духовное начальство ревниво берегло библіотеку и неохотно отворяло ея двери для постороннихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда къ этому вынуждало вмѣшательство вліятельныхъ лицъ. Такъ, въ 1824-мъ году Калайдовичу удалось было чрезъ графа Румянцева получить разрѣшеніе начать описаніе славянскихъ рукописей, но его занятія въ библіотекѣ продержались какъ разъ столько времени, пока живъ былъ его меценатъ. Чрезъ два года гр. Румянцевъ умеръ, и работы Калайдовича не только не увидѣли своего конца, но и не были изданы въ той части, въ какой исполнены [3]). Самъ Митрополитъ Филаретъ, такъ прекрасно высказавшійся по поводу изданія Остромирова Евангелія, на Синодальную библіотеку смотрѣлъ другими глазами,—и для него это была церковная библіотека, которая должна служить прежде всего ин-

[1]) Подробности этой исторіи см. въ журналѣ „Библіографическія Записки“, изд. Шибанова, Москва, 1892, 3, 167—172.

[2]) Она была подарена библіотекѣ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

[3]) См. записку И. Срезневскаго въ Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, вып. VII, 30. 31.

тересамъ церкви и куда доступъ не можетъ быть открытъ всякому желающему. „Невѣрное и неосмотрительное употребленіе древнихъ документовъ, — писалъ онъ при одномъ случаѣ,—относящихся до церковныхъ догматовъ, церковнаго законодательства, ученія и церковной исторіи, можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ". Изслѣдовать такого рода документы, изучать библіотеку въ должномъ направленіи, по мысли Филарета, правоспособны только люди съ спеціальной богословской подготовкой, „свѣдующіе въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ", да и они могутъ это дѣлать не иначе, какъ „подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства [1])". По этому, онъ подозрительно встрѣчалъ попытки „чужихъ людей" проникнуть въ эти сокровища и воспользоваться ими. Филаретъ, по его собственнымъ словамъ, давно думалъ о составленіи „отчетливаго Описанія" рукописей Синодальной библіотеки и понималъ общую нужду въ немъ,—понималъ, что „за недѣланіе его могутъ укорить" [2]), но быть можетъ это его намѣреніе и не осуществилось бы такъ скоро, если бы не вынудили его къ тому внѣшнія обстоятельства. Пришло время, когда задерживать открытіе библіотеки для науки стало неудобнымъ и для Филарета. Чѣмъ глубже и дальше шло у насъ изученіе памятниковъ древне-русской жизни, тѣмъ яснѣе чувствовалась нужда воспользоваться наиболѣе цѣннымъ ихъ собраніемъ и тѣмъ сильнѣе становились голоса, требовавшіе ученаго обслѣдованія Синодальныхъ рукописныхъ сокровищъ. Въ обществѣ и печати раздались обвиненія на духовное вѣдомство въ косности и нерадѣніи, упреки въ пренебреженіи къ интересамъ русской наукѣ [3]). Въ 1848 году М. П. Погодинъ, въ своей рецензіи объ описаніи библіотеки Н. Царскаго, сдѣланномъ П. М. Строевымъ, печатно призывалъ

---

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Митр. Филарета, доп. т., стр. 277—285.

[2]) Письма Митр. Филарета къ арх. Тверск. Алексію, М. 1823, стр. 45. 46.

[3]) Преосв. Филаретъ Гумилевскій, узнавъ о данномъ А. В. Горскому порученіи описать Синодальную библіотеку, писалъ къ нему: это — „новость, и новость весьма отрадная и пріятная. Дѣло какъ очевидно для всѣхъ, весьма нужное, дѣло такое, которое давно слѣдовало сдѣлать. Сколько упрековъ проглочено? Пожалуйста" и пр. Письма Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, М. 1885, стр. 242.

послѣдняго заняться Синодальной библіотекой и тѣмъ „воздвигнуть себѣ памятникъ [1])“, но еще ранѣе этого призыва Погодина, въ завѣтную библіотеку успѣлъ проникнуть извѣстный библіографъ В. М. Ундольскій и началъ собирать матеріалы для ея описанія, которое предполагалось помѣщать въ чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей [2]). Энергичные шаги „чужихъ людей“ встревожили Митрополита Филарета, и онъ принялъ рѣшительныя мѣры. 6-го Мая 1849 года, въ извѣстномъ письмѣ къ тогдашнему ректору Московской Академіи Архимандриту Алексѣю, онъ распорядился „удержать отъ пропущенія, безъ представленія Синоду, если что-нибудь появится въ этомъ родѣ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ Горскому заняться этимъ дѣломъ [3]).

Взявъ на себя инициативу такого важнаго и давно ожидаемаго предпріятія, какъ описаніе Синодальной библіотеки, Филаретъ постарался обезпечить его съ той стороны, которая наиболѣе внушала ему опасеній. А. В. Горскій былъ, конечно, такой человѣкъ, за котораго можно было поручиться, что изъ-подъ пера его не выйдетъ ничего, что дѣйствительно могло бы „произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ“. Но этого было мало. Описаніе должно было раскрыть собой всѣ книжныя тайны библіотеки, должно было ознакомить съ новыми фактами, повести къ новымъ выводамъ. При недостаточно развитомъ у насъ историческомъ пониманіи, при подозрительномъ отношеніи къ опубликованію древнихъ документовъ, эти стороны описанія могли вызвать нежелательныя послѣдствія, породить тотъ соблазнъ, котораго такъ боялся Филаретъ, и пожалуй погубить все дѣло. Для предупрежденія этихъ возможностей недостаточно было одного ученаго авторитета составителей описанія. Митрополитъ блистательно разрѣшилъ эту задачу. Все дѣло описанія онъ поставилъ подъ свое непосредственное руководство и контроль и оффиціально принялъ на себя отвѣтственность за его характеръ и результаты. Въ указѣ Св. Синода отъ 30 іюля 1849 г., разрѣшавшемъ приступить къ описанію Синодальной библіотеки, на Московскаго Митрополита,—разу-

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 10, стр. 472.

[2]) См. записку Срезневскаго въ Сборникѣ Ак. Наукъ, VII, стр. 32.

[3]) Письма Митр. Филарета къ Алексѣю, тамъ же.

мѣется, съ вѣдома и согласія его,—возлагалось „подробное распредѣленіе занятій между Горскимъ и Новоструевымъ, *главное руководство* въ сихъ занятіяхъ, разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться вопросовъ въ затруднительныхъ случаяхъ и самое пополненіе плана описанія, если въ томъ встрѣтится надобность [1])". Переписка А. В. Горскаго и К. И. Невоструева [2]), а также и другіе документы, хранящіеся частію въ архивѣ Горскаго, а частію въ Синодальной библіотекѣ, наглядно удостовѣряютъ, что это главное руководство Филарета въ описаніи библіотеки было не формальнымъ только, начальническимъ надзоромъ за работами описателей, но постояннымъ и непосредственнымъ соучастіемъ въ нихъ. Все дѣло описанія организовано было такъ, что каждый болѣе или менѣе значительный вопросъ подвергался обслѣдованію по предварительномъ обсужденіи его съ Филаретомъ и окончательно рѣшался только послѣ его одобренія. Сначала А. В. Горскимъ вырабатывался общій планъ описанія извѣстной группы славянскихъ рукописей, намѣчались основные пункты, какіе нужно имѣть въ виду при изученіи рукописей, составлялась обстоятельная программа работы, — и все это шло на разсмотрѣніе и одобреніе Филарета [3]). За каждую истекшую треть года обоими описателями представлялись Митрополиту отчеты о сдѣланныхъ за это время работахъ которые затѣмъ отсылались въ Синодъ [4]). К. И. Невоструевъ обязывался еще къ ежемѣсячному письменному отчету о движеніи дѣла и относилъ ихъ къ Филарету обыкновенно перваго числа. Нѣкоторыя рукописи Митрополитъ требовалъ къ себѣ и прочитывалъ самъ. Точно также онъ прочитывалъ

---

[1]) Копія указа находится въ архивѣ А. В. Горскаго.

[2]) Переписка А. В. Горскаго и К. И. Невоструева представляетъ собой богатѣйшій матеріалъ для исторіи описанія Синодальной библіотеки. Она заключаетъ въ себѣ болѣе 500 писемъ А. В. Горскаго и около 650 писемъ Невоструева. Началась она еще въ 1840 г. и продолжалась до 1872 г. Такъ какъ при описаніи библіотеки Невоструевъ работалъ въ Москвѣ, а Горскій—въ Сергіевомъ посадѣ, то имъ почти каждую недѣлю приходилось сноситься между собой письменно. Поэтому, ходъ работъ по описанію отразился въ этихъ письмахъ шагъ за шагомъ, со всѣми подробностями,—внѣшними и психологическими.

[3]) Эти программы съ резолюціями Митрополита хранятся въ акад. архивѣ А. В. Горскаго.

[4]) Черновики этихъ отчетовъ также имѣются въ архивѣ.

предварительно и описанія болѣе важныхъ манускриптовъ, дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія и иногда просилъ перерабатывать ихъ [1]). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія охранительныхъ задачъ, дѣло описанія Синодальной библіотеки было поставлено въ самыя благопріятныя условія. Описаніемъ руководилъ высшій членъ русской іерархіи и все въ немъ совершалось съ его вѣдома, разрѣшенія и одобренія [2]). При такихъ исключительныхъ условіяхъ, казалось, уже не было ни малѣйшихъ основаній безпокоиться, что результаты описанія не совпадутъ съ интересами церкви, что трудъ, составляемый подъ контролемъ всѣми признаннаго авторитета, не достигнетъ благополучнаго исхода. Однако, и теперь на дѣлѣ случилось не то.

Занятія въ Синодальной библіотекѣ были начаты Горскимъ и Невоструевымъ въ Сентябрѣ 1849 года съ изученія рукописей, содержавшихъ въ себѣ славянскіе списки Св. Писанія. Важность манускриптовъ этого рода, широта намѣченныхъ въ отношеніи къ нимъ задачъ, естественные при началѣ дѣла недосмотры во внѣшней и внутренней его постановкѣ, все это затянуло работу надолго. Описаніе славянскихъ кодексовъ Св. Писанія было изготовлено, не безъ нарочитыхъ побужденій со стороны Митрополита, только къ осени 1852 года, т. е. чрезъ три года усидчивыхъ и постоянныхъ занятій. Не смотря на то, что въ этой части Описанія каждая деталь была извѣстна Филарету, онъ не рѣшился своею властью пустить ее въ печать. Для пользы всего дѣла онъ находилъ нужнымъ обратиться въ Св. Синодъ и отъ него получить одобреніе къ напечатанію. При свиданіи съ

---

[1]) Указанія на все это есть въ перепискѣ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева. За бумажною отчетностью Филаретъ не забывалъ и личнаго общенія съ описателями. Конфузливому провинціалу К. И. Невоструеву, онъ съ самаго же начала внушалъ, чтобы тотъ ходилъ къ нему чаще „не дичась и не церемонясь“ (Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому отъ 13 окт. 1849 г.).

[2]) Въ нашей литературѣ посвященной Митр. Филарету, это участіе его въ составленіи описанія остается пока недостаточно отмѣченнымъ и неизученнымъ детально. Между тѣмъ этотъ вопросъ заслуживаетъ вниманія,—тѣмъ болѣе, что имѣются и обильные матеріалы для него. Было бы напр. любопытно опредѣлить то, какъ отразилось его начальническое руководство на составѣ и характерѣ Описанія? А что оно отразилось, это показываетъ уже переписка Горскаго и Невоструева.

К. И. Невоструевымъ, объясняя ему свое намѣреніе, Митрополитъ добавилъ: „при послѣднемъ (т. е. при одобреніи Синода) дѣло будетъ яснѣе и намъ веселѣе [1])“. Бѣловой экземпляръ первой части Описанія былъ представленъ въ Москву А. В. Горскимъ въ первыхъ числахъ Сентября [2]), а въ срединѣ этого мѣсяца онъ послалъ уже въ Синодъ „съ одобреніемъ Митрополита и предложеніемъ напечатать его [3])“. А. В-чъ привѣтствовалъ рѣшеніе Митрополита, какъ „счастливый задатокъ для будущаго [4])“ и надѣялся, что въ Петербургѣ труды ихъ найдутъ себѣ снисходительныхъ цѣнителей [5])... Но сверхъ всякихъ ожиданій здѣсь все дѣло приняло совсѣмъ другое направленіе. Св. Синодъ, не удовольствовавшись отзывомъ и рекомендаціей Митрополита Филарета, рѣшилъ подвергнуть первую часть Описанія новому разсмотрѣнію и для этого передалъ ее архимандриту Іоанну [6]). Выборъ цензора былъ крайне неблагопріятный. При блестящихъ способностяхъ, — характеризуетъ его проф. Знаменскій [7]), — отличныхъ литературныхъ талантахъ и критическомъ умѣ, Іоаннъ очень рано составилъ о себѣ славу, какъ о человѣкѣ гордомъ, недоступномъ и чрезмѣрно самовластномъ. Какъ цензоръ, онъ отличался двумя, хорошо знакомыми тогда многимъ чертами: крайнею при-

---

[1]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому отъ 20 Мая 1852 г.

[2]) Письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву 2 Сент. 1852 г.

[3]) Письмо Невоструева къ Горскому отъ 22 Сент. 1852 г.

[4]) Письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву 24 Мая 1852.

[5]) Письмо А. В. Горскаго къ К. И. Н-еву 26 Сент. 1852.

[6]) Сообщаемъ біографическую справку объ Іоаннѣ.—Іоаннъ (въ мірѣ Владиміръ Сергѣевичъ) Соколовъ, сынъ Московскаго священника (род. 1818 г.), былъ воспитанникомъ Московской Семинаріи и Академіи, по окончаніи которой (1842 г.) тотчасъ же принялъ монашество. Сначала состоялъ баккалавромъ въ Московской Академіи, а въ 1844 г. переведенъ былъ на туже должность въ С.-Петербургскую Академію, въ 1848-мъ году назначенъ былъ членомъ С.-Петербурскаго Комитета духовной цензуры съ 1851 сдѣланъ инспекторомъ Академіи. Въ 1852 получилъ званіе ординарнаго профессора; въ 1855 году переведенъ былъ въ ректора С.-Петербурской Семинаріи, а въ 1857 г. въ ректора Казанской Духовной Академіи. Въ 1864 г. назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи въ 1865 посвященъ въ епископа Выборскаго, викарія С.-Петербургскаго Митрополита; въ 1866 получилъ самостоятельную каѳедру, гдѣ и умеръ скоропостижно 17 Марта 1869 г.

[7]) См. Исторія Казанской Духовной Академіи, Казань, 1891, стр. 136 сл.

дирчивостью и полнымъ неуваженіемъ къ чужимъ мыслямъ, и съумѣлъ вооружить противъ себя даже самыхъ безобидныхъ людей [1]). И къ порученной ему на разсмотрѣніе первой части Описанія онъ отнесся съ обычными ему пріемами. Трудно сказать, что побудило Іоанна выступить противъ несомнѣнно полезнаго труда, научную важность котораго онъ самъ хорошо видѣлъ: свойственное-ли ему самолюбіе, желаніе ли строгостью цензорскихъ требованій обратить на себя вниманіе начальства, или дѣйствительное убѣжденіе въ преждевременности такихъ изданій для русскаго общества [2]): но во всякомъ случаѣ его рецензіи нельзя отказать ни въ діалектическомъ искусствѣ, ни въ литературной ловкости. Ученыхъ заслугъ Описанія онъ не отвергаетъ, — да и возможно ли было отвергать ихъ? За то съ изобрѣтательностью, достойной лучшаго дѣла, въ этой именно учености онъ находитъ опасность для церкви и въ своемъ отзывѣ принимаетъ на себя обязанность предупредить ее. Два пункта въ Описаніи кажутся ему особенно неблаговидными: Описаніе показываетъ, что 1) во всемъ множествѣ славянскихъ списковъ Св. Писанія, разсмотрѣнныхъ въ немъ, нѣтъ ни одного исправнаго, и что 2) полное собраніе Ветхозавѣтныхъ книгъ въ славянскомъ языкѣ у насъ появилось только въ XV вѣкѣ.

---

[1]) Преосв. Филаретъ Гумилевскій въ письмѣ къ Иннокентію такъ отзывается о Іоаннѣ по поводу цензорскихъ замѣчаній послѣдняго на V-й томъ его исторіи Русской Церкви: „заносчивый юноша далъ такъ много предписаній, что нелегко и смиряющемуся самолюбію покориться имъ. Видно, что высшее начальство сочло нужнымъ поучить меня смиренію, что прислало мнѣ приказы, писанные малограмотною опытностью“ (Матеріалы для біографіи Иннокентія, вып. 1, стр. 144, письмо XLVIII). Еще болѣе рѣзко говоритъ пр. Филаретъ объ Іоаннѣ въ одномъ письмѣ къ А. В. Горскому: „выслушивать и принимать замѣчанія заносчивости, по мѣстамъ вовсе не знающей дѣла,—очень тяжело. Никакъ не могу объяснить себѣ, какъ молодой монахъ, мало, очень мало знакомый съ исторіей русской церкви, дозволяетъ себѣ быть столько заносчивымъ, дерзкимъ и глупо-повелительнымъ? Онъ не допускаетъ и мысли той, что другіе могутъ и болѣе его знать и дѣльнѣе его разсуждать“. Письмо Филарета Черниговскаго къ А. В. Горскому, № 121. Твор. Св. ОО., 1885, 4, 447.

[2]) При всей своей широкой образованности и начитанности Іоаннъ не сочувствовалъ и не одобрялъ нѣкоторыхъ передовыхъ теченій своего времени, самихъ по себѣ вполнѣ законныхъ; см. напр. его статью о монашествѣ епископовъ, или еще: проповѣдь о свободѣ слова.

при чемъ въ него вошли заимствованія изъ Вульгаты, изъ латинскихъ и даже нѣмецкихъ изданій. Первый тезисъ онъ считаетъ укоризной на русскую церковь, раждающей мысль, что „въ продолженіи столькихъ вѣковъ“ наша церковь не имѣла Слова Божія въ чистомъ, цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ (?); второй онъ находитъ не благопріятнымъ для сужденій о нашей церкви, особенно иномыслящихъ, и неблаговиднымъ и неполезнымъ для общаго чтенія. Самая попытка описателей критически изслѣдовать славянскій текстъ Библіи представляется цензору чуть не дерзостью, посягающей на самую Библію. „Если бы описатели,—говоритъ онъ въ отзывѣ,—ограничились только одной библіографической цѣлію.., то въ такомъ случаѣ несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были бы обнаружены... Но описатели пошли далѣе. Они вооружились ученой критикой и стали изслѣдовать и судить о достоинствѣ самыхъ переводовъ Св. Писанія.., но нужно-ли это?“ Поэтому цензорская рецензія, на ряду съ другими исправленіями, предлагаетъ совсѣмъ исключить учено-критическую часть и подъ этимъ условіемъ только признаетъ, что Описаніе можетъ быть допущено къ печатанію. Отзывъ Іоанна ставилъ вопросъ о печатаніи Описанія съ самой критической его стороны. При той недовѣрчивости, съ какой у насъ относились къ опубликованію древне-церковныхъ памятниковъ, онъ могъ вызвать серьезное сомнѣніе въ томъ,—да нужно-ли, полезно-ли такое описаніе? Къ счастію для русской науки, Описаніе было близко и дорого Митрополиту Филарету, и не Іоанну было бороться съ нимъ. Отзывъ не рѣшилъ собой окончательно дѣла; его передали Филарету для соображеній...

Судя по перепискѣ А. В. Горскаго съ Невоструевымъ, весь этотъ эпизодъ съ разсмотрѣніемъ первой части Описанія въ Петербургѣ падаетъ на зимнюю сессію Св. Синода 1852—1853 г.г. А. В. Горскій, проводившій зиму въ Сергіевомъ посадѣ, вдали отъ всякихъ новостей, и К. И. Невоструевъ, поглощенный работами въ библіотекѣ, едва-ли что знали о немъ. Первое извѣстіе о судьбѣ ихъ работы привезъ Невоструеву Архіепископъ Казанскій Григорій, возвращавшійся изъ Петербурга весной 1853 года. Въ письмѣ къ А. В. Горскому отъ 22 Мая этого года Невоструевъ сообщаетъ

ему слѣдующее: „Высокопреосвященный Григорій въ проѣздъ чрезъ Москву требовалъ меня къ себѣ и, поговоривъ о прочемъ, сказалъ, что Описаніе наше въ Св. Синодѣ найдено удовлетворительнымъ и ему, Владыкѣ, особенно понравилось, но нѣкоторыя мѣста оказались рѣзкими къ тому, чтобы обнародовать оныя публикѣ, и только за этимъ судьба его въ Синодѣ окончательно не рѣшена, о чемъ Владыка Григорій приказалъ отписать Вамъ“. Преосв. Григорій, очевидно, скрасилъ дѣло, такъ что Горскій въ отвѣтномъ письмѣ Невоструеву не придалъ особаго значенія его извѣстію и ограничился только благодарностью за сообщеніе [1]). По-видимому, А. В. Горскій ознакомился съ подробностями рецензіи Іоанна только съ прибытіемъ Митрополита въ Лавру въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1853 г. на экзамены въ Академію. Не извѣстно, какое впечатлѣніе вызвало у обоихъ сотрудниковъ вмѣшательство Петербургскаго цензора: нашъ главный источникъ по этому дѣлу, переписка А. В. Горскаго съ Невоструевымъ,— какъ разъ на этомъ пунктѣ обрывается на все лѣто 1853 года, такъ какъ Невоструевъ къ Іюлю получилъ отпускъ на вакацію и, по приглашенію Горскаго, прежде всего явился къ нему. О такихъ дѣлахъ тогда говорили наединѣ.

Филаретъ рѣшилъ дать урокъ Іоанну. По его порученію, А. В. Горскій долженъ былъ спѣшно приняться за составленіе подробнаго объясненія на возраженія и требованія цензорской рецензіи. Хранящіяся въ акад. архивѣ его черновыя тетради отвѣта еще и теперь даютъ видѣть то, съ какой тщательностью велась эта работа. Проэктъ отвѣта нѣсколько разъ пополнялся, исправлялся, переписывался,— быть можетъ, каждый разъ послѣ обсужденія его съ Митрополитомъ. За то и въ результатѣ получилось то, что съ правомъ можно назвать шедевромъ полемическаго искусства. Въ серіозномъ, ученомъ, далекомъ отъ всякихъ выходокъ тонѣ отвѣтъ на рецензію Іоанна давалъ не только отпоръ на всѣ его замѣчанія, но и преслѣдовалъ противника до послѣдняго шага, изобличая преувеличенность его заключеній и коварность замысловъ. Онъ дѣйствительно являлся не только Апологіей Описанія, но и обличительнымъ

---

[1]) См. письмо А. В. Горскаго къ Невоструеву отъ 30 Мая 1853 г.

словомъ на Іоанна. Отстаивая всѣ выводы Описанія касательно исторіи священнаго текста у насъ, отвѣтъ съ особенной энергіей защищаетъ ученую постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблаговиднымъ и неполезнымъ для общаго чтенія ихъ можетъ признать только ложное сужденіе и придирчивый взглядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Апологія оставляетъ свой оффиціальный тонъ и возвышается до лирическаго воодушевленія, поражая противника его же оружіемъ. На предложеніе устранить ученокритическую часть она отвѣчаетъ энергичными словами съ чувствомъ сознанія исполненного долга предъ церковью и наукой. „Подъ благовиднымъ предлогомъ прикрытія недостатковъ древняго текста,—говорится здѣсь,—рецензія устраняетъ изъ Описанія и всѣ другія изслѣдованія... Но когда любознательность ученыхъ уже касается вопросовъ, которымъ дано мѣсто въ Описаніи; когда и свѣтскіе ученые обращаютъ вниманіе на разности списковъ библейскихъ, на отношеніе ихъ къ греческому тексту; когда изслѣдованія о древнемъ переводѣ Св. Писанія могутъ быть производимы и по рукописямъ другихъ библіотекъ, кромѣ Синодальной;—приличноли, полезно-ли будетъ духовнымъ ученымъ устранять себя отъ дѣла, ближайшимъ образомъ относящагося къ области ихъ занятій? Если и безъ нихъ дѣло будетъ ведено правильно, не прискорбно-ли будетъ имъ видѣть себя предупрежденными отъ постороннихъ? Если же приметъ ложное направленіе, не представитъ-ли новыхъ трудностей въ борьбѣ за истину,— борьбѣ, для которой нужно приготовленіе?“... Неосновательная догадка рецензента, что списки съ латинскимъ вліяніемъ появились не въ центрѣ Россіи, а въ соприкосновенныхъ съ западнымъ міромъ окраинахъ ея, вызываетъ въ апологіи справедливое негодованіе. „Итакъ, по мнѣнію рецензента, надлежало бы лишить Церковь Велико-Россійскую и тѣхъ списковъ Библіи, какіе она доселѣ признавала своими, и наперекоръ свидѣтельствамъ подписей и языка, наперекоръ обстоятельствамъ историческимъ, приписать ихъ происхожденіе Литовскимъ и Польскимъ епархіямъ! Князь Острожскій нигдѣ не могъ найти полнаго списка Библіи, какъ только въ Москвѣ; а мы, имѣя у себя не одинъ, а нѣсколько такихъ списковъ, которые гораздо ранѣе его времени, будемъ отъ нихъ отрекаться и произвольно искать

нимъ чужеземнаго происхожденія? Къ чему же наконецъ приведетъ такая критика? [1])".

Надъ составленіемъ отвѣта на рецензію трудился одинъ А. В. Горскій. Это видно не только изъ черновыхъ его тетрадей, но и изъ замѣчанія въ письмѣ къ П. Невоструеву отъ 24 Іюня 1853 года. „У насъ уже настала вакація, — пишетъ онъ здѣсь,—но я еще дня два или три пробуду въ посадѣ; приготовляю отвѣтъ на рецензію С.-П.-Б-рскую, который, показавъ вамъ и дополнивъ справками, долженъ представить Владыкѣ". Этимъ же лѣтомъ отвѣтъ былъ отосланъ въ Св. Синодъ, а въ первыхъ числахъ Ноября Митрополитъ уже увѣдомлялъ А. В. Горскаго чрезъ Невоструева, что „представленное въ Синодъ Описаніе разрѣшено къ напечатанію такъ, какъ оно есть и защищено нами, безъ исключенія изслѣдованія [2])".

Рецензія Іоанна не достигла своей цѣли; но нельзя сказать, чтобы она прошла совсѣмъ безслѣдно для Описанія. Въ одномъ отношеніи она имѣла даже благотворное послѣдствіе. Между прочимъ Іоаннъ въ своемъ отзывѣ поставлялъ въ обязанность составителямъ Описанія присоединить къ нему введеніе, изъ котораго было бы видно, какими правилами руководствовались они при разсмотрѣніи рукописей и сужденіи о нихъ. Это требованіе рецензіи было признано законнымъ въ отвѣтѣ на нее, при чемъ въ объясненіе отсутствія введенія въ первой части Описанія указывалось на то, что составители предполагали дать отчетъ о своихъ правилахъ по окончаніи обозрѣнія всѣхъ рукописей. Введеніе къ первой части Описанія появилось, а затѣмъ оно стало прилагаться и ко всѣмъ дальнѣйшимъ частямъ. Если принять во вниманіе, что Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки не увидѣло конца, то можно быть благодарнымъ Іоанну за его своевременный совѣтъ. Отразилась рецензія и на содержаніи самого введенія въ той апологетической тенденціи, которая явно выступаетъ въ немъ и стремится предупредить возможныя недоумѣнія, указанныя Іоанномъ. Наконецъ, согласно съ заявленіемъ отвѣта, къ заключитель-

---

[1]) Послѣдняя фраза: „къ чему и пр." зачеркнута карандашемъ въ документѣ и, очевидно, не вошла въ бѣловой экземпляръ.

[2]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В. Горскому, 1853, Ноябрь.

нымъ выводамъ къ разсмотрѣнію списковъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, изложеннымъ на стр. 132—137 печатнаго изданія, прибавлены § 1, 2 и 3-й, трактующіе о томъ, что данныя Описанія не приводятъ къ отрицанію существованія у насъ въ глубокой древности Ветхозавѣтныхъ книгъ въ славянскомъ переводѣ. Первый параграфъ этихъ заключеній былъ, правда, и до рецензіи, но какъ показываетъ имѣющійся въ архивѣ А. В. Горскаго рукописный экземпляръ первой части Описанія, онъ содержалъ въ себѣ только слѣдующее: „полные списки Синодальной библіотеки не могутъ подтверждать той мысли, что книги Ветхаго Завѣта изначала образовали у насъ одинъ составъ"—и только; далѣе слѣдовалъ теперешній четвертый параграфъ. Все же остальное, что имѣется теперь въ первомъ параграфѣ, начиная словами: „однако же и не представляютъ доказательствъ противъ извѣстности у насъ Ветхозавѣтныхъ книгъ въ полномъ и изначальномъ переводѣ"..., внесено подъ вліяніемъ рецензіи. Впрочемъ, указанными сейчасъ измѣненіями и ограничилось это вліяніе; всѣ остальныя замѣчанія рецензіи оставлены безъ вниманія, какъ тому и слѣдовало быть. Даже статья объ Аріевомъ ледѣ [1]), на исключеніе которой соглашался А. В. Горскій въ своемъ отвѣтѣ, вошла въ печать неприкосновенною.

√ Печатаніе первой части Описанія, какъ мы видѣли, разрѣшено было въ ноябрѣ 1853 года, но работы въ типографіи надолго затянулись. Нужно было отливать новый шрифтъ для извлеченій изъ славянскаго текста, а затѣмъ много времени отняла ревизія Синодальной библіотеки, производившаяся въ 1854 году. Описаніе увидѣло свѣтъ только осенью 1855 года. Оно встрѣчено было единодушнымъ признаніемъ его ученыхъ заслугъ. Первый отзывъ, подписанный инціалами „И. К-въ", появился въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь говорилось объ Описаніи такъ: „къ чести русскаго имени вполнѣ добросовѣстное разрѣшеніе задачи превзошло всѣ ожиданія: мы теперь имѣемъ образцовое въ своемъ родѣ твореніе, далеко превосходящее всѣ предшествовавшіе труды по части русской библіографіи и долженствующее занять почетное мѣсто въ ряду современныхъ филологическихъ изслѣдованій. Только пламенная лю-

---

[1]) См. Описаніе, отд. I, стр. 321. 322.

бовь къ наукѣ при обширной учености и неослабномъ терпѣніи могла дать силы составителямъ Описанія совершить этотъ по-истинѣ капитальный трудъ во славу русскаго имени и русской науки". Въ заключеніи отзыва выражалась искренняя благодарность духовному начальству, доставившему возможность и средства выполнить этотъ замѣчательный трудъ [1]). Дѣло было выиграно окончательно. Довольный одобрительной рецензіей Министерскаго журнала, Митрополитъ Филаретъ поспѣшилъ извѣстить о ней А. В. Горскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ своевременнымъ ослабить ту осторожность, въ какой велось описаніе. Въ письмѣ къ ректору Академіи, Архимандриту Алексѣю, препровождая нумеръ журнала съ рецензіей, онъ поручалъ сказать Горскому: „послѣ сего осторожность нашихъ описаній рукописей, думаю, должна быть обращена уже не на то, чтобы не смущать выставленіемъ иныхъ рѣдкостей, а на то, чтобы скромность описаній не дала повода обвиненію въ неточности и неполнотѣ [2])".

Такъ благополучно закончилась исторія съ первою частію Описанія, поднятая Іоанномъ. Но этимъ благополучнымъ окончаніемъ она обязана Митрополиту Филарету. Не будь его,—повторимъ еще разъ,—во главѣ всего предпріятія, такой цензорскій отзывъ, какъ отзывъ Іоанна, могъ бы погубить собой все дѣло. Поручая К. И. Невоструеву поднести Митрополиту только что вышедшую изъ печати первую часть Описанія, А. В. Горскій писалъ: „прошу покорнѣйше Васъ представить ее отъ насъ Святителю, который указалъ намъ этотъ трудъ и постоянно руководилъ насъ своими совѣтами и ободрялъ милостивымъ вниманіемъ. *Мы помнимъ и будемъ помнить, что безъ его сильнаго слова не видать бы нашей книгѣ свѣта.* Представляя книгу, прошу все это изъяснить нашему Покровителю смѣлымъ голосомъ чистой, искренней благодарности, чтобы онъ видѣлъ въ этомъ не одинъ формальный обрядъ, но чтобы въ душѣ его ясно сказались наши чувства [3])". Намъ думается, что это искреннее чув-

---

1) Журналъ Мин. народ. просв., ч. 89, 1856 г., стр. 90—98.

2) Письмо А. В. Горскаго къ К. И. Невоструеву отъ 9 окт. 1856 г. съ приложеніемъ выписки изъ письма Филарета къ ректору Алексію.

3) Письмо къ К. И. Невоструеву отъ 20 Сент. 1855 года.

ство благодарности къ Митрополиту Филарету за защиту Описанія, выраженное А. В. Горскимъ, должно былъ близко всякому, кто дорожитъ успѣхами руской науки.

l) Рецензія на „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки“.

Описаніе Славянскихъ рукописей въ Сvнодальной Московской библіотекѣ находящихся есть трудъ, заслуживающій всякаго уваженія; оно составлено со всею тщательностью, обширною ученостью и точною отчетливостью. Описаніе это важно не только въ библіографическомъ отношеніи, но и, можно сказать, въ церковно-историческомъ, потому что даетъ понятіе о состояніи книгъ св. Писанія въ нашей отечественной церкви отъ древнѣйшаго до позднѣйшаго времени. Но именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи описаніе рукописей возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, касательно возможности напечатать и издать оное въ настоящемъ видѣ. Ибо въ описаніи такого множества списковъ св. Писанія, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, не встрѣчается ни одного списка вполнѣ исправнаго; 1) во всѣхъ спискахъ, здѣсь описанныхъ, открываются весьма важные недостатки, таковы: различіе въ чтеніяхъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Св. Писанія, различіе въ переводахъ, произвольныя со стороны переводчиковъ и переписчиковъ измѣненія священнаго текста (ст. 25 об. 27 и об. 33. 37. 38. 49. 50. 52. 327. 405), опущенія, вставки, даже внесеніе ложныхъ толкованій, грубыя ошибки въ понятіяхъ, словахъ, выраженіяхъ. Подробное описаніе такихъ списковъ представляется неблаговидпымъ въ томъ отношеніи, что ведетъ или можетъ вести къ мысли, будто въ продолженіе столькихъ вѣковъ церковь наша не имѣла Слова Божія въ чистомъ, цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ. Сами описатели рукописей приходятъ еще къ другому, не менѣе важному заключенію, что полное собраніе книгъ ветхозавѣтныхъ у насъ явилось, по всей вѣроятности, не ранѣе XV вѣка, и притомъ послѣдняго десятилѣтія его, а до того времени священныя книги у насъ не были даже и приведены въ одинъ составъ. Въ подтвержденіе сего описатели приводятъ и слова

Геннадія, Архіепископа Новгородскаго (XV вѣка) (Описан. стр. 183—4). Во 2) особенно замѣтно въ нашихъ переводахъ и въ составѣ Св. Писанія вліяніе латинскихъ изданій Библіи, и преимущественно Вульгаты. Вліяніе это оказывается: а) въ названіяхъ и въ порядкѣ расположенія книгъ священныхъ, несогласно съ греческими изданіями, но вполнѣ согласно съ Вульгатою (стр. 5. 7 и обор. 13 и 60); б) даже въ распорядкѣ самыхъ главъ нѣкоторыхъ книгъ (112); в) въ полномъ переводѣ весьма многихъ мѣстъ съ Вульгаты, такъ что не только нѣкоторыя книги въ цѣломъ составѣ переведены съ нея (61. 64. 107. 172), но и въ книгахъ, переложенныхъ съ греческаго, многія, части взяты изъ Вульгаты (72. 73. 78. 95. 131. 137. 144. 228); г) въ прямыхъ указаніяхъ по многимъ спискамъ на Вульгату, хотя и не называетя она по имени (128 и проч.); д) большая часть предварительныхъ сказаній и разныхъ замѣчаній о священныхъ книгахъ переведены также съ латинскаго (стр. 58. 59. 61. 107. 171. 218. 263), съ именнымъ указаніемъ на западныхъ писателей, особенно Іеронима, названнаго здѣсь святымъ, о которомъ даже и нарочитое сказаніе въ нѣкоторыхъ спискахъ прилагается (стр. 57. 59. 79), также Августина, который называется божественнымъ (стр. 7 и 9). Кромѣ того внесены замѣчанія и другихъ, менѣе важныхъ западныхъ писателей, какъ то: Николая de Lyra (III. 176. 263). Встрѣчаются между замѣчаніями этихъ писателей и неправильныя мнѣнія, какъ напр. отзывъ Іеронима о книгахъ Ездры (стр. 10 об.). Вліяніе латинское простирается до того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ цѣлые стихи изложены безъ перевода, латинскими словами, которыя только русскими буквами написаны (стр. 65. 71. 108. 132. 173). Нѣкоторые же списки Библіи носятъ на себѣ печать вліянія нѣмецкихъ переводовъ (стр. 9. 218. 251). Въ 3) нѣтъ ни одного списка Св. Писанія, который въ переводѣ Ветхаго Завѣта былъ бы вполнѣ составленъ по LXX толковникамъ, а въ изложеніи Новаго Завѣта соотвѣтствовалъ бы принятому нынѣ у насъ чтенію греческому, или славянскому изданію Библіи, въ нашей Церкви нынѣ употребляемому (стр. 301. 303. 304. 413). За всѣмъ тѣмъ 4) списки, даже ближайшіе между собою по времени и мѣсту происхожденія, ни въ отношеніи одинъ къ другому не имѣютъ полнаго сходства, ни сами себѣ не остаются вѣрными. Одинъ и тотъ

же списокъ въ одномъ мѣстѣ слѣдуетъ такимъ изъ древнѣйшихъ рукописей или переводовъ, въ другихъ ближе подходитъ къ другому; даже одно и тоже слово, или выраженіе, въ одномъ мѣстѣ передается такъ, въ другомъ иначе. Таковъ вообще видъ, въ которомъ, по описанію Сvнодальной Библіотеки, представляется состояніе Св. Писанія въ нашей Церкви въ прежнія времена, и который, конечно, нельзя назвать благопріятнымъ для сужденій, особенно иномыслящихъ, о нашей Церкви. Для науки это не соблазнительно и невредно; изъ подробнаго описанія столькихъ рукописей наука можетъ извлечь не мало для себя пользы. Но благовидно ли и полезно будетъ издавать такое описаніе для общаго чтенія?

Вообще касательно такого описанія рукописей представляется нужнымъ замѣтить слѣдующее:

1) Описатели предположили въ своемъ трудѣ цѣль, не только собственно библіографическую, но учено-критическую. Еслибы они ограничились одною первою цѣлію, то довольно было бы описать время и мѣсто происхожденія, каждой рукописи, составъ ея, особенности языка, — каковое описаніе рукописей, и очень удовлетворительное находимъ напр. въ описаніи Музеума Графа Румянцева. Въ такомъ случаѣ несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены развѣ только при нарочитомъ чтеніи каждой рукописи, если бы кто захотѣлъ читать рукописи въ самой библіотекѣ. Но описатели ея пошли далѣе. Они вооружились ученою критикою и стали изслѣдовать и судить о достоинствѣ самыхъ переводовъ Св. Писанія, сличая ихъ съ греческими и другими изданіями его. Въ такомъ случаѣ уже невозможно скрыть всѣхъ неисправностей въ нашихъ переводахъ Библіи. Но нужно ли это въ предположенномъ описаніи рукописей библіотеки? 2) Въ описаніи недовольно опредѣлительно разсматривается мѣсто происхожденія и употребленія рукописей. Конечно можетъ быть и нельзя съ точностью опредѣлить происхожденія и употребленія многихъ рукописей. Но если есть возможность доказать, что напр. списки священныхъ книгъ, наиболѣе подвергшіеся вліянію латинскому, имѣли свое происхожденіе и употребленіе въ мѣстахъ Литовскихъ, или польскихъ, или въ сопредѣльныхъ съ ними:

тогда это вліяніе объяснялось бы само собою и не было бы для православныхъ читателей странно. Даже не худо, казалось бы, отдѣлить такіе списки, подъ особую рубрику, отъ тѣхъ, которыхъ происхожденіе внутри Россіи несомнѣнно и которые свободнѣе отъ иноземнаго вліянія. 3) Для сличенія и повѣрки списковъ описатели приняли за образцы два важнѣйшія изданія Св. Писанія въ Россіи: для ветхозавѣтныхъ книгъ изданіе Острожское; а для новозавѣтныхъ—Остромирово Евангеліе. Но не видно, чтобы преимущественное вниманіе обращено было на нынѣшнее наше изданіе Библіи, какъ образецъ, такъ что въ нѣкоторыхъ спискахъ старыхъ описатели показываютъ болѣе близости къ греческому тексту, нежели въ нынѣшнемъ славянскомъ изданіи, въ нашей Церкви употребляемомъ, стр. 23. 376. 379. 380. 1. 414—15. Благовидно ли будетъ и это въ печати? 4) Общимъ и главнымъ недостаткомъ описанія можно считать то, что въ началѣ не приложено введенія, или предварительнаго объясненія: какая задача,—какая цѣль предположена въ описаніи синодальной библіотеки? какими правилами руководствовались описатели при разсмотрѣніи рукописей и сужденіи о нихъ? какія особенности или преимущества и какую важность въ Церкви имѣютъ тѣ списки Священнаго Писанія, которые приняты въ описаніи за образцы для сличенія и повѣрки всѣхъ рукописей, какъ-то изъ греческихъ списковъ Александрійскій и Ватиканскій, а изъ славянскихъ Острожскій и Остромировъ? Ибо это не всѣмъ, и ученымъ, извѣстно. Безъ такого предварительнаго объясненія, читателямъ трудно сообразить замѣчанія, излагаемыя въ описаніи рукописей.

2) Апологія „Описанія славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки" и Слово обличителное на отца Іоанна (нынѣ Казанской Духовной Академіи ректора).

Такъ какъ въ рецензіи на описаніе Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки нѣкоторыя обстоятельства совсѣмъ опускаются изъ вида, другія представляются въ преувеличенномъ видѣ: то нужно подробное разсмотрѣніе ея замѣчаній и ея требованій.

1) Въ первомъ пунктѣ рецензіи сказано: „во всѣхъ спискахъ, здѣсь описываемыхъ, открываются весьма важные не-

достатки, каковы: различіе въ чтеніяхъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Св. Писанія, различіе въ переводахъ, произвольныя со стороны переводчиковъ и переписчиковъ измѣненія священнаго текста (ст. 25 об. 27 и об. 33. 37. 38. 49. 50. 52. 327. 405.), опущенія, вставки, даже внесеніе ложныхъ толкованій, грубыя ошибки въ понятіяхъ, выраженіяхъ. Подробное описаніе такихъ списковъ представляется неблаговиднымъ въ томъ отношеніи, что ведетъ, или можетъ вести къ мысли будто въ продолженіи столькихъ вѣковъ Церковь наша не имѣла слова Божія въ чистомъ цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала оное въ видѣ поврежденномъ".

Здѣсь описанію поставляется въ вину обнаруженіе недостатковъ древняго текста, которые всѣ сводятся къ тремъ главнымъ разрядамъ: а) къ разности чтеній греческаго текста, которымъ слѣдовали наши списки, отъ общепринятыхъ нынѣ; б) къ разности перевода однихъ и тѣхъ же словъ греческихъ, и в) къ погрѣшностямъ переводчиковъ, исправителей и переписчиковъ.

Но а) разность чтеній греческаго текста не впервые обнаруживается описаніемъ. Уже въ предисловіи къ изданію Славянской Библіи 1751 г. о различныхъ спискахъ Ветхаго Завѣта сказано было: „многіе различествующіе составы святыя Библіи произошли, аще и не весьма съ собою не сходны: обаче въ множайшихъ несогласны. И того ради зѣло трудно изслѣдити, въ коемъ составѣ греческаго языка истинный 70-ти толковниковъ содержится". (Издан. 1816. л. 6.).

Въ точныхъ переводахъ писаній Отцовъ Церкви необходимо обнаруживаются отступленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ общепринятаго нынѣ св. текста, зависѣвшія отъ разности въ чтеніяхъ, и взаимно имѣвшія вліяніе на списки книгъ библейскихъ. И это простирается на книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта.

Въ изданіи Евангелія по списку Остромирову много найдется такихъ разностей въ чтеніи;—нѣкоторыя изъ нихъ и указаны въ описаніи. Но это не воспрепятствовало издать сіе Евангеліе безъ всякихъ измѣненій для ученыхъ цѣлей.

б) Что касается до „различія въ переводѣ" оно болѣе или менѣе извѣстно всякому, кто занимался чтеніемъ древнихъ рукописей Св. Писанія. Никто, конечно, не воображаетъ, чтобы нашлась хотя одна древняя рукопись, которая пред-

ставляла бы текстъ той или другой священной книги совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ его въ печатныхъ изданіяхъ Библіи.

Въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ русской Церковной словесности, какъ то: въ словѣ Иларіона Митрополита Кіевскаго, въ словахъ св. Кирилла Туровскаго, въ древнихъ сказаніяхъ и словахъ, изданныхъ въ Христіанскомъ чтеніи, въ прибавленіяхъ къ изданію Твореній Св. Отцевъ, въ описаніи рукописей Румянцевскаго Музея и въ другихъ книгахъ, неизбѣжно встрѣчаются подобныя отступленія отъ общепринятаго нынѣ перевода, и никто этимъ различіемъ, зависѣвшимъ отъ свойствъ древняго языка и отъ способовъ разумѣнія Св. Писанія, какіе имѣли у себя первоначальные переводчики, не соблазняется.

Даже и въ нынѣшнихъ изданіяхъ Библіи Славянской можно указать довольно такихъ мѣстъ, которыя въ нихъ объясняются инымъ переводомъ. Напр. Лук. 11, 24 въ текстѣ читается: *горе вамъ богатымъ: яко отстоите утѣшенія вашего.* Внизу страницы предложенъ иной переводъ послѣднихъ словъ: яко воспріемлете утѣшеніе ваше. Іоан. 15, 22: *Нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ.* Внизу: извиненія.— Рим. 11, 8; *Даде имъ Богъ духа умиленія.* Внизу: даде имъ Богъ духа нечувствія. Евр. 4, 6: *Понеже убо лишени нѣцыи внити въ него.* Внизу: остается нѣкімъ внити въ него. Подобное объясненіе несовсѣмъ вразумительнаго перевода новымъ часто было допускаемо и въ древнія времена и было причиною разнообразія текста въ рукописяхъ: ибо здѣсь текстъ древній совсѣмъ былъ замѣняемъ новымъ для того, чтобы не подать повода переписчикамъ къ сбивчивости. Но отступленіе въ буквѣ, съ соблюденіемъ точности въ мысли, можетъ ли быть поставлено въ осужденіе нашимъ рукописямъ? А потому и указаніе такихъ разностей въ переводѣ можетъ ли быть предосудительно въ описаніи?

в) О погрѣшностяхъ въ переводѣ, въ исправленіяхъ разнаго рода, и въ перепискѣ древняго текста не было также неизвѣстно и до описанія Синодальныхъ рукописей. Подобное обличеніе несовершенствъ древняго текста можно видѣть въ предисловіи Св. Синода къ изданію Библіи 1751 г., гдѣ о первоначальномъ изданіи Славянской Библіи, Острожскомъ, сказано: „въ тойже Острожской (Библіи) якоже при

печатаніи первомъ въ Москвѣ, тако и при нынѣшнемъ свидѣтельствованіи—премного не точію грамматическихъ, но и самой истинѣ противныхъ погрѣшеній усмотрѣно (л. 8 по изд. 1816)". И потомъ для примѣра указано довольно погрѣшностей въ переводѣ разныхъ книгъ Св. Писанія, потребовавшихъ исправленія. Сличеніе рукописей съ Острожскимъ изданіемъ показало, что упомянутыя погрѣшности перешли въ Острожское изданіе изъ рукописей и что въ рукописяхъ такихъ погрѣшностей еще болѣе. Итакъ мысль о несовершенствѣ древняго текста не новая.

Изъ описанія каждый можетъ усмотрѣть только то, что замѣченные недостатки не всему переводу свящ. книгъ принадлежатъ въ одинаковой степени; напротивъ того въ немъ раскрыто, что многія книги переведены вообще исправно, напр., Пятокнижіе Моисеево, 16 книгъ пророковъ и др. При этомъ сравнивая состояніе древняго текста съ тѣмъ изданіемъ, которое Св. Синодъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія и исправленія, даровалъ Россійской Церкви назадъ тому сто лѣтъ, каждый благомыслящій читатель тѣмъ яснѣе уразумѣетъ достоинство сего изданія и воздастъ благодарность попечительности Архипастырей и другихъ ученыхъ мужей, занимавшихся очищеніемъ перевода Слова Божія отъ тѣхъ недостатковъ, какіе имѣлъ онъ прежде.

Когоже „можетъ привести описаніе къ той мысли, будто въ продолженіи столькихъ вѣковъ Церковь Россійская не имѣла Слова Божія въ чистомъ цѣлостномъ видѣ, а принимала и читала его въ видѣ поврежденномъ"? Православнаго читателя? Но онъ знаетъ, что пользуется исправленнымъ переводомъ Св. Писанія (а исправленіемъ предполагаются неточности и ошибки, которыя отчасти уже и обнародованы); и въ тоже время благопокорно вѣритъ объявленію Св. Синода, который о своемъ изданіи Библіи 1751 г. сказалъ: „сія нынѣ напечатанная не есть иная отъ прежде напечатанныя Библіи въ Москвѣ, но сама таяжде, точію по греческомъ 70 толковниковъ переводѣ вѣрнѣе исправлена, а первопечатанная едва не до слова съ Острожской перепечатана. (Предислов. л. 3 изд. 1816)." Сличеніе списковъ Библіи съ Острожскимъ изданіемъ, представляемое въ описаніи, поможетъ православному читателю распространить тоже убѣжденіе въ единствѣ древняго и новаго текста и на

тѣ времена, когда Св. Писаніе извѣстно было у насъ только въ рукописяхъ.—Приверженецъ ли старины извлечетъ изъ описанія предполагаемое заключеніе?—Но сего и надлежало бы желать, чтобы онъ созналъ нужду исправленія въ своей старинѣ.

Вообще, обращая вниманіе на библейскія рукописи, имѣющій нужду защищать заботливость православной Церкви объ исправленіи церковныхъ книгъ найдетъ, особенно въ разсмотрѣніи тѣхъ книгъ Св. Писанія, которыя наиболѣе обращаются въ церковномъ употребленіи, сильное оружіе противъ неразсудительной привязанности къ старинному тексту церковныхъ книгъ до исправленія. Изъ сличенія сихъ рукописей, представленнаго въ описаніи, онъ можетъ доказать 1) что исправленіе церковныхъ книгъ отнюдь не есть дѣло новаго только времени, что св. Церковь всегда стремилась къ тому, чтобы имѣть священныя книги въ совершеннѣйшемъ видѣ, и что нѣтъ достаточной причины, почему бы приверженецъ старины долженъ былъ остановиться на первоначальныхъ изданіяхъ, которыя и сами не представляютъ вполнѣ текста первоначальной древности; 2) что по недостаточности средствъ въ древнія времена къ удовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ исправленію свящ. книгъ, былъ необходимъ новый тщательнѣйшій ихъ пересмотръ.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на нѣкоторые частные примѣры недостатковъ древняго перевода, обнаруживаемыхъ въ описаніи, указываемые въ рецензіи. Она указываетъ на замѣчанія о переводѣ книгъ царствъ (опис. стр. 49. 50. 52.) и о нѣкоторыхъ спискахъ Евангелія (стр. 327) и Апостола (стр. 405).

Въ переводѣ четырехъ книгъ царствъ усмотрѣно болѣе неисправностей, нежели въ переводѣ предшествующихъ книгъ, и это раскрыто въ такой мѣрѣ, чтобы по представленнымъ примѣрамъ можно было ясно различить переводчика книгъ царствъ, отъ переводившаго Пятокнижіе и др. книги. Недавно найдено историческое указаніе на переводъ книгъ царствъ, совершенный іеромонахомъ Григоріемъ при царѣ болгарскомъ Симеонѣ (въ нач. X ст.). Можетъ быть этотъ переводъ и вошелъ въ составъ разсматриваемаго собранія книгъ библейскихъ.

Объ одномъ изъ списковъ Евангелія (№ 30) въ описаніи сказано: „предъ всѣми прочими списками отличается своевольнымъ измѣненіемъ текста“, и въ доказательство сего приведено нѣсколько примѣровъ. Въ объясненіе такихъ неисправностей списка прибавлено: „нѣкоторыя произошли отъ того, что писецъ не разбиралъ, или не понималъ словъ въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ“—и это подтверждается еще примѣрами.—При такихъ замѣчаніяхъ, конечно, никто не будетъ считать грубыхъ погрѣшностей одного списка принадлежностію всѣхъ списковъ.

Въ спискѣ Апостола (№ 51), на который указываетъ рецензентъ, вѣроятно, остановила его вниманіе краткая статья объ Аріевѣ ледѣ (Ареопагѣ), помѣщенная *не въ текстѣ*, а между предварительными статьями о писаніяхъ и жизни Апостоловъ. Въ этой статьѣ, какъ замѣчено и въ описаніи, содержится „неосновательное толкованіе“, будто Аріевъ ледъ назывался камень, на которомъ стоялъ Арій, прельстившій Аѳинянъ своимъ ученіемъ, — и здѣсь же Ап. Павелъ увидѣлъ икону Христа Спасителя, поставленную наряду съ идолами, и проповѣдывалъ язычникамъ Бога, имъ невѣдомаго.— Конечно подъ именемъ Арія разумѣется здѣсь не еретикъ, а языческій Арей. Что же касается до иконы Спасителя, то неизвѣстный толкователь хотѣлъ этимъ объяснить, какимъ образомъ Апостолъ могъ сказать язычникамъ, что онъ проповѣдуетъ Бога, *Его-же* они *невѣдуще чтутъ*. Впрочемъ, если сія краткая выписка подверглась осужденію рецензента, она можетъ быть исключена.

II. Въ первомъ же пунктѣ рецензіи приписывается описанію, будто оно утверждаетъ, что „полное собраніе книгъ Ветхозавѣтныхъ у насъ явилось, по всей вѣроятности, не ранѣе XV вѣка, и притомъ послѣдняго десятилѣтія его, а до того времени свящ. книги у насъ не были даже и приведены въ одинъ составъ“. Такое заключеніе несправедливо приписывается описанію: въ немъ сказано только о томъ собраніи книгъ ветхозавѣтныхъ, которое находится въ трехъ спискахъ Синодальной библіотеки, содержащихъ въ себѣ полную Библію, что оно составлено не ранѣе конца XV столѣтія, и именно въ Новгородѣ, при архіепископѣ Геннадіѣ. Составители описанія не увлеклись мнѣніемъ Пр. Митрополита Евгенія, который, на основаніи одного изъ сихъ трехъ

списковъ, сличеннаго съ Острожскимъ изданіемъ Библіи, поспѣшно заключилъ, что *„переводъ сей Библіи новѣйшихъ временъ"*. (Словар. о писат. Дух. ч. ч. II. с. 65). Тщательнымъ разборомъ всѣхъ книгъ ветхозавѣтныхъ они дознали, какія книги вошли въ это собраніе въ древнемъ первоначальномъ переводѣ, какія заимствованы изъ древнихъ же переводовъ толкованій, и какія переведены вновь около времени составленія сего полнаго собранія. Заключенію о сихъ послѣднихъ книгахъ, составленному непосредственно на основаніи собственныхъ изслѣдованій, впослѣдствіи они нашли подтвержденіе въ одной изъ рукописей Г. Погодина, гдѣ указано и время перевода нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ, и даже сказано, кто именно трудился въ ихъ переводѣ [1]).

Составители описанія нигдѣ не отвергали существованія полнаго перевода Библіи, во время св. Кирилла и Меѳодія, или во время св. Владиміра, и не входили въ разсмотрѣніе сего вопроса, какъ не относящагося прямо къ ихъ дѣлу. Но по разсмотрѣніи трехъ полныхъ списковъ Библіи, какія находятся въ Синодальной библіотекѣ, могли бы повторить слова предисловія св. Синода къ изданію Библіи 1751 года: „толикое сокровище около 580 лѣтъ (отъ времени св. Владиміра до изданія Острожскаго) убереженное, по толикихъ лѣтѣхъ, увы гибели невозвратныя, потеряно (л. 3 об. по изд. 1816)." По крайнѣй мѣрѣ должны сказать, что между упомянутыми тремя списками его нѣтъ вполнѣ.

---

[1]) Въ рукописи Погодина, конца XV вѣка, послѣ 2-й Маккавейской книги того-же перевода, какой заключается и въ синодальныхъ полныхъ спискахъ находится слѣдующая приписка, которой начало съ угломъ листа оторвано:

(. . . . М) акавейскыа҃
(преведошаса) с латинскаг҃ азыка
(на рꙋс) кы лѣта а҃ го҃ по семи
(тысꙋ) щах повелѣние Гна҃ Прѣ
(сщ) нн҃ Архіепа Генадиа ѿ
нѣкоего моужа чтна҃ презвитера паче мниха обители стаго Домника, имѣнем Веніамина, родом Словенина вѣдоуща латинскы азык и граматикꙋ, вѣдоуща ѿчасти и Греческаго азыка и Фряска мца авгꙋста днь а҃.

Впрочемъ для устраненія мысли, приписываемой въ рецензіи описанію, признается полезнымъ опредѣлительнѣе выразиться, что составленіемъ полнаго собранія Библіи въ концѣ XV ст. въ Новгородѣ не отрицается существованіе таковаго же собранія у насъ въ болѣе совершенномъ видѣ еще во время св. Владиміра, и указать на нѣкоторыя мѣста лѣтописи пр. Нестора и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ, гдѣ приводятся слова разныхъ книгъ Ветхаго Завѣта не по тому переводу, какой содержится въ упомянутыхъ трехъ спискахъ Библіи. Можетъ быть по симъ указаніямъ и найденъ будетъ этотъ переводъ въ рукописяхъ другихъ библіотекъ вполнѣ, или по частямъ. На семъ основаніи прилагается взамѣнъ стр. 181 и слѣд. описанія изложеніе заключительныхъ выводовъ изъ разсмотрѣнія ветхозавѣтныхъ книгъ по тремъ полнымъ спискамъ Библіи — въ измѣненномъ видѣ.

III. Во второмъ пунктѣ рецензіи поставляется на видъ то, что въ описаніи обнаруживается „вліяніе латинскихъ изданій Библіи и преимущественно Вульгаты на переводъ и на составъ св. Писанія“ въ трехъ упомянутыхъ спискахъ. Дѣйствительно въ описаніи къ переводамъ съ латинскаго языка отнесены: предварительныя сказанія о св. Писаніи, переводы нѣкоторыхъ книгъ В. Завѣта и нѣсколько главъ и стиховъ въ книгахъ, переложенныхъ съ греческаго языка. Доказательства на это представлены очевидныя и противъ нихъ въ рецензіи не сдѣлано никакихъ возраженій.

Мысль о переводѣ нѣкоторыхъ книгъ и главъ В. Завѣта съ латинской Библіи печатно была высказана и Пр. Митрополитомъ Евгеніемъ (словарь о писат. Дух. ч. ч. 11, с. 65.) [1]). Тоже еще ранѣе сказано въ предисловіи св. Синода къ изданію Библіи 1751 г. Исправляя изданіе Острожское, онъ положилъ: „книги Товита и Іудиѳи цѣлыя превести вновь, съ Александрійскаго состава; понеже оныя въ сла-

---

[1]) Кромѣ того въ описаніи одного изъ трехъ списковъ синодальныхъ, изданномъ (при сочиненіи: о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ Кіевъ 1837 г.) по рукописи сего-же преосвященнаго, поимянно исчислены всѣ книги, переведенныя въ семъ спискѣ съ латинскаго, тѣже самыя, какія у составителей разсматриваемаго описанія Синод. рукописи. Только несправедливо къ нимъ причисляется и переводъ книги Есѳирь, стр. 74, 75.

венской съ латинской Вульгаты преведены. Книгу 3-ю Ездры, яко на греческомъ діалектѣ нигдѣ не обрѣтающуюся, въ первопечатной-же съ Вульгаты переведенную, съ той-же Вульгаты исправивъ, положити на концѣ Священныя Библіи по книгахъ Маккавейскихъ". Здѣсь предисловіе говоритъ о переводѣ только трехъ книгъ съ латинскаго языка, потому что въ Острожскомъ изданіи прочія книги, переведенныя съ латинскаго, или исправлены по греческому тексту, или вновь переведены съ греческаго. Итакъ еще за сто лѣтъ до насъ объявлено было, что нѣкоторыя книги В. Завѣта въ славянской Библіи, какую имѣли мы до исправленія, переведены были съ латинскаго языка. Да и нынѣ въ славянской Библіи, предъ началомъ 3-й книги Ездры, печатается: „слѣдующая книга, нарицаемая третія книга Езрды, а по Вульгатѣ четвертая Ездры, перенесена въ конецъ Библіи вины ради сея, яко на греческомъ діалектѣ оная не обрѣтается, точію на латинскомъ, и въ славянской Библіи переведена съ Вульгаты, чего ради правлена сія книга по Вульгатѣ жъ."

Что допущено Св. Синодомъ по нуждѣ относительно третьей книги Ездры, тоже въ свое время допущено было въ Новгородѣ относительно сей-же и другихъ книгъ, не найденныхъ собирателями въ переводѣ съ греческаго языка. Можетъ быть не было у нихъ и греческаго текста сихъ книгъ, или не было переводчиковъ достаточно знающихъ сей языкъ. Но открылась нужда имѣть весь составъ свящ. книгъ на своемъ языкѣ. Еретики жидовствующіе хвалились, что у нихъ есть вся Библія, какъ пишетъ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій. Потому собиратели и рѣшились удовольствоваться переводомъ недостававшихъ у нихъ книгъ, хотя съ латинской Библіи, для которой нашелся переводчикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведены и предварительныя сказанія о книгахъ Св. Писанія не св. Аѳанасія Александрійскаго, не св. Іоанна Златоустаго, потому что ихъ надлежало бы переводить опять съ греческаго, но тѣ сказанія, какія нашлись при латинскомъ переводѣ Библіи. Тогда же просмотрѣнъ переводъ и прочихъ ветхозавѣтныхъ книгъ и восполнены опущенія, особенно значительныя въ книгѣ пророка Іереміи; потому что древній переводъ сей книги, извлеченный изъ толкованія извѣстнаго еще въ первой половинѣ XI столѣтія, представлялъ многія опущенія. Вотъ какъ объясняется странное на

первый взглядъ вліяніе латинскаго перевода Библіи на славянскую. Но все это въ описаніи относится,—надлежитъ повторить опять,—собственно къ Новгородскому, а не къ древнѣйшему, первоначальному собранію книгъ Ветхозавѣтныхъ, какое оставили славянскимъ племенамъ Св. Кириллъ и Меѳодій, но которое нынѣ вполнѣ намъ неизвѣстно.

При этомъ описаніе не даетъ однакоже права представлять вліяніе латинской Библіи на составъ библейскихъ книгъ въ нашихъ спискахъ,—въ преувеличенномъ видѣ.

„Вліяніе это,—говоритъ рецензія,—оказывается: а) въ названіяхъ и въ порядкѣ расположенія книгъ священныхъ, несогласно съ греческими изданіями, но вполнѣ согласно съ Вульгатою (стр. 5. 7 и об. 13. 60).“

По такому представленію дѣла можно было-бы подумать, будто всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть книгъ въ славянскихъ спискахъ Библіи носятъ названія латинскія, и будто порядокъ книгъ совершенно отступаетъ отъ принятаго въ греческой Библіи. Не то оказывается на самомъ дѣлѣ.

Въ описаніи (стр. 5) замѣчено только, что для двухъ первыхъ книгъ Царствъ взяты „Еврейскія наименованія изъ латинскаго изданія Библіи“, именно онѣ названы: 1 и 2 книги Самуила.—А что касается до порядка книгъ, то замѣчено только (л. 5) о книгахъ Маккавейскихъ, помѣщенныхъ послѣ книгъ пророческихъ, что онѣ „въ греческихъ рукописяхъ (а не изданіяхъ) обыкновенно помѣщаются вмѣстѣ съ прочими книгами историческаго содержанія, а не послѣ пророковъ“. На стр. 60 сказано еще о 3-й книгѣ Ездры, что въ нынѣшнемъ изданіи славянской Библіи она помѣщена послѣ 3-й книги Маккавейской, а въ спискахъ согласно съ латинскимъ, изданіемъ (до Тридентскаго собора), послѣ 2-й книги Ездры. При этомъ само собою очевидно, что если книги сіи переведены съ латинскаго, а 3-я книга Ездры въ греческой Библіи и не находится, то и мѣсто въ нашихъ спискахъ онѣ должны были занять тоже, какое имѣли въ латинскомъ изданіи.

Наконецъ, указанія на порядокъ книгъ, сдѣланныя на стр. 7. и об. и 13, относятся совсѣмъ къ иному предмету: ибо здѣсь говорится о томъ, въ какомъ порядкѣ исчисляются книги библейскія въ предварительныхъ сказаніяхъ къ Биб-

ліи, а не въ самыхъ спискахъ библейскихъ, которые тому порядку не слѣдуютъ.

Въ рецензіи говорится еще: (вліяніе латинской Библіи оказывается) „б) даже въ распорядкѣ самыхъ главъ нѣкоторыхъ книгъ (112)“.

Въ указанномъ мѣстѣ (стр. 112) о книгѣ Іисуса сына Сирахова сказано только, что „порядокъ и объемъ главъ 30—36, отступающіе въ греческихъ рукописяхъ отъ Вульгаты, приведены въ сообразность съ нею“. И если принять во вниманіе, что такая перестановка главъ и стиховъ признана правильною, и потому удержана и въ нынѣшнихъ изданіяхъ Библіи: то, безъ сомнѣнія, указаніе на такой частный случай ни въ комъ не возбудитъ неблагопріятнаго впечатлѣнія.

Рецензія говоритъ: (вліяніе латинской Библіи оказывается) в) „въ полномъ переводѣ весьма многихъ мѣстъ съ Вульгаты, такъ что не только нѣкоторыя книги въ цѣломъ составѣ переведены съ нея (61. 64. 107. 172), но и въ книгахъ переведенныхъ съ греческаго многія части взяты изъ Вульгаты (72. 73. 78. 95. 131. 137. 144. 228)“.

Изъ числа 75 книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, помѣщенныхъ въ полныхъ спискахъ Библіи, переведено съ латинскаго въ цѣломъ составѣ 11-ть, и именно: двѣ Паралипоменонъ, три Ездры, Неемія, Товія, Юдиѳь, премудрость Соломонова и двѣ книги Маккавейскія.

Что касается до отдѣльныхъ главъ и стиховъ, переведенныхъ также съ латинскаго, то въ описаніи замѣчено, что нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны также въ переводѣ съ греческаго и помѣщены въ полныхъ спискахъ, только на другомъ мѣстѣ, или же находятся въ другихъ спискахъ. Такъ на стр. 72 сказано, что три стиха 10 главы Есѳири, которыми оканчивается сія книга на еврейскомъ, въ полныхъ спискахъ переведенные съ латинскаго, въ отдѣльныхъ спискахъ сей книги приводятся въ переводѣ съ того-же текста, съ какого переведена и вся половина книги еврейская.

Стр. 95. Въ книгѣ Притчей 29, 27 и 30, 1—14 переведены съ латинскаго, но по греческому распорядку, тѣже самые стихи помѣщены въ XXIV главѣ въ переводѣ съ греческаго.

Стр. 144. Пророка Іезекіиля гл. 45, 46 переведены съ ла-

тинскаго, но помѣщенъ и переводъ ихъ съ греческаго, только ниже въ 48 главѣ.

Затѣмъ изъ числа указанныхъ въ рецензіи мѣстъ, переведенныхъ съ латинскаго, только дополнительныя части въ книгѣ Есѳири и 1—25 и 46—51 главы въ книгѣ Іереміи не нашлись въ полныхъ спискахъ Библіи въ переводѣ съ греческаго.

Рецензія прибавляетъ: (вліяніе латинской Библіи оказывается) г) „въ прямыхъ указаніяхъ по многимъ спискамъ на Вульгату, хотя и не называется она по имени (228 и пр.).“

Здѣсь напрасно говорится о многихъ спискахъ: ибо дѣло идетъ объ одномъ спискѣ Библіи, правленомъ учеными XVIII столѣтія, только раздѣленномъ на 8 томовъ, гдѣ изданіе латинской Библіи неоднократно приводится исправителями во свидѣтельство.—Но соображеніе съ древнимъ переводомъ Библіи латинскимъ при исправленіи первопечатнаго славянскаго изданія,—равно какъ и съ другими древними переводами и оригинальнымъ текстомъ Ветхаго Завѣта, конечно, не можетъ быть поставлено въ предосужденіе исправителямъ, а слѣдовательно и описанію, которое перечисленіе сихъ пособій заимствовало изъ собственноручныхъ замѣтокъ исправителей.

д) „Большая часть предварительныхъ сказаній и разныхъ замѣчаній о священныхъ книгахъ переведены также съ латинскаго (58. 59. 61. 107. 171. 218. 263) съ именнымъ указаніемъ на западныхъ писателей особенно Іеронима, названнаго здѣсь святымъ, о которомъ даже и нарочитое сказаніе въ нѣкоторыхъ спискахъ прилагается (57. 59. 79), также Августина, который называется божественнымъ (7 и 9)“.

Кромѣ предварительныхъ сказаній, помѣщенныхъ въ началѣ и оглавленія книгъ библейскихъ съ предисловіями на нѣкоторыя книги Новаго Завѣта, помѣщеннаго на концѣ полныхъ списковъ Библіи,—въ описаніи къ переводамъ съ латинскаго отнесены краткія сказанія, взятыя по большей части изъ писемъ блаженнаго Іеронима, предъ нѣкоторыми книгами переведенными съ латинскаго. Затѣмъ всѣ сказанія, помѣщенныя предъ книгами и послѣ книгъ пророковъ, большихъ и меньшихъ, и всѣ сказанія о книгахъ новозавѣтныхъ, находящіяся предъ текстомъ каждой въ полныхъ спис-

кахъ Библіи и въ частныхъ, какъ показываетъ описаніе, принадлежатъ къ переводамъ съ греческаго.

Наименованія—блаженнаго Іеронима святымъ, Августина божественнымъ,—встрѣчаются въ тѣхъ-же сказаніяхъ, о переводѣ которыхъ съ латинскаго уже сказано. При этомъ должно замѣтить, что Іеронимъ въ переводѣ называется Герасимомъ и по нѣкоторымъ памятникамъ XVI и XVII ст. извѣстно, что его считали у насъ за одно лицо съ пр. Герасимомъ иже на Іорданѣ. Можетъ быть это смѣшеніе лицъ и расположило удержать въ переводѣ при имени Герасима, или Іеронима, наименованіе святаго, а вмѣстѣ облегчило доступъ въ Новгородское собраніе книгъ библейскихъ переводамъ съ Іеронимова перевода Библіи.

Какъ бы то ни было, но отцы церкви римской Іеронимъ и Августинъ, отличены и въ православной Церкви наименованіемъ блаженныхъ; слова ихъ съ уваженіемъ приводятся въ предисловіи къ изданію Библіи 1751 г. и описаніе, указывая источникъ, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя наименованія т. е. латинское изданіе Библіи, никого не введетъ въ заблужденіе, касательно должнаго уваженія къ тѣмъ лицамъ.

„Кромѣ того внесены замѣчанія и другихъ, менѣе важныхъ западныхъ писателей, какъ то Николая de Lyra (III, 176, 263)".

На стр. 111 и 176 дѣйствительно указаны два краткіе отрывка изъ его толкованія, помѣщенные послѣ переводовъ съ латинскаго книги Премудрости Соломоновой и 2-й книги Маккавейской. Но это замѣчаніе можетъ только вести ученаго изслѣдователя къ заключенію, съ какого изданія сдѣланъ переводъ упомянутыхъ книгъ.

„Встрѣчаются между замѣчаніями этихъ писателей и неправильныя мнѣнія, какъ напр. отзывъ Іеронима о книгахъ Ездры стр. 10 об.".

Но этотъ отзывъ не выписанъ ни по славянски, ни по латыни, а только упомянуть, какъ доказательство, что предварительное сказаніе на Библію, гдѣ онъ приводится, переведено съ латинскаго. При этомъ отзывъ Іеронима относится къ книгамъ Ездры, по латинской Библіи, 3-й и 4-й, у насъ 2-й и 3-й, изъ коихъ ни та, ни другая не причисляются къ каноническимъ книгамъ Ветхаго Завѣта.

„Вліяніе латинское простирается до того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ цѣлые стихи изложены безъ перевода, латинскими словами, которые только русскими буквами написаны (стр. 65. 71. 108. 132. 173)".

Словъ латинскихъ, оставленныхъ безъ перевода въ вышеупомянутыхъ книгахъ, переведенныхъ съ латинскаго много: но цѣлыхъ стиховъ—въ описаніи не замѣчено.

„Нѣкоторые же списки Библіи носятъ на себѣ печать вліянія нѣмецкихъ переводовъ (стр. 9. 218. 251.)".

Въ описаніи стр. 9 и 218 говорится объ одномъ сказаніи, переведенномъ съ нѣмецкаго; но нигдѣ не замѣчено вліяніе нѣмецкаго перевода Библіи на славянскій и такихъ списковъ не найдено. На стр. 251 говорится только о частномъ, позднѣйшемъ и тогда-же отвергнутомъ переводѣ Псалтыри съ нѣмецкаго.

Итакъ, что-же открывается изъ разсмотрѣнія сихъ раздробленныхъ замѣчаній? Не болѣе того, что сказано выше. При составленіи полнаго списка Библіи на славянскомъ языкѣ въ Новгородѣ, удержаны были въ переводѣ съ греческаго всѣ книги, сохранившіяся отъ древнихъ временъ, или какія можно было извлечь изъ толкованій. Затѣмъ книги не отысканныя въ переводѣ съ греческаго, ни въ толкованіяхъ, равно какъ и мѣста въ нѣкоторыхъ книгахъ переведенныхъ съ греческаго, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не найденныя въ семъ переводѣ, — переведены съ латинскаго. Также точно поступили собиратели Новгородскіе и съ переводомъ сказаній: оставивъ не прикосновеннымъ переведенное съ греческаго, приложили къ тому нѣкоторыя новыя статьи, заимствованныя изъ латинской Библіи.

IV. Третій пунктъ рецензіи содержитъ въ себѣ выводъ изъ двухъ предыдущихъ ея пунктовъ. Указавъ замѣченныя въ описаніи разности въ спискахъ библейскихъ и вліяніе латинской Библіи на Новгородское собраніе священныхъ книгъ, авторъ рецензіи справедливо могъ вывести такое заключеніе: „нѣтъ ни одного списка Св. Писанія, который въ „переводѣ Ветхаго Завѣта былъ бы вполнѣ составленъ по „LXX толковникамъ, а въ изложеніи Новаго Завѣта соот„вѣтствовалъ бы принятому нынѣ у насъ чтенію греческому, „или славянскому изданію Библіи, въ нашей Церкви нынѣ „употребляемому".

Изъ предисловія къ изданію Библіи 1751 г. извѣстно, что надъ приготовленіемъ сего изданія трудилось назначенное при Государѣ Императорѣ Петрѣ 1-мъ общество ученыхъ мужей одиннадцать лѣтъ. Потомъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ исправленный списокъ снова былъ пересмотрѣнъ въ Св. Синодѣ. Что-же удивительнаго, что въ рукописяхъ текстъ, оставшійся не правильнымъ, найденъ несходнымъ съ исправленнымъ печатнымъ изданіемъ? И если бы нашелся хотя одинъ списокъ во всемъ сходный съ печатнымъ изданіемъ: тогда напрасно было бы предпринимать тяжкій и продолжительный трудъ исправленія.

V. Въ четвертомъ пунктѣ рецензіи указывается на несогласіе списковъ между собою, но въ такихъ общихъ чертахъ, что можно было-бы подумать, будто въ описаніи всѣ списки Ветхаго и Новаго Завѣта представляются одинаково разнорѣчащими между собою. Такое мнѣніе несправедливо было бы усвоить описанію. Три полные списка Библіи столько сходны между собою, что въ описаніи признано за нужное разсматривать ихъ всѣ вмѣстѣ. Рукописи, содержащія въ себѣ книги Ветхаго Завѣта по частямъ, представляютъ текстъ по большей части согласный съ помѣщеннымъ въ полныхъ спискахъ Библіи. Болѣе разнообразія между списками Евангелія и Апостола: но и здѣсь въ описаніи указанъ предѣлъ, до котораго простирается сіе разнообразіе: именно съ XV столѣтія текстъ въ спискахъ Евангелія и Апостола становится однообразнѣе. Указанъ также въ описаніи списокъ Евангелія, писанный въ Константинополѣ въ концѣ XIV вѣка, который представляетъ текстъ въ ближайшемъ сходствѣ съ принятымъ нынѣ, и въ этомъ открытъ слѣдъ вліянія, послужившаго къ дальнѣйшему сближенію списковъ между собою. — При всемъ томъ, можетъ быть, справедливо было бы присовокупить въ описаніи догадку, что въ Синодальной библіотекѣ, прежде бывшей патріаршею, нарочито собраны списки разныхъ мѣстъ и временъ, разнящіеся между собою по чтеніямъ, чтобы при первомъ изданіи новозавѣтныхъ книгъ въ печати были въ виду всѣ сіи разности и могли быть избраны лучшія чтенія.

VI. За изложенными замѣчаніями о недостаткахъ описанія, въ рецензіи слѣдуютъ четыре предложенія о средствахъ къ ихъ устраненію.

Во первыхъ предлагается: чтобы несовершенства нашихъ древнихъ переводовъ Св. Писанія не были обнаруживаемы, не нужно-ли совсѣмъ исключить изъ описанія часть учено-критическую и ограничиться только описательною, показывая время и мѣсто происхожденія каждой рукописи, составъ ея и особенности языка?

Но 1) послѣ того какъ объяснено выше, какого рода сіи несовершенства, дѣйствительно ли они, безъ описанія, никому не были извѣстны, какое употребленіе можетъ сдѣлать изъ предлагаемыхъ въ описаніи изслѣдованій защитникъ Православія противъ неразсудительныхъ приверженцевъ старины, предлагаемая мѣра не представляется необходимою.

2) Подъ благовиднымъ предлогомъ прикрытія недостатковъ древняго текста, рецензія устраняетъ изъ описанія и всѣ другія изслѣдованія: тогда какъ, при извѣстномъ мнѣніи объ утратѣ первоначальнаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, представляются необходимыми вопросы: откуда-же взялись у насъ переводы ветхозавѣтныхъ книгъ въ полныхъ спискахъ Библіи и въ отдѣльныхъ рукописяхъ? Что составляетъ первоначальную основу нынѣшняго нашего кодекса св. книгъ? Въ какой мѣрѣ древніе переводы могли удовлетворять спасительному желанію знать Слово Божіе? — Всѣ сіи вопросы, разрѣшаемые сличеніемъ списковъ между собою, ближайшимъ разсмотрѣніемъ древности перевода каждой книги, повѣркою перевода съ подлинникомъ, авторъ рецензіи хочетъ изгнать изъ описанія подъ наименованіемъ учено-критической работы.—Описаніе представляетъ убѣдительныя доказательства, что Пятокнижіе Моисеево, книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь извѣстны у насъ въ переводѣ глубокой древности; что текстъ книгъ пророческихъ извлеченъ изъ перевода толкованій на Пророковъ, который извѣстенъ у насъ еще въ первой половинѣ XI столѣтія; что также извлеченъ изъ древнихъ переводовъ и текстъ книги Іова и Пѣсни Пѣсней, что книга Есѳирь переведена съ еврейскаго языка. Авторъ рецензіи, не опровергая ни чѣмъ этихъ выводовъ, не хочетъ дать имъ мѣста въ описаніи. Ужели же лучше оставаться при той мысли, что первоначальный переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ потерянъ, а новый явился не извѣстно какъ и когда?

3) Когда любознательность ученыхъ то въ своихъ филоло-

гическихъ изслѣдованіяхъ, то въ разысканіяхъ историческихъ, уже касается вопросовъ, которымъ дано мѣсто въ описаніи; когда и свѣтскіе ученые обращаютъ вниманіе на разности списковъ библейскихъ, на отношеніе ихъ къ греческому тексту [1]); когда изслѣдованія о древнемъ переводѣ Св. Писанія могутъ быть производимы и по рукописямъ другихъ библіотекъ, кромѣ синодальной: прилично ли и полезно ли будетъ духовнымъ ученымъ устранять себя отъ дѣла, ближайшимъ образомъ относящагося къ области ихъ занятій? Если и безъ нихъ дѣло будетъ ведено правильно, не прискорбно-ли будетъ имъ видѣть себя предъупрежденными отъ посторонпихъ? Если приметъ ложное направленіе,— не представитъ-ли новыхъ трудностей въ борьбѣ за истину,— борьбѣ, для которой нужно приготовленіе? Авторъ рецензіи указываетъ составителямъ описанія Синодальныхъ рукописей, какъ на образецъ, на описаніе Румянцевскихъ рукописей Г. Востокова.—Однако и у него, хотя слегка обращается вниманіе на разности списковъ Св. Писанія, на разности переводовъ его (Опис. Румянц. Муз. Рк. 104, 106). Но благомыслящій изслѣдователь, издавая Евангеліе по списку Остромирову, самъ предоставляетъ объясненіе подобныхъ разностей богословамъ.

Наконецъ 4) Св. Синодъ, какъ изъяснено въ указѣ его 30 іюля 1849 г. № 8464, призналъ за нужное составить „полное ученое описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки и утвердилъ предварительно начертанный для сего планъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: пунктъ 11, „при разсмотрѣніи рукописей особенное вниманіе должно быть обращено на ихъ содержаніе и древность. Чѣмъ древнѣе рукопись, и чѣмъ важнѣе она по своему содержанію въ отношеніи къ Церкви и ея исторіи, тѣмъ болѣе заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія“. Тотъ и другой характеръ вполнѣ принадлежитъ рукописямъ библейскимъ. Посему и нужно было, чтобы онѣ разсмотрѣны были въ описаніи съ нарочитою полнотою. Одно наблюденіе за особен-

---

[1]) Калайдовичъ въ соч. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, Москва 1824 стр. 27 и 107. Новицкій, въ соч. „о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на славянскій языкъ“ Кіевъ 1837. Кн. Оболенскій въ предисловіи къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго. Москва 1851. стр. LXXXVII и слѣд.

ностями языка, допускаемое и рецензіею,—не удовлетворяло бы сему требованію, особенно если бы не было подчинено другимъ высшимъ вопросамъ, напр. вопросу о древности перевода той или другой книги.

Во вторыхъ авторъ рецензіи предлагаетъ точнѣе опредѣлить мѣсто происхожденія тѣхъ рукописей, въ которыхъ болѣе замѣтно вліяніе латинской Библіи и даже отдѣлить ихъ въ описаніи подъ особую рубрику.

Но всего болѣе замѣтно вліяніе латинской Библіи въ полныхъ спискахъ ея славянскаго перевода. Изъ нихъ старшій писанъ въ Новгородѣ, слѣдующія за нимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ несомнѣнныя подписи. Итакъ, по мнѣнію рецензента, надлежало бы лишить Церковь Велико-россійскую и тѣхъ списковъ Библіи, какіе она доселѣ признавала своими, и, наперекоръ свидѣтельствамъ подписей и языка, наперекоръ обстоятельствамъ историческимъ, приписать ихъ происхожденіе литовскимъ и польскимъ епархіямъ. Князь Острожскій нигдѣ не могъ найти полнаго списка Библіи, какъ только въ Москвѣ: а мы, имѣя у себя ни одинъ, а нѣсколько такихъ списковъ, которые гораздо ранѣе его времени, будемъ отъ нихъ отрекаться и совершенно произвольно искать ихъ чужеземнаго происхожденія? Къ чему же, наконецъ, приведетъ такая критика?

Если же требованіе рецензента прямо упадаетъ на книги въ полныхъ спискахъ Библіи, переведенныя съ латинскаго: то какъ ихъ выдѣлить изъ рукописей? Какъ подвести подъ особую рубрику дополненія въ нѣкоторыхъ главахъ?

Въ третьихъ, замѣчая, что въ описаніи рукописи сличаются въ ветхозавѣтныхъ книгахъ съ Острожскимъ изданіемъ Библіи, а въ Новомъ Завѣтѣ съ Евангеліемъ по списку Остромирову, авторъ рецензіи высказываетъ желаніе, чтобы сличеніе было производимо съ общепринятымъ нынѣ изданіемъ славянскихъ переводовъ Св. Писанія.

Указанія на Острожское изданіе и на списокъ Остромировъ допущены по уважительнымъ причинамъ. Острожское изданіе есть самое ближайшее къ рукописямъ, которыя разсматриваются въ описаніи. Имъ объясняется переходъ библейскаго текста отъ рукописей къ нынѣшнему, совершеннѣйшему его состоянію въ исправленныхъ изданіяхъ Биб-

лiи. Нарушать эту историческую связь не позволяють ни методъ ученаго изслѣдованiя, ни образъ дѣйствованiя Св. Синода, который это изданiе, перепечатанное въ 1663 г. въ Москвѣ, принялъ въ основанiе своего исправленнаго. Евангелiе по списку Остромирову приводится въ описанiи, какъ старшая изъ Евангельскихъ рукописей на славянскомъ языкѣ. Изслѣдователь древняго текста Евангельскаго допустилъ бы погрѣшность неизвинительную, если бы не воспользовался симъ спискомъ, посредствомъ печати сдѣлавшимся для всѣхъ доступнымъ.

Между тѣмъ составители описанiя постоянно имѣли въ виду и тотъ текстъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, который находится въ исправленномъ изданiи Славянской Библiи, и если не всегда приводили его слова, то съ намѣренiемъ не увеличивать безъ нужды объема описанiя. Опущенiе нынѣшняго славянскаго текста представлялось тѣмъ удобнѣе, что онъ замѣняемъ былъ постоянно приводимыми словами греческаго текста, съ которымъ, при исправленiи, приведенъ въ точное соглашенiе. Греческими же чтенiями объяснялись и многiя особенности древняго перевода,—чего нельзя было бы показать, приводя одинъ только нынѣшнiй славянскiй текстъ.

Рецензентъ прибавляетъ: „въ нѣкоторыхъ спискахъ старыхъ описатели показываютъ болѣе близости къ греческому тексту, нежели въ нынѣшнемъ славянскомъ изданiи, въ нашей церкви употребляемомъ, стр. 23. 376. 379. 380. 381. 414—415“.

Въ описанiи нигдѣ не говорится о предпочтительной близости списковъ къ греческому тексту въ сравненiи съ общепринятымъ нынѣ переводомъ. На указанныхъ страницахъ представляются примѣры, гдѣ списки, слѣдуя извѣстнымъ греческимъ рукописямъ, отступаютъ отъ упомянутаго перевода. Но это не значитъ того, что списки здѣсь ближе къ тексту греческому, нежели общепрiнятый переводъ. И списки и печатный текстъ равно могутъ быть близки къ греческому тексту. Представимъ примѣры изъ описанiя: въ спискахъ Апостола, расположенныхъ по чтенiямъ церковнымъ, 1 Кор. 4, 16 читается такъ: послѣдницы ми будете. Въ общепринятомъ нынѣ переводѣ: подобни мнѣ бывайте, *якоже азъ Христу.* Послѣднихъ словъ въ спискахъ нѣтъ.

Въ объясненіе сего въ описаніи замѣчено, что слова сіи опускаются и по нѣкоторымъ спискамъ греческимъ, приведеннымъ у Шольца. Но въ другихъ спискахъ они находятся, и потому встрѣчаются въ извѣстномъ нашемъ переводѣ.—2 Кор. 5, 14: аще любы Божія (вм. Бога, Θεῦ) сдержитъ насъ изволившаго се, яко единъ за вся умре. Нынѣ: *любы Божія обдержитъ насъ суждшихъ сіе* и проч. Въ греч. рукописяхъ представляются здѣсь два чтенія: *κρίναντος* и *κρινάντας*. Списокъ имѣлъ въ виду первое чтеніе и отнесши слово *κρίναντος* къ Θεοῦ, перевелъ: Божія (вм. Бога) изволившаго. Нынѣшній печатный текстъ слѣдуетъ второму чтенію и, справедливо отнесши *κρινάντας* къ ближайшему ἡμᾶς, переводитъ: насъ суждшихъ. Переводъ въ обоихъ случаяхъ близокъ къ греческому, только по разнымъ его чтеніямъ. Даже большинство рукописей, которому иногда слѣдуютъ списки, еще не означаетъ преимущества ихъ чтеній, и нигдѣ не представляется съ такой стороны въ описаніи. Извѣстно, что слова 1 Іоан. 5, 7. о трехъ свидѣтельствующихъ на небеси не имѣютъ въ свою пользу большинства греческихъ рукописей, но тѣмъ не менѣе филологическія доказательства, въ соображеніи съ нѣкоторыми свидѣтельствами западной церкви, сильно защищаютъ общепринятое нынѣ чтеніе.

Послѣднее требованіе автора рецензіи, чтобы къ описанію приложено было введеніе, объясняющее цѣль и правила, служившія руководствомъ при описаніи, представляется вполнѣ сообразнымъ съ существомъ дѣла. И если не было выполнено составителями описанія ранѣе, то потому, что по окончаніи обозрѣнія всѣхъ рукописей синодальныхъ, предполагали они составить общее введеніе къ своему описанію, гдѣ надлежало объяснить общія правила, какими они руководствовались при описаніи, съ примѣненіемъ ихъ къ тому или другому разряду рукописей.

II. Замѣчанія А. В. Горскаго на богословскія сочиненія А. С. Хомякова.

Нижепечатаемыя замѣчанія А. В. Горскаго на богословскія сочиненія А. С. Хомякова найдены въ академическомъ архивѣ его, на отдѣльныхъ листкахъ почтовой бумаги, и писаны карандашемъ, рукой самого А. В-ча. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ цѣльный характеръ и стоятъ въ связи по содержанію; другія же представляютъ собой лишь отрывочныя мысли, занесенныя на бумагу на-скоро, мимоходомъ, въ томъ непосредственномъ видѣ, какъ они возникали по какому-нибудь случайному поводу. Большая часть замѣчаній относится къ воззрѣніямъ А. С. Хомякова на Церковь, развитымъ въ его „Опытѣ катихизическаго изложенія ученія о Церкви [1])“. Эта ихъ группа содержитъ въ себѣ довольно подробный и послѣдовательный разборъ названнаго сочиненія Хомякова въ порядкѣ его изложенія, раздѣленный самимъ А. В. на параграфы; она не разъ пересматривалась А. В. Горскимъ, исправлялась и дополнялась. Эти замѣчанія на „Опытъ катихизическаго ученія о Церкви“ мы главнымъ образомъ и предлагаемъ ниже читателямъ, изъ прочихъ же беремъ только то, что сохранилось въ болѣе и менѣе законченномъ видѣ.

Время и обстоятельства происхожденія предлагаемыхъ замѣчаній—точно неизвѣстны. Несомнѣнно, что А. В. весьма интересовался богословскимъ ученіемъ Хомякова, хотя воззрѣній его не раздѣлялъ и, какъ свидѣтельствуетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ проф. А. П. Лебедевъ [2]), побѣдоносно опровергалъ его на лекціяхъ по догматикѣ. Листки, найденные въ архивѣ, даютъ

---

[1]) См. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. 2-й: сочиненія богословскія. Прага, 1867. 1—22 стр. Этимъ изданіемъ пользовался и А. В.

[2]) См. жур. Вѣра и Церковь, 1900, VIII, 436.

возможность видѣть, что онъ усердно изучалъ богословскія сочиненія Хомякова, выписывалъ и отмѣчалъ для себя болѣе замѣчательныя ихъ мѣста; по нѣкоторымъ вопросамъ, выдвинутымъ у Хомякова, онъ собиралъ ученыя справки; такъ напр. одинъ листокъ содержитъ въ себѣ цѣлый историко-критическій аппаратъ по вопросу о томъ, почему у насъ въ 9-мъ членѣ символа вѣры слово: *καθολικὴν (ἐκκλησίαν)* переведено: (въ) *соборную* (церковь): здѣсь собранъ обширный рядъ цитатъ, указывающій употребленіе этого слова въ греческой,—церковной и свѣтской,—литературѣ и въ древне-славянскомъ переводахъ.

Нѣсколько болѣе свѣдѣній имѣется относительно упомянутыхъ выше замѣчаній на „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви". Въ листкахъ, содержащихъ разборъ этого сочиненія, оказались два письма, отчасти объясняющія ихъ происхожденіе. Одно изъ этихъ писемъ, хотя не имѣетъ ни подписи, ни адреса, ни даты, несомнѣнно принадлежитъ П. С. Казанскому, оригинальный почеркъ котораго нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ, и назначено А. В. Горскому. Оно ведетъ рѣчь именно объ этихъ замѣчаніяхъ на „Опытъ", составленныхъ А. В-чемъ. Вотъ это письмо:

„Вотъ что полагаю нужнымъ замѣтить. Вы говорите о таинствахъ, а не упомянули о миропомазаніи [1]), въ ученіи о которомъ особенно погрѣшаетъ Хомяковъ, давая ему значеніе такъ сказать благодати священства для всѣхъ христіанъ. Это его ученіе раскрыто въ полемическихъ статьяхъ противъ Лютеранъ и Католиковъ. Изложеніе этого ученія и опроверженіе его служитъ къ уясненію понятій Хомякова о Церкви. Параграфы 2-й, 3-й, 4-й требуютъ пересмотра. Чтобы яснѣе видѣть мысль Хомякова, слѣдуетъ перечитать всѣ его статьи. Ключъ къ нимъ даетъ философія откровенія Шеллинга и Шопенгауера. Помнится мнѣ: есть у него мѣсто, гдѣ язычниковъ и магометанъ онъ не прочь включить въ Церковь, по крайней мѣрѣ изъ числа спасающихся не исключаетъ.

Возражать противъ того, что онъ Ангеловъ включаетъ въ Церковь нечего кажется [2]), ибо и православная Церковь включаетъ ихъ въ одинъ составъ, отличая наименованіемъ

---

[1]) См. ниже, въ замѣчаніяхъ А. В. Горскаго, § 21—25.

[2]) Ср. ниже, замѣчанія, § 3.

торжествующихъ. За литургіей приносятся молитвы и о Пресв. Владычицѣ и всей небесной Церкви. Потому и въ этой мысли есть часть правды.

Нужно отрѣшиться со всѣмъ отъ нашихъ понятій о Церкви, чтобы стать на точку зрѣнія Хомякова. Благодать дается, т. е. предлагается въ ученіи ли слова жизни или въ естественномъ законѣ или въ непосредственномъ дѣйствіи Св. Духа всѣмъ разумнымъ тварямъ, и Ангеламъ, и человѣкамъ. Это широкое, всеобщее дѣйствіе Духа Божія и есть та Церковь, которая принимается Хомяковымъ. Кажется, прежде частнаго разбора, слѣдовало бы указать на это его понятіе. Въ тѣсномъ же смыслѣ Церковью онъ называетъ тѣхъ, которые въ душѣ своей причастны благодати. Потому у него и видимая Церковь т. е. общество собственно христіанъ, опредѣляется, (какъ) Духъ Божій и благодать таинствъ.

Выраженіе: Церковь земная и видимая не есть еще полнота всей церкви [1]) т. е. въ полноту ея входитъ и *невидимая Церковь*, существующая *среди не христіанъ*.

Выраженіе: при конечномъ судѣ творенія, всего творенія [2]), разумѣется всеобщій судъ, и потому не излишне-ли Ваше возраженіе объ оскудѣніи вѣры предъ концомъ міра.

Во второй строкѣ на 1-мъ листѣ *глаголалъ* [3]), бросается какъ-то этотъ славянизмъ; лучше бы сказать: говорилъ.

Если Вы не находите того ученія о Церкви, какое я приписываю Хомякову, все-же не излишне бы предположить возможнымъ, и сказать нѣсколько словъ противъ подобнаго пониманія Церкви. Потомъ уже безопаснѣе будетъ оговорить, что Вы съ православной точки пониманія будете разбивать ученіе,—разбивать его такъ, какъ Вы разбиваете.

Но не опустите сказать о миропомазаніи—по моему это существенный пунктъ въ мнѣніяхъ Хомякова.

Очень радъ, что Вы рѣшились сопоставить здравое ученіе съ ученіемъ фантазіи.

Если не имѣете въ виду преслѣдовать дальнѣйшія сочиненія Хомякова, то изъ его письма къ Бунзену, нужно бы

---

1) См., замѣчанія, § 5.

2) Ср. тамже.

3) См. начало замѣчаній А. В. Горскаго

привести для объясненія понятій его о Св. Писанія тотъ отзывъ, который Хомяковъ дѣлаетъ,—именно онъ отвергаетъ всякое достоинство буквы текста, допускаетъ ошибки и погрѣшности писателей Богодухновенныхъ, а усвояетъ Церкви или точнѣе своему смыслу право понимать и толковать Писаніе, какъ вздумается".

Другое письмо принадлежитъ А. В. Горскому; оно сохранилось въ черновомъ экземплярѣ, писанномъ рукой Горскаго, не доведено до конца и не имѣетъ никакой хронологической помѣтки. Содержаніе его слѣдующее:

„Возвращаю Вамъ, любезнѣйшій Петръ Симоновичъ [1]) письмо Наталіи Петровны [2]) съ приложеніемъ.

Что сказать о замѣткахъ на книгу Алексѣя Степановича Хомякова?

Указаны въ ней (sic) нѣкоторыя, очень рѣзко выдающіяся мѣста, но немного, и не всѣ одинаково важныя, и не рѣдко,—или лучше, почти вездѣ — безъ доказательствъ. Что же за польза въ такомъ видѣ печатать. Не будетъ-ли это показывать, что защитники православія не въ состояніи сказать что-либо поважнѣе противъ мудрости Хомякова?

Прочиталъ я книгу его; мнѣ не представилось, чтобы Хомяковъ хотѣлъ быть провозвѣстникомъ какой-нибудь философской теоріи подъ личиною христіанства. Это не высказывается ни въ опубликованнымъ имъ статьяхъ, ни въ письмахъ интимныхъ, по смерти его изданныхъ, хотя, конечно, по выбору. Въ его любомудріи богословскомъ всего яснѣе сказывается одно чувство—свободы. Ему ни власть, ни законъ, ни символъ — ничто не препятствуй. Любовію, свободно онъ хочетъ покаряться Евангелію, но и въ этой покорности онъ не перестаетъ себя чувствовать и считать свободнымъ".

Въ какомъ отношеніи между собой стоятъ оба эти письма,—рѣшить трудно. Возможно думать, что приведенное сейчасъ, послѣднее письмо было послано А. В. Горскимъ къ П. С. Казанскому вмѣстѣ съ замѣтками на книгу Хомякова, которыя и разумѣются подъ именемъ „приложенія", письмо же Казанскаго было отвѣтомъ Горскому, составленнымъ по прочтеніи его замѣтокъ. Но

---

1) Т. е. упомянутый выше Казанскій.

2) Разумѣется безъ сомнѣнія Н. П. Кирѣевская.

съ этимъ не согласуется фраза въ письмѣ Казанскаго: „очень радъ, что Вы рѣшили сопоставить здравое ученіе съ ученіемъ фантазіи“—сопоставить, конечно, для печати [1]), — между тѣмъ какъ Горскій рѣшительно заявлялъ, что онъ не находитъ пользы печатать замѣтки „въ такомъ видѣ“. Радоваться, очевидно, было нечему. Ничто не препятствуетъ принять и обратный порядокъ, и тогда дѣло нужно представлять себѣ по-видимому такъ. П. С. Казанскій, узнавъ о существованіи у А. В. Горскаго замѣтокъ на сочиненія Хомякова, пожелалъ ознакомиться съ ними, чтобы побудить послѣдняго къ печатанію ихъ, и свой отзывъ о замѣткахъ высказалъ въ письмѣ къ нему, но А. В-чъ, находя замѣтки недостаточными, раздумалъ ихъ печатать и, быть можетъ, въ намѣреніи дать имъ болѣе обстоятельную обработку, отложилъ ихъ до поры, до времени. Во всякомъ случаѣ, оба письма любопытны, поскольку они выражаютъ собой сужденія о Хомяковѣ двухъ замѣчательныхъ богослововъ своего времени и свидѣтельствуютъ о томъ интересѣ, какой вызывало у нихъ ученіе Хомякова.

Богословскія воззрѣнія Хомякова, не смотря на ихъ оригинальность и довольно широкую распространенность въ читающей публикѣ, еще недостаточно оцѣнены въ нашей литературѣ, особенно съ точки зрѣнія строго православнаго ученія о Церкви. Поэтому, думаемъ, что предлагаемыя ниже замѣчанія на эти воззрѣнія, принадлежащія перу выдающагося русскаго ученаго богослова—историка и глубоко православнаго христіанина, при всей ихъ неполнотѣ и отрывочности, будутъ приняты съ должнымъ вниманіемъ [2]).

Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя (Іоан. 7. 16),—глаголалъ Христосъ Спаситель, указывая на единственный источникъ, изъ котораго Самъ почерпалъ возвѣщаемыя Имъ истины. И о Духѣ Своемъ, котораго обѣщалъ послать Своимъ ученикамъ, какъ единственнаго Учителя, который наставитъ ихъ на всяку истину, возвѣстилъ: *отъ Моего пріи-*

---

[1]) Что рѣчь идетъ о приготовленіи замѣтокъ именно къ печати, — о томъ свидѣтельствуетъ все письмо П. С. Казанскаго.

[2]) Въ нижеслѣдующемъ всѣ примѣчанія принадлежатъ издателю кромѣ двухъ, при которыхъ сдѣлано надлежащее указаніе.

метъ (Іоан. 16, 13. 14), указывая тѣмъ на единство Евангельскаго ученія въ его началѣ и дальнѣйшемъ развитіи чрезъ Апостоловъ.

Слово Христа, слово Духа Святаго, изглаголанное Апостолами и дошедшее до насъ въ письмени и преданіи, есть такимъ образомъ единственное свидѣтельство истины, на которомъ опиралась и опирается Церковь всѣхъ временъ. Слово Церкви, слово Отцовъ Церкви есть тоже слово Христа въ разъясненіи. Отселѣ самый простой и удобный способъ для удостовѣренія въ томъ, истинно-ли какое-нибудь ученіе, состоитъ въ сличеніи его съ указанными несомнѣнными свидѣтельствами истины.

Съ этою мыслію предполагаемъ разсмотрѣть нѣкоторыя статьи богословскія, принадлежащія А. С. Хомякову.

Въ разсматриваемыхъ богословскихъ статьяхъ Хомякова весьма рѣдко приводятся слова Писанія или слова Отцовъ Церкви въ точности. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокимъ воззрѣніемъ на предметы христіанской вѣры онъ обязанъ весьма обширному, продолжительному и добросовѣстному изученію Слова Божія и писаній отеческихъ, и не только этому, но и внутреннему практическому усвоенію истины Христовой сердцемъ и жизнію. Тѣмъ не менѣе должно согласиться, что въ изложеніи мыслей автора значительное участіе принимала и переработывающая, своеобразно все измѣняющая и подъ вліяніемъ философіи увлекающаяся нѣкоторыми своими идеями сила собственнаго его разсужденія.

Сдѣлаемъ опытъ провѣрки надъ нѣкоторыми положеніями автора [1]).

1) Статья, названная: „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви" въ самомъ началѣ своемъ (§ 1) даетъ такое понятіе о Церкви: „Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати [2])." Чтобы яснѣе видѣть характеристическія особенности такого понятія о Церкви, противопоставимъ ему

---

[1]) Это вступленіе къ разбору богословскихъ сочиненій А. Хомякова дошло на особомъ листикѣ бумаги уменьшеннаго формата. Дальнѣйшія же замѣчанія на „опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви" писаны на одинаковыхъ листахъ бумаги, пронумерованныхъ цифрами.

[2]) Соч. А. С. Хомякова, II, § 1, стр. 3.

опредѣленіе Церкви, данное православнымъ катихизисомъ: „Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами".

Съ перваго раза нельзя не видѣть, что въ Опытѣ катихизическаго ученія обращается главное, и почти исключительное вниманіе на внутреннее, одушевляющее и оживляющее начало Церкви, Божественную благодать, и опускается изъ виду ея видимое органическое устройство. „Церковь не есть множество лицъ". Конечно, такъ; однако же и безъ множества лицъ не можетъ быть Церкви. „Единство благодати" доколѣ не перешло отъ Духа Святаго во множество лицъ, дотолѣ не могла образовать изъ себя Церкви. Благодать принадлежитъ Духу Св.; (но) Духъ Св. не есть Церковь, и обратно Церковь не есть Духъ Св. Или это будетъ не точное, не строго апостольское ученіе о Церкви, подобное ученію монтаниста Тертулліана: Ecclesia proprie et principaliter ipse est spiritus, non numerus episcoporum [1]).

Далѣе въ Опытѣ Божественное начало жизни церковной называется именемъ благодати; слѣдовательно, имѣется (въ виду) преимущественно освящающая его сила, дѣйствующая посредствомъ таинства. Но это не обнимаетъ всей полноты жизни Божественной, дѣйствующей въ Церкви. Христосъ Спаситель какъ въ жизни Своей на землѣ явилъ Себя не только жертвою и Первосвященникомъ, но и Пророкомъ и Царемъ, такъ и въ Церкви Своей продолжаетъ дѣйствовать и Своимъ словомъ, и Своею Божественною властью. Потому-то въ понятіи о Церкви, сообщаемомъ въ православномъ катихизисѣ, упоминается о вѣрѣ православной, о законѣ Божіемъ и о священноначаліи, какъ необходимыхъ принадлежностяхъ Церкви.

Въ Опытѣ не совсѣмъ устранена и человѣческая сторона Церкви; здѣсь говорится о множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Но „множество" не даетъ понятія о правильномъ, органическомъ устройствѣ извѣстнаго собранія лицъ. По ученію (же) православнаго катихизиса, Церковь не только множество, но и правильно организованное общество,—общество Богоустановленное,—общество со сво-

---

[1]) De pudicitia, c. 21. *Прим. А. В. Горскаго.*

имъ священноначаліемъ. Такое понятіе о Церкви основывается во всѣхъ чертахъ своихъ на ученіи Христа Спасителя и Апостоловъ.

Изъ этого сопоставленія двухъ опредѣленій Церкви можно видѣть, какъ многаго недостаетъ для точнаго и полнаго понятія о Церкви въ Опытѣ. Этотъ недостатокъ—неслучайный, но во многомъ зависитъ отъ коренного взгляда на Церковь, который проходитъ чрезъ всю статью.

2) Въ изложенномъ понятіи о Церкви, упомянувъ о множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати, авторъ Опыта продолжаетъ: „дается же благодать и непокорнымъ и непользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви [1])“. Что хочетъ этимъ сказать авторъ? По-видимому то, что всѣ не покоряющіеся благодати не принадлежатъ къ составу Церкви. Они приняли благодать, но не повиновались ея требованіямъ; получили талантъ, но не воспользовались имъ соотвѣтственно Божественному назначенію. При рѣшительномъ сопротивленіи духу благодати они дѣйствительно выходятъ изъ Церкви и отсѣкаются отъ Церкви, и потому становятся внѣ Церкви, согласно съ словомъ Спасителя: *аще и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь.* (Мѳ. 18, 17) Но, во-первыхъ, почему же говорится, что и такимъ *дается благодать?* на чемъ основано такое ученіе? и какъ дается имъ благодать *внѣ* Церкви? Во-вторыхъ, если же авторъ разумѣетъ здѣсь не собственно отверженныхъ членовъ Церкви, но грѣшниковъ слабыхъ, падающихъ, часто измѣняющихъ благодати, то конечно справедливо то, что имъ еще *дается благодать;* но почему же авторъ ставитъ ихъ *внѣ Церкви?* Правда, они не принадлежатъ къ существу Церкви и не составляютъ здравыхъ членовъ истиннаго тѣла Христова, но долготерпѣніемъ Божіимъ еще держатся въ составѣ истинной Церкви, и этимъ способомъ могутъ даже содѣлаться снова живыми членами ея. Христосъ Спаситель, по притчѣ Евангельской (Мѳ., 13, 24 сл.), терпитъ на Своемъ полѣ и плевелы до жатвы. Это поле есть Царствіе Божіе т. е. Церковь.

3) Въ понятіи о Церкви, сообщаемомъ въ Опытѣ, мы не можемъ не замѣтить, что говорится здѣсь не о людяхъ, а

---

[1]) Сочин. А. С. Хомякова, II, 3, § 1.

вообще *о разумныхъ твореніяхъ*. И далѣе авторъ къ числу членовъ Церкви присоединяетъ и Ангеловъ, говоря: „живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ Ангелы), не начинавшій еще земнаго пути (будущія поколѣнія), всѣ соединены въ одной Церкви,— въ одной благодати Божіей“. [1]).

4) „Только въ отношеніи къ человѣку,—говоритъ Опытъ,— можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую“ [2]). Что онъ разумѣетъ подъ видимою Церковью,—здѣсь не объясняется; приведемъ другія мѣста, гдѣ авторъ касается того же предмета. Въ § 2 онъ говоритъ: „Церковь видимая или *земная* живетъ въ совершенномъ общеніи и единствѣ со всѣмъ тѣломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ“ [3]). По-видимому, здѣсь Церковью видимою называется сущая на землѣ Церковь, не достигшая еще отечества небеснаго, а подъ именемъ всего тѣла Церковнаго разумѣется та и другая Церковь совмѣстно съ міромъ ангельскимъ. Въ § 8 сказано: „Церковь видимая не есть видимое общество Христіанъ, но Духъ Божій и благодать таинствъ живущихъ въ этомъ обществѣ“ [4]).—Односторонность такого понятія о Церкви мы раскрыли выше. Не надобно быть духовнѣе духовнаго Слова Божія. Церковь,—говоритъ оно,— есть *тѣло* Христово (Еф. 1, 23). Сіе тѣло, по благодати Божіей, суть всѣ искупленные Іисусомъ Христомъ; *мнози едино тѣло есмы о Христѣ* (Рим. 12, 5). Такимъ образомъ, Церковь земная или сущая на землѣ есть часть тѣла Христова, обнимающаго собой весь чистый и очищающійся при помощи благодати міръ духовныхъ существъ на землѣ. Что же будетъ Церковь невидимая? Опытъ катихизическаго ученія не даетъ на это отвѣта. Но справедливо было бы одну и ту же Церковь почитать и видимой и невидимой, — только въ различныхъ отношеніяхъ [5]).

5) „Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться

---

1) Соч. А. С. Хомякова, II, стр. 3, § 1.

2) Тамже.

3) Тамже.

4) Сочин. А. С. Хомякова, II, стр. 10. 11.

5) Послѣднія фразы, начиная со словъ: „Такимъ образомъ...“, въ оригиналѣ зачеркнуты.

при конечномъ судѣ всего творенія“ [1]). Если, по выраженію автора, Церковь видимая есть Духъ Божій и благодать таинствъ, то непонятно, на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что полнота и совершеніе Церкви т. е. Духа Божія и благодати таинствъ должны открыться только при концѣ міра? Евангеліе (не?) [2]) представляетъ намъ послѣднее время міра самымъ обильнымъ по изліянію Духа Божія.

6) „Церковь земная и видимая... творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству“ [3]). Т. е. пребывающему въ невѣріи язычества, іудейства и магометанства? Конечно такъ; своего суда о стоящихъ внѣ ея ограды она не износитъ, но знаетъ судъ Божій: *не вѣруяй*, т. е. отвергающій ея проповѣдь *уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18).

7) Церковь земная признается существующей съ сотворенія міра и признаками ея поставляются внутренняя святость и внѣшняя неизмѣнность [4]). Подъ именемъ святости разумѣется не одна только нравственная чистота и совершенство духовное, но и вообще отсутствіе всякой лжи. Что разумѣется подъ именемъ внѣшней неизмѣнности и какъ утверждать внѣшнюю неизмѣнность Церкви при переходѣ ея изъ Ветхаго Завѣта въ Новозавѣтныя событія, не понятно,— тѣмъ болѣе, что чрезъ нѣсколько строкъ допускается внѣшнее измѣненіе обряда не только при переходѣ Ветхозавѣтной Церкви въ Новозавѣтную, но и въ самой Церкви Новозавѣтной.

8) „Признаки Церкви,—святость и неизмѣнность,—познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ быть ея членами. Для чуждыхъ же и непризванныхъ они непонятны [5]).“—Но развѣ во время борьбы христіанства съ язычествомъ греко-римскимъ не была примѣчаема и не дѣйствовала на язычниковъ святость жизни членовъ Церкви? Развѣ Апостолъ не говоритъ: *да о немже клевещутъ васъ, аки злодѣевъ, постыдятся злословящіи ваше благое о Христѣ житіе* (1 Петр. 3, 16)? Развѣ Самъ Спаситель не сказалъ: *не мо-*

---

[1]) Соч. Хомякова, II, стр. 4.

[2]) По нашему мнѣнію, смыслъ рѣчи требуетъ здѣсь отрицанія, но въ подлинникѣ его нѣтъ.

[3]) Соч. Хомякова, II, 4.

[4]) Тамже. § 3.

[5]) Тамже.

жетъ градъ укрытися въ верху горы стоя (Мѳ. 5, 14)? Конечно, Божественное достоинство Церкви вполнѣ можетъ быть постигаемо только полными участниками ея духовныхъ благъ: *духовная духовнымъ востязуются*. Но Церковь, разливая свой внутренній свѣтъ и во внѣ, невольно привлекаетъ къ себѣ взоры и стоящихъ внѣ ея,—мало того, она не можетъ сама не стараться о томъ, чтобы ее познавали болѣе и болѣе остающіеся еще въ невѣдѣніи Бога истиннаго и Его благодати. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки* (Мѳ. 5, 16).—Здѣсь говорится еще о чуждыхъ и непризванныхъ. Кто же не призывается благодатію въ нѣдра Церкви?—Спрашивается: достаточно-ли указанныхъ признаковъ для отличенія истинной Церкви отъ заблуждающейся? Нѣтъ,—по тому самому, что они, по признанію автора, для постороннихъ невидимы. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же они и указываются? — Недостатокъ точнаго опредѣленія Церкви и строгаго разграниченія частныхъ понятій о различныхъ состояніяхъ и отношеніяхъ Церкви много вредитъ ясному разумѣнію высказываемыхъ авторомъ положеній.

9) „Въ Церкви, то есть, членахъ ея, зарождаются ложныя ученія, но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собой святости церковной [1])“.—Но развѣ всегда заблужденіе членовъ Церкви образуетъ ересь или расколъ? Какъ же опускать изъ вниманія то, что и состоящіе въ нѣдрахъ Церкви не свободны какъ отъ разныхъ заблужденій, такъ и отъ заразы грѣха, но находятся въ Церкви, какъ во врачебницѣ?—Несправедливо осужденіе папы Гонорія, или, какъ выражается авторъ, объявленіе ошибки въ его ученіи, приписывается собору Халкидонскому [2]).

10) Хотя выше и указаны были два признака Церкви: внутренняя святость и внѣшняя неизмѣнность, но въ § 4 снова говорится о четырехъ свойствахъ, отличающихъ Общество Церкви отъ всякаго иного общества человѣческаго, какъ они выражены въ Символѣ вѣры [3]). При этомъ въ объясненіе наименованія Церкви Апостольскою замѣчено,

---

[1]) Тамже. § 3, стр. 5.

[2]) Въ прим. на стр. 5.—Осужденіе это произнесено на VI всел. Соборѣ.

[3]) Соч. Хомякова, II, § 4, стр. 5.

что „въ писаніи и ученіи Апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви“. Но ниже, въ § 5, сказано: „нѣтъ предѣловъ Писанію, ибо всякое Писаніе, которое Церковь признаетъ своимъ, есть Священное Писаніе..; было до нашего времени Священное Писаніе и, если Богу угодно, будетъ еще Священное Писаніе [1]“.– Если подъ именемъ Писанія разумѣется именно то, что и слѣдуетъ разумѣть, т. е. Богодухновенныя писанія, то признавая полноту писаній Апостольскихъ, для чего еще ожидать новыхъ Богодухновенныхъ писаній? И на какомъ основаніи? Уравнивая Богодухновенныя книги Апостоловъ съ собственно произведеніями Церкви, какъ-то съ символами, авторъ какъ будто забываетъ, что всѣ... ею принимаемыя [2]... достовѣрныя и несомнѣнныя истины уже основываются на словахъ писаній Апостольскихъ.

11) „Ни одна община и ни одинъ пастырь не могутъ быть признаны за хранителей всей Вѣры [3]“. — Выше замѣчено, что въ писаніи и ученіи Апостольскомъ содержится вся полнота вѣры церкви, ея упованій и ея любви. Во второмъ вѣкѣ Церковь имѣла уже и писанія Апостольскія вполнѣ, и сохраняла ихъ преданіе. Отъ втораго вѣка наслѣдовала то и другое Церковь третьяго вѣка и т. д. Почему же и въ настоящее время нельзя признать, что Церковь сохраняетъ въ себѣ всю вѣру Апостольскую [4]?

12) „Всякая община христіанская, не присвоивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣетъ вполнѣ право измѣнять свои обряды, вводить новые, не вводя въ соблазнъ другія общины [5]“.—Кажется, здѣсь та и другая мысль выражена недовольно опредѣленно, и обѣ бездоказательно. Почему нельзя учить догматически никакой общинѣ на основаніи Слова Божія и преданія? А не на основаніи Слова Божія и преданія не дозволяется учить и всей Цер-

---

[1]) Соч. Хомякова, II, § 5, стр. 8.

[2]) Это мѣсто, не поддающееся разбору въ оригиналѣ, воспроизведено по догадкѣ.

[3]) Соч. Хомякова, II, § 4, стр. 6.

[4]) Быть можетъ, въ словахъ Хомякова критикъ усматриваетъ ту мысль, что хранительница всей Вѣры есть Церковь въ совокупности всего ея бытія, а не церковь даннаго историческаго момента.

[5]) Соч. Хомяк., II, § 4, стр. 6.

кви.—На какомъ основаніи *всякой общинѣ* усвояется право измѣнять обряды безъ всякихъ ограниченій? Что же это будетъ за порядокъ и благочиніе, о которыхъ такъ заботились Апостолы? Обряды входятъ въ составъ и таинствъ. И здѣсь таже свобода, и при томъ для всякой общины? И почему предоставляется это право общинѣ, а не епископу, тогда какъ извѣстно, что устроеніе всѣхъ порядковъ въ церкви Ефесской Апостолъ предоставилъ не самой церкви, но епископу Тимоѳею? Самъ же авторъ говоритъ далѣе: „единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ“.

13) „Духъ Божій, живущій въ Церкви, правящій ею и умудряющій ее, является въ ней многообразно; въ Писаніи, преданіи и въ дѣлѣ, ибо Церковь, творящая дѣла Божіи, есть таже Церковь, которая хранитъ преданіе и писала Писаніе [1])“. — Почему Церкви всей усвояется написаніе св. книгъ, когда намъ извѣстно, напр. что Апостолъ Павелъ писалъ по данной ему премудрости, равно и другіе Апостолы не отъ лица той или другой церкви, но по данной имъ отъ Іисуса Христа власти? Почему авторъ соглашается сказать, что Церковь *хранитъ* преданіе, слѣдовательно, приняла его; а не соглашается сказать, что она также приняла и Писаніе?—„Не лица и не множество лицъ въ Церкви хранятъ преданіе и пишутъ, но Духъ Божій, живущій въ совокупности Церковной [2])“. Вездѣ авторъ уничтожаетъ личную дѣятельность членовъ Церкви. Но Духъ Божій не самъ непосредственно пишетъ и не чрезъ всю совокупность Церкви, а чрезъ избранныхъ лицъ, которые для того надѣляются особыми дарами Духа на пользу Церкви. *Еда вси Апостоли, еда вси пророцы, еда вси учители?* Вотъ языкъ Апостольскій.

14) „Потому ни въ Писаніи искать основы преданію, ни въ преданіи доказательствъ Писанія, ни въ дѣлѣ искать оправданія для Писанія и преданія—нельзя и не должно [3])“. Отчего-же не такъ? Если все отъ единаго Духа, то одно другимъ необходимо должно доказываться. Единство начала, единство духа и силы должно служить вѣрнымъ ручательствомъ истинности того, или другаго, или третьяго.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 6, § 5.

[2]) Соч. Хом., II, 6, § 5.

[3]) Тамже.

15) „Внѣ Церкви живущему непостижимо ни Писаніе, ни преданіе, ни дѣло [1])“. Афоризмъ не точно выраженный. Иначе, если это принято безусловно, то напрасно трудятся распространять Слово Божіе всѣ библейскія общества, всѣ миссіонеры и переводчики Библіи для язычниковъ.—И Апостолъ говоритъ о настоящемъ состояніи въ Церкви: отчасти разумѣваемъ, отчасти пророчествуемъ. Итакъ, и живущіе въ Церкви (какъ Апостолы) не все еще разумѣютъ. Но и для живущихъ внѣ Церкви не все непостижимо въ Писаніи, въ преданіи, въ дѣлѣ. Кто изъ язычниковъ, читавшихъ Евангеліе, скажетъ, что нѣтъ для него ничего здѣсь постижимаго?

16) „Всякій ищущій доказательствъ Церковной истины тѣмъ самымъ или показываетъ свое сомнѣніе и исключаетъ себя изъ Церкви или даетъ себѣ видъ сомнѣвающагося [2])“.— Отрицая всякіе способы удостовѣренія въ Церковной истинѣ, какъ показывающіе сомнѣніе и призывающіе въ участіе разумъ [3]), авторъ высказываетъ мысль, что отъ преданія одного, отъ Писанія, или отъ дѣла можетъ почерпать человѣкъ только знаніе внѣшнее и неполное, и потому *необходимо ложное*. Авторъ говоритъ: „не спрашиваетъ Церковь: какое Писаніе истинно, какое преданіе истинно и какой соборъ истиненъ и какое дѣло угодно Богу? [4])“. Какъ же принято писаніе Новаго Завѣта и Ветхаго Завѣта? безъ испытанія? безъ изслѣдованій? Нѣтъ; какъ Евангелисты повѣряли одни сказанія другими и передавали въ своихъ книгахъ только то, что изслѣдовали испытно (Лк. 1, 3), такъ и Церковь или свидѣтельствомъ Апостольскимъ, или другими средствами историческими удостовѣрялась, что то или другое писаніе есть истинно, и принимала его. — Вы скажете, что у Васъ рѣчь о Церкви въ существѣ ея: для Духа Божія, живущаго въ Церкви, если Вы его разумѣете

[1]) Тамже.

[2]) Тамже, стр. 7.

[3]) Разумѣются даннѣйшія слова А. С. Хомякова: (всякій ищущій доказательствъ Церковной истины)... сохраняетъ надежду доказать истину и дойти до нея собственною силою разума; но силы разума не доходятъ до истины Божіей и безсиліе человѣческое дѣлается явнымъ въ безсиліи доказательствъ.

[4]) Соч. Хомякова, II, § 5, стр. 7.

подъ именемъ Церкви, какъ сказали выше, — конечно нѣтъ нужды дознавать, какое писаніе его истинно и пр. Но для чего говоря о томъ, что не подлежитъ никакому вопросу, не говорите ничего о Церкви дѣйствительной? Какое значеніе для нея имѣетъ и Писаніе, и преданіе, и дѣла? И какъ ей удостовѣриться и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ? Кто ей это укажетъ? Для чего избѣгаете говорить объ іерархіи?

„Священнымъ Писаніемъ называется собраніе Ветхозавѣтныхъ и Новозавѣтныхъ книгъ, которыя Церковь признала своими. Но нѣтъ предѣловъ Писанію: ибо всякое писаніе, которое Церковь признаетъ своимъ, есть Священное Писаніе. Таковы, по-преимуществу, исповѣданія соборовъ и особенно Никео-Константинопольское. Посему, было до нашего времени Священное Писаніе и, если угодно Богу, будетъ еще Священное Писаніе [1]". — Позволительно-ли православному богослову смѣшивать Богодухновенныя писанія Ветхаго и Новаго Завѣта съ произведеніями собственно церковными? Символическія изложенія вѣроученія церковнаго сами основываются на писаніи. Таковъ символъ Никео-Царьградскій, выбранный по слову изъ Св. Писанія. — „Будетъ еще писаніе". Авторъ пророчитъ намъ новое откровеніе? Церковь нигдѣ не высказывала такой надежды. Если будутъ новыя Писанія, то будутъ и новые догматы? Почему тогда не оправдывать и прибавленія filioque и другіе новоизобрѣтенные догматы досужаго католичества?

Г. Хомяковъ не переноситъ-ли на всю Церковь то мистическое состояніе, какое испытываютъ нѣкоторыя лица въ особенныхъ обстоятельствахъ? Но справедливо-ли Ап. Павла, восхищеннаго до третьяго неба, который слышалъ тамъ неизреченные глаголы и, потому, не сообщалъ и не могъ сообщить ихъ никому, представлять себѣ въ одномъ положеніи съ прочими членами Церкви [2])?

17) „Не у всѣхъ одна вѣра или одна надежда или одна любовь; ибо ты можешь любить плоть, надѣяться на міръ и исповѣдывать ложь; можешь также любить, надѣяться и

---

[1]) Тамже, стр. 7. 8.

[2]) Послѣдняя фраза, начиная со словъ: „Г. Хомяковъ... и пр., въ подлинникѣ зачеркнута.

вѣровать не вполнѣ, а отчасти; и Церковь называетъ твою надежду надеждой, твою любовь любовью, твою вѣру вѣрой; ибо ты ихъ такъ называешь и она съ тобой о словахъ спорить не будетъ [1])".—Не значитъ-ли это проповѣдывать совершенное отрицаніе истинной вѣры, надежды и любви? И какъ спорить Церковь не будетъ? А развѣ Апостолы мало спорили объ истинномъ значеніи вѣры съ іудействующими? развѣ довольствовались ихъ полувѣріемъ? и т. д. Если держаться строго сего воззрѣнія, то нечего спорить ни съ католичествомъ и протестанствомъ, ни даже съ кѣмъ-либо еще болѣе чуждымъ православной Церкви; непонятны тогда собственные споры автора о Церкви.

18) „Сіе исповѣданіе (Никео-Константинопольское) постижимо, также какъ и вся жизнь Духа, только вѣрующему и члену Церкви [2])".—Не много-ли сказано: *постижимо?* Тайна св. Троицы постижима-ли? тайна воплощенія постижима-ли? *вся жизнь Духа* постижима-ли? Не хвалились постиженіемъ такихъ тайнъ и Апостолы, ихъ провозглашавшіе въ своихъ писаніяхъ по откровенію Духа Святаго.

19) „Общины христіанскія, оторвавшіяся отъ Святой Церкви, не могли уже исповѣдывать исхожденіе Духа Св. отъ Отца одного, въ самомъ Божествѣ; но должны были исповѣдывать одно только внѣшнее посланіе Духа во всю тварь, посланіе, совершаемое не только отъ Отца, но и чрезъ Сына [3])".—Но 1) Церковь Римская, за нею и другія общины не только исповѣдуютъ такъ называемое внѣшнее посланіе Духа Св. отъ Отца чрезъ Сына, но и признаютъ исхожденіе Духа Св. отъ Отца, только имъ однимъ не ограничиваются, вопреки словамъ Спасителя. 2) Непонятно, какимъ образомъ нарушеніе братской любви самовластнымъ прибавленіемъ новаго догмата въ общее исповѣданіе, безъ сношенія съ другими, восточными, братіями, должно было привести церковь Римскую именно къ поврежденію сего пункта вѣроученія? Почему не могла она правильно исповѣдывать только исхожденіе Духа Святаго. 3) И какъ считать это лжемудрованіе слѣдствіемъ нарушенія духа любви, когда

---

[1]) Хомяковъ, Соч. II, § 6, стр. 8.

[2]) Тамже, § 7, стр. 9.

[3]) Соч. Хомяк., II, § 7, стр. 10.

оно зародилось въ духѣ Римскаго богословія еще ранѣе этого нарушенія и при помощи самомнѣнія привело къ разрыву братскаго союза?

„Благодать Божію утратили онѣ (т. е. церковь Римская и другія) какъ въ исповѣданіи, такъ и въ жизни [1]".—Выше авторъ съ крайней осторожностью выражался о язычникахъ и не признавалъ за Церковью права произносить на нихъ судъ осужденія. А здѣсь, помимо суда церковнаго, произноситъ рѣшительный приговоръ на все западное христіанство. „Утратили благодать въ исповѣданіи и жизни". Однакоже Церковь православная признаетъ въ церкви Римской таинство крещенія, не повторяетъ конфирмаціи, не рукополагаетъ въ ней рукоположенныхъ и т. д. Что же? ужели это есть только наружная уступка, а не имѣется основанія въ мысли, что благодать Св. Духа еще не вполнѣ отступила отъ западнаго христіанства.

20) По мнѣнію автора существуютъ [2]: 1) церковь невидимая, 2) церковь видимая, т. е., Духъ Божій и благодать таинствъ и 3) видимое общество носящихъ имя христіанъ. Послѣднее онъ не удостоиваетъ и имени церкви, хотя самъ сознаетъ, что въ этомъ видимомъ обществѣ невидимо пребываетъ Церковь на землѣ. Нѣтъ. Слово Божіе и подлинное ученіе православной Церкви не такъ строго относятся къ послѣднему, чтобы лишать его имени Церкви. Въ откровеніи Іоанновомъ читаемъ откровеніе Іисуса Христа къ седми церквамъ; большую часть этихъ церквей судъ главы Церкви находитъ подлежащими обличенію, слѣдовательно, даетъ видѣть, что не всѣ члены этихъ церквей суть члены истиннаго тѣла Христова, и однакоже не лишаетъ эти общества наименованія Церкви. Апостолъ Павелъ обличаетъ Галатскихъ христіанъ въ важныхъ уклоненіяхъ отъ чистоты вѣры и однакоже пишетъ свое посланіе *церквамъ* Галатскимъ, а не обществу. И Церковь православная, требуя отъ всѣхъ чистоты и святости жизни, въ тоже время не извергаетъ изъ нѣдръ своихъ и заблуждающихся не по упорству, и грѣшниковъ не нераскаянныхъ, въ чаяніи ихъ исправить при помощи благодати Божіей и любви братій.

---

[1]) Тамже.

[2]) Имѣется въ виду § 8, стр. 10. 11.

21) Сказавъ: „исповѣдуя едино крещеніе, какъ начало всѣхъ таинствъ, мы не отвергаемъ и другихъ“, послѣ перечисленія прочихъ шести таинствъ прибавляетъ: „много есть и другихъ таинствъ; ибо всякое дѣло, совершаемое въ Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ, внушается человѣку Духомъ Божіимъ и призываетъ невидимую благодать [1]“.—Итакъ, авторъ не признаетъ существеннаго различія между крещеніемъ или другими таинствами и всякимъ другимъ благодатнымъ дѣломъ человѣка? Конечно, нѣтъ: онъ признаетъ это различіе. Для чего же смѣшивать понятія, безъ нужды не по указанію церкви расширяя понятіе о таинствахъ.

„Седмь таинствъ совершаются не однимъ какимъ-либо лицомъ, достойнымъ милости Божіей, но всею Церковію въ одномъ лицѣ, хотя и недостойномъ [2]“. И далѣе, говоря о рукоположеніяхъ, авторъ прибавляетъ: „таинство даетъ рукоположенному то великое значеніе, что хотя и недостойный, онъ въ совершеніи своего таинственнаго (?) служенія дѣйствуетъ уже не отъ себя, но отъ всей Церкви т. е. отъ Христа, живущаго въ ней [3]“.—Если *вся* Церковь совершаетъ въ лицѣ одного, то, значитъ, всякій, безъ особеннаго уполномоченія, безъ особыхъ даровъ благодати, безъ особаго приготовленія можетъ совершать таинство,—тѣмъ болѣе, что авторъ говоритъ конечно о дѣйствительныхъ членахъ истинной Церкви. Нѣтъ, *вся* Церковь избираетъ совершителя таинствъ, но не вся Церковь совершаетъ таинства. Для совершенія таинствъ нужно сообщеніе особой благодати, преподаваемой отъ Христа чрезъ Церковь. Иначе, если вся Церковь совершаетъ таинства, то не нужно и особое рукоположеніе и сообщеніе особой благодати для избираемаго въ служителя таинствъ. Или рукоположеніе должно будетъ обратиться въ простой обрядъ, означающій только поручительство должности, а не призываніе благодати немощное врачующей и оскудѣвающее восполняющей. Церковь есть живой, оживляемый Духомъ Святымъ организмъ. Въ немъ каждый органъ имѣетъ свое назначеніе и служеніе. *Аще все тѣло око, гдѣ слухъ, аще же все слухъ, гдѣ дханіе* (1 Кор.

---

[1] Соч. Хомякова, II, стр. 12.
[2] Тамже.
[3] Тамже, стр. 13.

12, 17 и далѣе см. 19)? Если бы всѣ были однимъ членомъ, то гдѣ было бы тѣло?

22) „Никакой Духъ, кромѣ Бога, не можетъ вполнѣ называться безтѣлеснымъ“ [1]). Это изрекается, но не доказывается.

23) „Рукоположеніе содержитъ въ себѣ всю полноту благодати, даруемой Христомъ своей Церкви [2])“. Не всю, а каждому преподается въ своей мѣрѣ. Могутъ быть и нерукоположенные облагодатствованы извѣстными дарами Духа Святаго паче получившихъ Духа Св. въ рукоположеніи, хотя непріявшіе таинства рукоположенія и не позволяютъ себѣ совершенія дѣйствій, предоставленныхъ посвящающимся на служеніе алтарю.

„Сама же Церковь, сообщающая членамъ своимъ полноту духовныхъ даровъ, назначила, въ силу своей Богоданной свободы, различія въ степеняхъ рукоположенія [3])“.—На чемъ основано это ученіе? Апостолы получили полноту даровъ духовныхъ, но не отъ Церкви, а отъ самого Христа, ихъ избравшаго и опредѣлившаго на служеніе и потомъ ниспославшаго имъ Духа Святаго. И Апостолъ Павелъ говоритъ: *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители.* Видите, не отъ Церкви получаютъ свои права и дары пастыри и учители. Въ другомъ случаѣ Апостолъ говоритъ епископамъ: *Духъ Святый постави васъ пасти стадо Христово.* Если бы различіе степеней не исходило отъ Духа Святаго, какъ бы Церковь сама собой могла бы ограничить его изліяніе на низшія степени или расширить на высшія? Епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ представляетъ намъ еще Апостольская Церковь. Дѣйствіе Апостоловъ въ распредѣленіи сихъ степеней не можетъ быть названо собственно церковнымъ. Они давали законы и Церкви.

Очевидно, какъ мало удовлетворительнаго заключаютъ въ себѣ эти слова объ іерархіи. И однакоже это единственное мѣсто въ ученіи о Церкви единой, гдѣ говорится объ учрежденіи іерархіи. Но и здѣсь говорится о членахъ іерархіи,

---

[1]) Тамже.

[2]) Тамже.

[3]) Тамже.

только какъ о совершенствахъ таинствъ,—не какъ объ учителяхъ вѣры и правителяхъ Церкви.

24) Разсуждая о таинствѣ брака, авторъ говоритъ: „великіе Учители Церкви—Апостолы признаютъ таинство брака даже у язычниковъ, ибо, запрещая наложничество, они утверждаютъ бракъ между язычниками и Христіанами, говоря, что мужъ святится женою вѣрною, и жена мужемъ вѣрнымъ [1])“.—Здѣсь 1) странно, что бракъ называется таинствомъ даже у язычниковъ, тогда какъ таинство можетъ быть только въ Церкви и для Церкви, какъ самъ авторъ выше тоже утверждалъ. 2) Бракъ между новообращеннымъ христіаниномъ и язычницей Апостолъ не утверждаетъ, а только терпитъ до времени подъ условіемъ расположенія невѣрующей стороны оставаться въ бракѣ по прежнему. Это не значитъ утверждать бракъ. Если же невѣрующій,—продолжаетъ Апостолъ (1 Кор. 7, 12—16),—хочетъ развестись; пусть разводится; братъ или сестра (т. е. христіанская сторона въ супружествѣ) въ такомъ случаѣ несвязаны. Если бы Апостолъ утверждалъ бракъ съ язычниками, то не позволилъ бы такъ легко расторгать союзъ; если бы утверждалъ бракъ у язычниковъ, то разрѣшилъ бы и вступать въ бракъ съ язычниками, но сего Церковь, на основаніи Апостольскаго преданія (1 Кор. 7, 33) отнюдь не допускала. 3) Что же касается до словъ Апостола: *святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ*, то они не относятся къ таинству христіанскому, о которомъ и рѣчи здѣсь нѣтъ, а къ тому, что язычникъ, не смотря на разновѣріе, хочетъ жить въ бракѣ съ христіанкою, и этимъ добровольнымъ сожительствомъ уже показываетъ наклонность къ сближенію къ христіанству и надежду вполнѣ сдѣлаться членомъ св. общества Церкви.

25) Говоря о таинствѣ покаянія, авторъ высказываетъ мысль, что „одна только Церковь имѣетъ силу оправданія [2])“. — Прощаетъ грѣхъ намъ кающимся Самъ Господь Богъ. Оправдываемся же мы, по ученію Апостола, благодатію Іисуса Христа. Христосъ и Церковь не одно и тоже. Церковь безъ Христа ничто, Христосъ безъ Церкви есть

---

[1]) Тамже, стр. 14.
[2]) Тамже, стр. 14.

Богъ Слово. Авторъ часто сливаетъ Божественное и человѣческое въ понятіи о Церкви.

Говоря о таинствѣ елеосвященія, авторъ замѣтно придерживается католическаго ученія о семъ таинствѣ, какъ о предсмертномъ освященіи; „въ немъ,—говоритъ онъ, —совершается благословеніе всего подвига, совершеннаго человѣкомъ на землѣ и всего пути имъ пройденнаго въ вѣрѣ и смиреніи [1]“. Ни слова Апостола Іакова, ни ученіе Церкви православной не ограничиваютъ употребленіе этого таинства только въ виду предстоящей смерти.

„Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнію, но жизнію Божественною и благодатною. По сему не только *каждый изъ ея членовъ*, но и вся она торжественно называетъ себя Святою“ [2]). Церковь несомнѣнно есть святая, но не каждый членъ ея святъ, хотя каждый изъ нихъ званію святого причастенъ.

„Она не признаетъ надъ собою ни чьей власти, кромѣ собственной“ [3]).—Глава Церкви видимой и невидимой есть Христосъ. Христосъ не членъ Церкви, чтобы его власть Церковь могла считать своею.—Если авторъ думаетъ своими словами отразить притязанія на единовластное господство папъ въ Церкви, то спорить объ этомъ не будемъ; при всемъ томъ желали бы, чтобы мысль автора была выражена ближе къ Апостольскому ученію. Гдѣ какой-либо Апостолъ сказалъ, что Церковь не признаетъ надъ собою никакой власти, кромѣ собственной? Напротивъ онъ говоритъ: *Церковь повинуется Христу* (Еф. 5, 24). Церковь повинуется Христу, а не Христосъ повинуется Церкви.

„Не потому Церковь положила (младенцевъ крестить, мѵропомазывать и причащать), чтобы осуждала некрещенныхъ младенцевъ, коихъ Ангелы всегда видятъ лице Божіе; но положила сіе по духу любви въ ней живущему“ [4]).—Вопросъ объ участи младенцевъ, неудостоившихся крещенія, Церковнымъ образомъ не разработанъ. Посему и не касаемся его здѣсь. Но сомнительною намъ кажется мысль, будто всѣ мла-

---

[1]) Тамже.
[2]) Тамже, § 9, стр. 15.
[3]) Тамже.
[4]) Тамже, стр. 17.

денцы имѣютъ своихъ Ангеловъ. Господь говоря о младенцахъ, что Ангелы ихъ выну видятъ лице Отца небеснаго, не имѣетъ-ли въ виду сыновъ завѣта, а не язычниковъ? И церковь, употребляя предъ крещеніемъ заклинаніе, даетъ разумѣть, что некрещенный состоитъ подъ другимъ блюденіемъ, а не ангеловъ добрыхъ, и только уже послѣ заклинанія молитъ: сопрязи животу его ангела свѣтла, избавляющаго его отъ всякаго навѣта сопротиволежащаго (молитва четвертая).

„Поклоняясь и славя святыхъ, мы просимъ, дабы прославилъ ихъ Богъ".—На чемъ основывается эта мысль? Вотъ на чемъ: „кто намъ запретитъ просить, да прославитъ Онъ Святыхъ Своихъ" [1]). Не для всякаго удовлетворительно такое основаніе.

„За неизбранныхъ не молимся, какъ и Христосъ молился не о всемъ мірѣ, но о тѣхъ, кого далъ Ему Господь" [2]) (д. б. Отецъ). Поелику мы своимъ судомъ не можемъ опредѣлить, кто избранъ и кто не избранъ, то въ этомъ не имѣемъ и основанія не молиться о комъ-либо. Есть указанія въ писаніяхъ Апостольскихъ на грѣхи къ смерти и къ грѣхи не къ смерти. *Есть грѣхъ къ смерти*,—говоритъ Іоаннъ Богословъ,—*не о томъ говорю, чтобы онъ молился* (I Іоан., 5, 16). Здѣсь основаніемъ, почему не молиться, полагается грѣхъ видимый или грѣховное состояніе, а не сокровенный отъ насъ судъ Божій. Что же касается до указанія на примѣръ Евангелія, то въ настоящемъ случаѣ онъ не идетъ къ дѣлу. Ходатай міра принесъ свою жертву за всѣхъ. Правда, въ первосвященнической молитвѣ Самъ Онъ говоритъ: *Азъ о сихъ молю, не о всемъ мірѣ молю* (Іоан. 17, 9), но это ограниченіе относится только къ извѣстной части Его молитвы. Въ дальнѣйшемъ Онъ молится и о вѣрующихъ въ Него (изъ среды міра) по слову Апостоловъ [3]).

Хомяковъ утверждаетъ, что охраняетъ Церковь отъ погрѣшностей не іерархія, а народъ, и приводитъ слова грамоты патріарховъ [4]).

---

[1]) Таже, стр. 19.

[2]) Таже.

[3]) Здѣсь кончаются замѣчанія А. В. Горскаго на „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви". А. С. Хомякова.

[4]) Разумѣется грамота отъ собора четырехъ патріарховъ восточныхъ и

Это несправедливо. Онъ воображаетъ, что послѣ соборовъ вселенскихъ бывали какія то еще разсужденія у неприсутствовавшихъ на соборахъ о томъ, правильно-ли рѣшенъ тотъ или другой догматическій вопросъ, и только послѣ разсмотрѣнія и единогласнаго одобренія принимались эти опредѣленія [1]). Это фикція. Такихъ сужденій никто снова не предпринималъ, тѣмъ менѣе міряне. Если и было послѣ нѣкоторыхъ соборовъ, именовавшихъ себя вселенскими, опроверженіе ихъ, какъ послѣ собора иконоборческаго или флорентійскаго, то не міряне единственно возставили, но съ ними и остальные іерархи, на соборѣ не присутствовавшіе или на соборѣ терпѣвшіе насиліе. Что касается до словъ грамоты, то она имѣетъ въ виду только внѣшнее охраненіе, а не развитіе и разъясненіе ученія. Во времена гоненія на православіе множество православныхъ естественно должно было защищать пастырей своихъ, готовыхъ стоять за православіе, и императоры опасались ихъ трогать, напр. Валентъ—Василія Великаго. Съ другой стороны, конечно, и пастыри иногда побаивались своего народа, когда они желали въ чемъ-либо измѣнить истинѣ. Въ этомъ смыслѣ говорится, что и нашъ расколъ не мало содѣйствовалъ сохраненію нашей церкви въ древнемъ ея положеніи. Но это не даетъ еще права объяснять непогрѣшимость Церкви міромъ т. е. обществомъ мірянъ, помимо іерархіи: безъ учителей вѣры что было бы это стадо?

На стр. 338 и 339 [2]) Хомяковъ, выясняя свое понятіе о Церкви въ отличіе не только отъ ученія католиковъ и протестантовъ, но и въ отличіе отъ православныхъ богослововъ, будто бы не освободившихся отъ вліянія западной науки, ссылается на посланіе восточныхъ патріарховъ.

Приводимыя по памяти [3]) слова посланія въ отвѣтъ на

---

29 епископовъ, изданная въ 1848 г. въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX „къ Восточнымъ“ о соединеніи Церквей“.

[1]) См. стр. Сочиненія Хомякова, II 44—45. 89. 64. 65 и мн. др.

[2]) См. Письмо V Хомякова къ Пальмеру сочин. А. С. Хомякова. II, 336—341.

[3]) Хомяковъ пишетъ: посланія у меня нѣтъ подъ рукою и я пишу на память.

приглашеніе папы къ союзу, передаются не точно. По переводу посланія, помѣщенному въ Христ. Чт. 1849 г. [1]), вотъ какъ излагается указанное мѣсто. Папа, упрекая восточныхъ въ разныхъ недостаткахъ между прочимъ писалъ: между вами не могло сохраниться единства ученія и священнаго управленія [2]). Отвѣчая на это, посланіе говоритъ: „у насъ православіе сохранило соборную (*καθολικὴν*) церковь непорочною невѣстою Жениху ея, хотя мы и не имѣемъ никакого свѣтскаго надзирательства (*ἀστυνομίαν κοσμικὴν*) или, какъ говоритъ Его Блаженство, священнаго управленія (*ἱερὰν ἐπιστασίαν*), а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери, въ единствѣ вѣры, запечатлѣнной семью печатями Духа т. е. семью вселенскими соборами, и въ послушаніи истинѣ“ [3]). По этому переводу выходитъ странная мысль, будто патріархи, сами священноначальники церкви восточной, сознаются, что у нихъ нѣтъ священнаго управленія. Но они не то хотятъ сказать. Отражая обвиненіе въ недостаткѣ единства управленія, они соглашаются, что нѣтъ у нихъ того мірскаго градоправленія (*ἀστυνομίαν*) т. е. мірскаго владычества, какое присвоилъ себѣ папа подъ благовиднымъ наименованіемъ „священнаго управленія“, но всѣ патріархи соединены между собою общею любовію къ своей Церкви, единствомъ вѣры и послушаніемъ истины. Этого союза любви, вѣры и послушанія достаточно для сохраненія истины въ чистотѣ и церкви въ неразрывности. Итакъ, дѣло идетъ совсѣмъ не объ отрицаніи іерархіи и ея обязанности учить и хранить истину исповѣданія. Подъ именемъ *ἱερὰν ἐπιστασίαν*, отъ котораго отрицаются они, разумѣютъ не свою власть, а папскую власть. Далѣе патріаршее посланіе прибавляетъ (§ 17): „у насъ ни патріархи, ни соборы не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви т. е. самый народъ, который

---

[1]) Окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Хр. Чт. 1849, II, 163—172

[2]) Обратите вниманіе на то, принесло-ли Вамъ какую-либо пользу послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе, вслѣдствіе котораго вы не только съ церквами западными, но и между собою не могли охранить древняго единства какъ въ ученіи, такъ и священномъ управленіи (Латин. слова папы у Пихлера. Gesch. d. kirchl. Trenn. I p. 534). *Прим. А. В. Горскаго.*

[3]) Христ. Чт., 1849, стр. 160. 161.

всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ его, какъ то испытали многіе и изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ покушеніяхъ противъ нея" [1]). Здѣсь говорится не собственно объ учительствѣ, и не приписывается учительство народу или каждому изъ членовъ Церкви, и не отрицается ни право, ни обязанность іерархіи учить, а только указывается, какую услугу въ Церкви оказывалъ и оказываетъ самый простой народъ на Востокѣ своею вѣрностью православію,—дабы тѣмъ отразить папское приглашеніе къ союзу, обращенное къ патріархамъ. Какое участіе въ учительствѣ и охраненіи истинъ православія усвояютъ восточные іерархи самой іерархіи, можно видѣть изъ того же посланія (§ 21). „Наши святые и Божественные Отцы и предшественники, непрерывно преемствующіе другъ другу, начиная отъ Апостоловъ и, поставленныхъ Апостолами, преемниковъ ихъ даже до настоящаго времени,—составляя одну неразрывную цѣпь и соединясь рука въ руку, образуютъ священную ограду, которой дверь — Христосъ, гдѣ пасется вся православная паства на плодородныхъ нивахъ таинственнаго Эдема" [2]).

Расширяя право учительства на всѣхъ, Хомяковъ говоритъ [3]): „въ истинной Церкви нѣтъ Церкви учащей". Самое понятіе объ учительствѣ онъ предлагаетъ не въ строгомъ догматическомъ значеніи его: „всякое слово,—говоритъ онъ далѣе,—внушенное чувствомъ истинно Христіанской любви живой вѣры или надежды, есть поученіе" [4]). Но никакого права не имѣется отказываться отъ понятія объ учительствѣ въ строгомъ его смыслѣ. Ученіе вѣры заключаетъ въ себѣ тайны не для всѣхъ доступныя; потому Ап. Павелъ заповѣдуетъ Тимоѳею принятое отъ него ученіе передать другимъ вѣрнымъ, которые будутъ способны иныхъ научать. Потому отъ епископа и требовалось, чтобы онъ былъ учителенъ. Не стоимъ за фразу: *церковь учащая* въ отличіе ея отъ Церкви учимой: не присвоиваемъ іерархіи наименованіе

[1]) Христ. Чт., 1849, стр. 162. 163.
[2]) Тамже, 168.
[3]) Сочин. А. С. Хомякова, II, 55.
[4]) Тамже, стр. 56.

церкви въ какомъ-либо исключительномъ смыслѣ. Всѣ пастыри и пасомые, учащіе и наставляемые суть члены единой Церкви. Но съ другой стороны странно слышать изъ устъ православнаго такія слова: „кто обращаетъ учительство въ чью-либо исключительную привиллегію, впадаетъ въ безуміе; кто пріурочиваетъ учительство къ какой-либо должности, предполагая, что съ нею неразлучно связанъ божественный даръ ученія, тотъ впадаетъ въ ересь [1])". Православный вѣритъ, что обязанность учительства въ Церкви лежитъ главнымъ образомъ на епископѣ и, потомъ, по его порученію, на подчиненныхъ ему служителяхъ алтаря, что для сихъ степеней предварительно ищется членъ Церкви учительный и испрашивается ему освященіе сего дара. А прочимъ сказано: *не мнози бывайте учители*, или: *женѣ не подобаетъ учити*.

Основательно, но не вполнѣ, самъ же Хомяковъ говоритъ въ другомъ вмѣстѣ о епископахъ и „священникахъ": „епископъ и священникъ—не служители частной общины, а служители Христа во вселенской общинѣ; чрезъ нихъ примыкаетъ Церковь земная, въ нисхожденіи вѣковъ, къ своему Божественному Основателю и чрезъ нихъ чувствуетъ она себя постоянно восходящей къ Тому, Чья рука поставила Апостоловъ, и далѣе [2])". Здѣсь Хомяковъ признаетъ учительство [3]) преимущественною обязанностью епископовъ, признаетъ это право соединеннымъ съ іерархической должностью, признаетъ его не стоящимъ ни въ какой зависимости, отъ внутренней жизни облеченныхъ въ эти должности [4]). Въ этомъ и мы согласны съ нимъ. Но Хомяковъ 1) говоритъ, что епископамъ Церковь предоставляетъ „право и честь объявлять ся догматическія рѣшенія [5])". Спрашивается,—кто же постановляетъ эти догматическія рѣшенія?

---

[1]) Тамже, стр. 58. 59.

[2]) Тамже, стр. 121.

[3]) Имѣются въ виду дальнѣйшія слова Хомякова: „на епископовъ по преимуществу она (церковь) налагаетъ служеніе слова Божія и обязанность поучать слову". Тамже.

[4]) „Всѣ эти права,—говоритъ Хомяковъ, — вяжутся съ іерархическими должностями и не находятся ни въ какой зависимости отъ внутренней жизни лицъ въ эти должности облеченныхъ". Тамже.

[5]) Тамже.

Конечно, не одно какое-либо лицо, напр. папа, а сама Церковь. Гдѣ же? безъ сомнѣнія на соборахъ. Чрезъ кого? чрезъ кого же иначе, какъ чрезъ епископовъ? Только здѣсь, въ постановленіи рѣшеній, принимаютъ участіе они всѣ,—и епископы же потомъ объявляютъ каждый въ своей области утвержденное на соборѣ ученіе, но не какъ свое постановленіе, но какъ опредѣленіе догматическое и правило Церкви. 2) Хомяковъ говоритъ, что Церковь „оставляетъ за собой право судить о томъ, вѣрно-ли засвидѣтельствованы ея вѣра и ея преданіе [1])". Это выводится изъ исторіи нѣкоторыхъ соборовъ, даже имѣвшихъ притязаніе на наименованіе вселенскихъ, которые однако же потомъ были отринуты Церковью, напр. соборъ Флорентійскій. Но что-же? кто отрицалъ его? кто осудилъ его? Народъ, но не одинъ народъ. А формально осудили его патріархи и епископы, не бывшіе во Флоренціи, — патріархи, которые давали полномочія свои мѣстоблюстителямъ, представлявшимъ ихъ лица на соборѣ, и которые потомъ могли и даже обязаны были повѣрить дѣйствія своихъ представителей на соборѣ. 3) Хомяковъ говоритъ, что Церковь „никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ высокаго права поучать слову Божію [2])". Т. е. онъ хочетъ сказать, что и міряпинъ можетъ пользоваться правомъ учительства въ Церкви. Шестаго вселенскаго собора правило 64 говоритъ не то: не подобаетъ міряпину предъ народомъ произносити слово или учити, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину (τάξιν),—отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова и отъ нихъ поучатися Божественному. Излагая основанія сей заповѣди, соборъ продолжаетъ: ибо въ единной Церкви разные члены сотворилъ Богъ, по слову Апостола (1 Кор. 12, 25), которое изъясняя Григорій Богословъ ясно показываетъ находящійся въ нихъ чинъ, глаголя: сей, братіе, чинъ почтимъ, сей сохранимъ. Сей да будетъ ухомъ, а тотъ языкомъ; сей рукой, а другій инымъ чѣмъ либо; сей да учитъ, тотъ же учится. И послѣ немногихъ словъ, далѣе глаголетъ: учащійся да будетъ въ повиновеніи, раздающій да раздаетъ съ веселіемъ, служащій да

---

[1]) Тамже.
[2]) Тамже.

служить съ усердіемъ. Да не будемъ всѣ языкомъ, аще всего и ближе сіе, ни вси Апостолами, ни вси пророками, ни вси истолкователями.—Приведши сіе наставленіе соборъ постановилъ мірянина за нарушеніе сего правила подвергать сорокадневному отлученію отъ общенія Церковнаго. Итакъ нельзя сказать, чтобы Церковь признавала за всякимъ изъ своихъ членовъ право учительства.

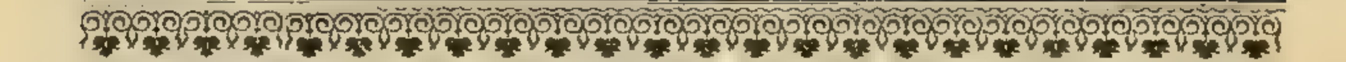
У Хомякова хорошо раскрывается, что между Церквами не можетъ быть уніи, союза, но должно быть единство [1]). Это не политическія тѣла, не государства, но единое тѣло Христово.

Но возстановить такое единство на основаніи одной общей, жизни Церкви до церковнаго раздѣленія IX вѣка невозможно. Мы сами переросли этотъ возрастъ, не остались съ тѣмъ, что намъ было извѣстно по IX столѣтіе (ученіе о благодати и о таинствахъ, о Писаніи и преданіи). Старо-католики еще болѣе. Имъ отъ всего, начиная съ XI вѣка, отказаться невозможно.

Вмѣняютъ Хомякову въ заслугу, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ первый обличилъ церковь католическую въ раціонализмѣ, какъ и протестантство. Но не есть-ли это самое древнее объясненіе происхожденія всѣхъ раздѣленій и ересей отъ разума? *Разумъ кичитъ, любы созидаетъ.*

---

[1]) Тамже.



Воспоминанія П. С. Казанскаго объ А. В. Горскомъ [1]).

А. В. Горскій родился въ 1812-мъ году въ Костромѣ, когда отецъ его Василій Сергѣевичъ, кончившій курсъ въ Троицкой семинаріи въ 1807 году, былъ еще свѣтскимъ учителемъ въ Костромской семинаріи. Въ 1815 году отецъ его рукоположенъ въ священники при Успенскомъ Костромскомъ соборѣ, который тогда не былъ еще каѳедральнымъ. Главная святыня Успенскаго собора—чудотворная икона Божіей Матери Ѳеодоровская. Здѣсь у А. В. и воспитались въ его юности благоговѣйныя чувства къ Богоматери и усердіе къ церковному богослуженію. Въ 1824 году вступилъ онъ въ семинарію, гдѣ такъ отличался успѣхами и дарованіями, что прибывшій изъ Московской академіи ревизировать семинарію въ 1828 году іеромонахъ Аѳанасій Дроздовъ (послѣ арх. Астраханскій) прямо изъ философскаго класса 16-ти лѣтняго А. Горскаго назначилъ къ поступленію въ Московскую Академію. И здѣсь А. В. отличался благонравіемъ, прилежаніемъ, благочестіемъ, любовію къ церковному богослуженію и потому состоялъ въ числѣ пѣвчихъ. Проживалъ онъ въ такъ называемыхъ *Аѳинахъ*—это бывшій тогда нумеръ 9-й подъ инспекторскими комнатами, нынѣ нумеръ 4-й. Здѣсь на старшемъ курсѣ Горскій былъ старшимъ. Здѣсь впервые и я узналъ его, потому что ходилъ учиться къ братьямъ своимъ, которые курсомъ были ниже Горскаго и жили одинъ въ нумерѣ 9, другой въ нумерѣ 10. На время утрен-

[1]) Эти воспоминанія были частію записаны со словъ П. С. Казанскаго В. О. Ключевскимъ, частію написаны самимъ Петромъ Симоновичемъ для того же лица вскорѣ по смерти А. В. Горскаго.

нихъ классовъ я обыкновенно оставался въ нумерахъ готовить уроки. Нерѣдко случалось мнѣ, когда казалось очень труднымъ перевести какую либо фразу изъ греческой хрестоматіи, обращаться съ просьбой о переводѣ къ А. В. и онъ мнѣ переводилъ; случалось, что при этомъ онъ испытывалъ мои знанія въ греческомъ языкѣ. Мнѣ было тогда отъ 10 до 12 лѣтъ, а ему отъ 18 до 20. Онъ нисколько не затруднялся переводомъ съ греческаго. По латинскимъ переводамъ я, кажется, не обращался къ его помощи, можетъ быть потому, что самъ надѣялся сладить съ трудными мѣстами. Это было въ 1830—1832 гг. Въ холерное время классы продолжались, курили въ комнатахъ хлоромъ, но и молились. По праздникамъ хаживалъ я ко всенощной въ Академію и становился на клиросъ. Не осталось въ памяти, на какомъ клиросѣ пѣлъ А. В. и какъ. Въ классы А. В. ходилъ не опустительно. Не помню, чтобы онъ оставался вмѣстѣ со мною въ N, когда были классы. Впрочемъ тогда и всѣ студенты посѣщали классы неопустительно.

Пробывъ годъ по окончаніи курса наставникомъ Московской семинаріи по церковной и гражданской исторіи, А. В. назначенъ былъ (1833 г.) баккалавромъ церковной исторіи въ Академію. Преподаваніе историческихъ наукъ и особенно церковной исторіи было тогда здѣсь въ жалкомъ положеніи. Въ годъ поступленія А. В-ча въ Академію преподаватель церковной исторіи Терновскій-Платоновъ переведенъ былъ на гражданскую исторію за плохое преподаваніе своей науки. Его преемникъ Амвросій не училъ и году, какъ переведенъ былъ изъ Академіи на другое мѣсто. Преемникъ Амвросія Платонъ по особеннымъ своимъ убѣжденіямъ, за которыя и пострадалъ потомъ, вмѣсто церковной исторіи читалъ сочиненія г-жи Гіонъ, Юнга-Штиллинга и подобныя книги. Его смѣнилъ Филаретъ, впослѣдствіи извѣстный ученый; но онъ годъ только читалъ исторію. Неутомимымъ трудомъ и размышленіемъ достигнувъ послѣ вполнѣ заслуженной извѣстности, Филаретъ въ началѣ своей учебной дѣятельности не могъ сдѣлать что-либо для науки исторіи какъ потому, что только годъ одинъ преподавалъ ее, такъ и потому, что не обладалъ вначалѣ ясностію мысли и способностію выражаться ясно. Чтеніе церковной исторіи опять поручили Терновскому-Платонову. Уже по смерти его въ маѣ въ 1833 г.

сдѣланъ былъ наконецъ счастливый выборъ: назначенъ былъ А. В. Горскій.

Взгляды А. В-ча на свою науку отразились въ сочиненіи студента Павла Ѳивейскаго (потомъ Костромскаго архіепископа), напечатанномъ въ 1834 г. и читанномъ на публичномъ экзаменѣ [1]). Студентъ этотъ по лѣтамъ былъ старше своего наставника тремя годами, имѣлъ, если не большія, то и не меньшія свѣдѣнія по предметамъ академическаго курса и съ 1830 года связанъ былъ съ нимъ тѣсною дружбой. А. В. Горскій восполнялъ его своимъ критическимъ талантомъ, котораго не доставало у студента. Этотъ критическій талантъ, можно сказать, въ натурѣ А. В-ча. Сочиненіе это было плодомъ совокупныхъ трудовъ студента и наставника. Митрополиту оно понравилось, и онъ обратилъ вниманіе на молодаго баккалавра. При всемъ неутомимомъ трудолюбіи, конечно, не скоро могъ ознакомиться съ своимъ предметомъ и А. В., хотя и обладалъ весьма счастливой памятью Онъ долженъ былъ одинъ читать то, что теперь раздѣлено между четырьмя наставниками, даже болѣе, ибо патристика и археологія не имѣли особыхъ каѳедръ. Археологія и Библейская исторія были выдѣлены только въ 1844 году, (первая для А. К. Соколова), а русская церковная исторія въ 1858 году (для Н. К. Соколова). Приходилось читать едва ли не каждый день; при трудности подготовки къ лекціямъ А. В. по-неволѣ читалъ часто экспромтомъ. Въ два года онъ долженъ былъ прочитать церковную исторію библейскую, общую и русскую. Кажется впервые познакомило его со славянскими рукописями то обстоятельство, что на Академіи лежала обязанность написать сочиненіе о ересяхъ и расколахъ по предложенію гр. Румянцева. Отдѣльные вопросы изъ этой задачи пытались рѣшать еще прежде, нежели было возложено общее рѣшеніе ея на студента Руднева. Необходимо было обратиться къ рукописямъ. Любознательному наставнику открылся тутъ новый невѣдомый міръ. Карамзинъ указалъ уже, какъ можно имъ пользоваться. Рвеніе къ наукѣ раздѣлялъ съ А. В-чемъ Филаретъ, съ которымъ онъ и связался узами самой тѣсной, самой искренней дружбы.

---

[1]) „Взглядъ на исторію русской церкви", соч. Павла Ѳивейскаго. Напечатано отдѣльной брошюрой.

Это былъ такой другъ А. В-ча, подобнаго которому онъ не имѣлъ въ жизни. Ихъ соединяли и любовь къ наукѣ и искреннее благочестіе и нѣсколько поэтическая настроенность обоихъ. Съ одинаковою ревностію начали они работать надъ рукописями, соревнуя другъ—другу, но не вліяя другъ на друга, и все изданное Филаретомъ впослѣдствіи по русской церковной исторіи было сдѣлано въ Академіи въ это время.

Въ концѣ 1835-го года Филаретъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи. Это было для нея началомъ новой эпохи. Въ большемъ числѣ стали выписывать нѣмецкія ученыя сочиненія по богословскимъ и церковно-историческомъ наукамъ, началось знакомство съ рукописями Академіи и Лавры. Другъ друга поддерживая, одинъ другого ободряя, начали они въ новомъ видѣ излагать свои науки и указывать студентамъ доселѣ имъ невидимые источники для сочиненій, заявляли новыя требованія. Доселѣ преобладало въ Академіи богословско-философское направленіе, дававшее уму исключительно формальное развитіе. Теперь стало возникать историческое направленіе, возбуждавшее интересъ къ положительному знанію. Вслѣдъ за церковной исторіей оживились и другія академическія науки. Въ 1836 г. нашли уже возможнымъ возложить на студента Н. Руднева изслѣдованіе о ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви. Въ 1838 г. оно было напечатано. Но это сочиненіе, обнаруживъ даровитость студента и весьма значительныя свѣдѣнія его наставниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показало, что нѣмецкія книги имѣли частію и недоброе вліяніе на усердныхъ тружениковъ. Здѣсь высказанъ былъ лютеранскій взглядъ на церковныя преданія. Это возбудило не мало шума и опасеній; но дѣло кончилось перепечаткою нѣкоторыхъ страницъ, а между тѣмъ послужило полезнымъ урокомъ и для Филарета и для А. В-ча, у котораго митрополитъ усмотрѣлъ тѣ же нѣмецкія неправильныя мудрованія въ лекціяхъ о пророческихъ училищахъ (лекціи эти представлены были на публичный экзаменъ). Доселѣ библейская исторія, составленная митр. Филаретомъ, считалась единственною учебной книгой по этому предмету. А. В. нашелъ ея оригиналъ: это трудъ Шрекка, котораго она не болѣе какъ сокращеніе. Самъ митр. Филаретъ потомъ разсказывалъ, что разбирая библіотеку

Петербургской духовной Академіи, онъ встрѣтилъ книгу Шрекка. Достоинства ея побудили его передѣлать ее для русскихъ духовныхъ школъ. Нѣмецкіе разборы этой книги помогли А. В-чу указать ея недостатки и заставили его обратить вниманіе на тѣ стороны предмета, которыя опущены были Шреккомъ.

Кажется, что съ 1836 года А. В. увлекался болѣе русской церковной исторіей. Между прочимъ онъ занялся составленіемъ историческаго описанія Троице-Сергіевой лавры, которое въ объемѣ, сокращенномъ почти на половину сравнительно съ рукописью автора, напечатано было въ 1842 году. Сокращенія сдѣлалъ самъ митрополитъ: ему казались излишними нѣкоторыя свѣдѣнія и критическія изслѣдованія, бывшія въ этой рукописи.

Впрочемъ и по библейской и по общей церковной исторіи были уже составлены имъ полные курсы къ тому времени, когда я началъ слушать лекціи А. В-ча (1840—1842 гг.). Изъ ветхозавѣтной исторіи мнѣ остались особенно памятны лекціи объ Авраамѣ. Кажется въ изложеніи ихъ онъ пользовался разсказомъ Гесса. Евангельскую исторію слушали мы съ живымъ сочувствіемъ. Вообще лекціи А. В-ча если не увлекали, то весьма занимали. Въ наше время трое студентовъ П. Палимсестовъ, Н. Соколовъ и Пальмовъ записывали его лекціи каждый классъ, потомъ сличали записанное и составляли уже исправленный списокъ. Этотъ списокъ, помнится, заключалъ въ себѣ до 400 листовъ. Курсъ этотъ распространился по Россіи и сталъ руководствомъ для многихъ въ преподаваніи церковной исторіи, по которой тогда не было пособій на русскомъ языкѣ [1]. Лекціи читалъ А. В. очень громко и одушевленно и написаны были онѣ довольно живо. Свою аккуратность въ чтеніи онъ доводилъ до нѣкотораго излишества: бывало прибѣжитъ въ аудиторію минутъ за 5 до срока. Мы тогда были мало подготовлены,

[1]) Бѣловой списокъ этого курса, принадлежавшій П. Палимсестову, въ настоящее время имѣется въ библіотекѣ Московской Дух. Академіи. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ въ картонномъ переплетѣ, изъ которыхъ въ первомъ на 382 страницахъ (въ размѣрѣ цѣльнаго поллиста обычной писчей бумаги) излагается исторія ветхозавѣтная, во второмъ на 419 стр.—исторія новозавѣтная до 312 года и въ третьемъ на 292 стр.—церковная исторія отъ 312 до 1204 года. *Прим. ред.*

чтобы оцѣнить достоинство этихъ лекцій. Основаніемъ ихъ, кажется, былъ трудъ Неандера. Когда я самъ получилъ довольно свѣдѣній по этому предмету, мнѣ какъ-то не представилось случая перечитать эти лекціи, чтобы составить сознательное сужденіе объ ихъ достоинствѣ. Но ничего противо-церковнаго, ничего, что шло бы противъ нашихъ взглядовъ и убѣжденій, мы въ нихъ не замѣчали. Лекціи были вполнѣ православныя и намъ даже не давали въ руки самого Неандера, чтобы мы не увлеклись его иногда ложными взглядами и сужденіями. Для повторенія къ экзаменамъ по общей церковной исторіи намъ сдавались сокращенныя записки по нѣкоторымъ только отдѣламъ науки. Изъ этихъ лекцій доселѣ (1875 г.) ничего не напечатано кромѣ небольшаго отдѣла, помѣщеннаго въ *Христіанскомъ Чтеніи* за 1848-й годъ, впрочемъ въ сжатомъ видѣ [1]). Впослѣдствіи А. В. много дополнялъ и передѣлывалъ свои лекціи по мѣрѣ того, какъ самъ становился самостоятельнѣе въ изученіи церковной исторіи. Онъ перечиталъ всю греко-византійскую литературу. Прекрасно зная греческій языкъ, онъ внимательно слѣдилъ за подлинными выраженіями памятниковъ и это-то давало ему возможность усматривать ошибки у лучшихъ иностранныхъ историковъ церкви, изъ которыхъ ни одинъ, въ чемъ не сомнѣваюсь, не былъ такъ знакомъ съ греко-византійской письменностію какъ А. В.. Въ первое время онъ не изучалъ исторіи западной церкви въ подробностяхъ. Послѣ она обратила на себя его вниманіе, когда изданіе Миня дало возможность просмотрѣть все, что было писано по этому предмету на латинскомъ языкѣ до 13 вѣка. Изъ западныхъ историковъ онъ съ особенною похвалою относился къ труду Герике въ его послѣднихъ изданіяхъ: это слышалъ я отъ него не разъ. Въ какой степени пользовался онъ исторіей Флери, не знаю, и мнѣ не помнится, чтобы у насъ заходилъ подробный разговоръ объ этомъ трудѣ. Неандера онъ всегда цѣнилъ высоко и считалъ несправедливымъ, что нѣкоторые ставили въ упрекъ Чельцову, зачѣмъ

[1]) Въ 1883-мъ году редакціей академическаго журнала были изданы лекціи А. В. Горскаго по Евангельской и Апостольской исторіи на основаніи собственноручныхъ записокъ самого ихъ автора. Эти лекціи существуютъ въ отдѣльной продажѣ. *Прим. ред.*

онъ пользовался Неандеромъ. „Имъ нельзя не пользоваться, говорилъ онъ, только нужно отсѣкать его пристрастныя сужденія и провѣрять нѣкоторыя извѣстія, которыя можно объяснять совсѣмъ иначе, чѣмъ объясняетъ ихъ Неандеръ".

А. В. навелъ меня на занятіе русской церковной исторіей. Вышла книга мною написанная, но безъ моего имени (Величіе Божіей Матери). Въ *Современникѣ* сдѣланъ былъ очень одобрительный отзывъ объ этой книгѣ, писанный, вѣроятно, Плетневымъ. Въ то время я составилъ описаніе села Новоспасскаго и родословную Головиныхъ. Вмѣстѣ съ ректоромъ Евсевіемъ А. В. обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему я не тружусь для академическаго журнала, гдѣ была помѣщена только одна моя статья *Ученіе Макарія Великаго о благодати.* Это мое студентческое сочиненіе, нѣсколько мною передѣланное. Тогда же А. В. предложилъ мнѣ заняться жизнеописаніемъ преп. Іосифа Волоколамскаго. Когда я былъ студентомъ, то писалъ А. В-чу сочиненіе о религіозномъ состояніи евреевъ во времена судей; въ пособіе мнѣ даны были сочиненія Генстенберга. Жизнь Саввы Сербскаго заставилъ меня писать ректоръ Филаретъ, можетъ быть имѣя въ виду *помощію* живо написанною ученикомъ Саввы Дометіаномъ житія сего святаго рѣшительнѣе привлечь меня къ монашеству. Филаретъ уѣхалъ отъ насъ въ 1841 г. и сочиненіе о Саввѣ сербскомъ я представилъ уже А. В-чу. Въ этомъ сочиненіи я увлекся болѣе нравственною, чѣмъ историческою стороной, да и не много можно было тогда найдти пособій для критической провѣрки и дополненія этого житія. Уставъ св. Саввы былъ намъ доставленъ А. Н. Муравьевымъ. Тогда для *прибавленій къ Твореніямъ св. Отцовъ* я и рѣшилъ составить эту біографію ужъ послѣ, къ чему еще получилъ побужденіе отъ князя сербскаго Михаила, который пріѣзжалъ въ лавру съ А. Н. Муравьевымъ.

Въ нашъ курсъ впервые назначены были студентамъ такъ называемыя *курсовыя* сочиненія для полученія ученой степени. Доселѣ обыкновенно изъ мѣсячныхъ сочиненій избиралось лучшее, которое по одобреніи его академической конференціей и было представляемо въ Св. Синодъ. Историческіе вопросы стали преобладать въ академическомъ преподаваніи и требовалось уже знакомство съ предшествующими трудами по рѣшенію этихъ вопросовъ. Въ 1838 г. со-

чиненіе Мухина о праздникахъ въ честь Богородицы было уже написано подъ вліяніемъ Филарета и А. В. Горскаго. По выходѣ Филарета представителемъ и двигателемъ исторической науки въ Академіи остался одинъ А. В-чъ. Съ 1841 года, когда онъ сталъ библіотекаремъ, начинается болѣе ощутительное вліяніе его на студентовъ и наставниковъ Академіи. Онъ былъ библіотекаремъ 20 лѣтъ и всю академическую библіотеку зналъ доточно, какъ никто. Ни каталога печатныхъ книгъ, ни какого-либо описанія рукописей библіотеки не было; ихъ замѣняла удивительная память А. В-ча; книги и рукописи были, какъ бы сказать, описаны у него въ головѣ. Е. Е. Голубинскій можетъ засвидѣтельствовать, что когда онъ былъ преподавателемъ Виѳанской семинаріи, А. В-чъ отыскивалъ для него статьи по расколу даже въ рукописныхъ сборникахъ. Ни въ какое время, по крайней мѣрѣ для меня, онъ не отказывался идти въ библіотеку за нужными мнѣ книгами. Случалось иногда, въ темный осенній или зимній вечеръ побѣжитъ туда съ фонарикомъ или даже безъ него и подавая съ полокъ одну книгу за другой, спрашиваетъ только, та ли это книга, которую достать требовалось. Онъ могъ въ потьмахъ отыскать въ библіотекѣ надобную книгу. Для наставниковъ и студентовъ онъ былъ не простымъ библіотекаремъ, но и библіографомъ-указателемъ и руководителемъ. Онъ не только давалъ просимую книгу, но при этомъ указывалъ и на другія, гдѣ можно читать о занимавшемъ просителя предметѣ, а потомъ заходила рѣчь о книгахъ, извѣстныхъ ему по рецензіямъ, но которыхъ не было въ академической библіотекѣ, и тутъ же принималось рѣшеніе выписать ту или другую изъ этихъ книгъ. Наконецъ обратилось уже въ привычку не спрашивать у него той или другой книги, а прямо просить общаго указанія, что прочитать для ознакомленія съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Студенты, прежде чѣмъ обращаться за справками по заданнымъ имъ темамъ къ преподавателямъ, ихъ задавшимъ, обыкновенно прибѣгали за указаніями къ библіотекарю. Кто писалъ по его предмету, тѣхъ онъ заваливалъ книгами и былъ очень взыскателенъ. Трудно было угодить ему. Студентъ долженъ былъ предварительно развить данную ему тему въ подробный планъ и съ одобренія наставника работалъ по этому плану. Но къ концу года обыкно-

венно оказывалось необходимымъ измѣнить этотъ планъ, и самъ наставникъ старался облегчить это дѣло своему студенту работая во всю мочь. Это, конечно, затрудняло студентовъ, но вмѣстѣ и возбуждало ихъ, вызывало строго-серiозное отношенiе къ дѣлу. Впрочемъ въ свои радушные ученые совѣты онъ вносилъ и нѣкоторое цензорство, руководимое осторожностью. Такъ студентамъ онъ часто отказывалъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, въ которыхъ, по его мнѣнiю, они не могли найти ничего дѣльнаго, чтобы они даромъ не тратили времени. Въ преподаваемой мною наукѣ, всеобщей гражданской исторiи, онъ не имѣлъ специальныхъ познанiй, а потому у насъ не заходило и рѣчи объ этомъ предметѣ кромѣ сужденiй о выпискѣ того или другаго сочиненiя, начто не щедро было академическое начальство по скудости самой суммы, ассигнованной на библiотеку. При Филаретѣ немало книгъ выписано было на сбереженiя изъ экономической суммы, при Евсевiи насчетъ редакцiи академическаго журнала. Со всѣми ректорами А. В-чъ жилъ въ наилучшихъ отношенiяхъ и выписка книгъ предоставлялась его усмотрѣнiю. Книги отрицательнаго направленiя были запретнымъ плодомъ не только для студентовъ, но и для наставниковъ; онѣ проникали въ Академiю помимо желанiя А. В-ча. Даже Эвальдъ (*Исторiя Еврейскаго народа*) не былъ допускаемъ. Между тѣмъ и А. В-чъ и Филаретъ говаривали, что каждому суждено пройти перiодъ сомнѣнiя, что бояться этого нечего. Но, вѣроятно, не легкую борьбу пришлось вынести въ этомъ отношенiи А. В-чу и впослѣдствiи онъ, кажется, старался ограничить собственную пытливость извѣстными предѣлами. По крайней мѣрѣ, когда я написалъ первую статью противъ принадлежности древнѣйшей лѣтописи Нестору, онъ выразилъ свое неудовольствiе. Пользуясь такими прiемами, говорилъ онъ, можно опровергать все. Но онъ самъ же явился моимъ защитникомъ предъ митрополитомъ, когда онъ, получивъ отъ академика Буткова критику моей статьи, потребовалъ отъ меня объясненiя [1]). Митрополитъ удовлетворился объясненiями и моими, и А. В-ча

---

[1]) Петръ Симоновичъ, очевидно, имѣлъ въ виду, свою статью въ I книгѣ Временника Общ. Ист. и Древн. Росс.: *Еще вопросъ о Несторѣ*. Критику Буткова см. въ *Современникѣ* 1850 г. № 9.

который передъ нимъ высказался рѣшительнымъ защитникомъ моего воззрѣнія. Когда онъ болѣе созрѣлъ въ своихъ познаніяхъ, онъ спокойнѣе относился къ сочиненіямъ отрицательнаго направленія, потому что увидалъ, что уступку имъ придется сдѣлать только въ частностяхъ, а нападки ихъ на существенное были такъ слабы, что не возбуждали опасеній и могли дѣйствовать только на умы недозрѣлые.

При своей удивительной памяти онъ обладалъ необычайной начитанностью, пріобрѣтенной многолѣтнимъ неимовѣрно усидчивымъ трудомъ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ, послѣ чая тотчасъ садился за работу, послѣ обѣда немного отдыхалъ на томъ же диванѣ, на которомъ занимался, и потомъ сидѣлъ до глубокой ночи. Его рѣдко можно видѣть въ обществѣ внѣ монастыря: церковь, аудиторія и библіотека — между ними дѣлилъ онъ свое время, остававшееся отъ кабинетныхъ занятій. Можно подивиться, что при своей учености онъ не оставилъ послѣ себя ничего капитальнаго, если не считать его громаднаго совмѣстнаго съ К. И. Невоструевымъ труда по описанію рукописей Синодальной библіотеки. У него не было желанія быть писателемъ, да и время тому не благопріятствовало. Охранительное вліяніе Филарета слабо поощряло мысль, мѣшало сформировываться выработаннымъ взглядамъ, какому-либо устойчивому отношенію къ научнымъ вопросамъ. Но огромнымъ запасомъ познаній, какой накопился у А. В-ча, онъ любилъ дѣлиться съ другими. Многіе ученые, думаю, могли бы это засвидѣтельствовать [1]). Это научное общеніе доставляло ему удовольствіе, даже когда ему приходилось оказывать ученыя услуги людямъ лично ему непріятнымъ. Сколько безыменнаго труда положилъ онъ, дѣлая многотрудныя справки для разныхъ лицъ и обществъ, для самого митрополита Филарета по разнымъ иногда очень важнымъ вопросамъ русской церковной жизни! Русская Церковь не забудетъ этихъ скрытыхъ работъ, въ свое время безшумно исполненныхъ на ея благо. Онъ писалъ или передѣлывалъ цѣлыя диссертаціи, извѣстныя подъ другими именами, напримѣръ, о преп. Димитріи Ростовскомъ, о Флорентійскомъ соборѣ.

---

[1]) Между ними Петръ Симоновичъ назвалъ Срезневскаго, г. Сухомлинова.

Пока живъ былъ митроп. Филаретъ, всѣ магистерскія сочиненія въ академіи обыкновенно тщательно исправлялись наставниками. Особенно нужно было наблюдать за изложеніемъ, къ которому митрополитъ чаще всего привязывался, и бранилъ онъ за непонравившіяся ему студенческія сочиненія обыкновенно самого пропустившаго ихъ наставника. „Чего ты смотрѣлъ?" Потому во всѣхъ тогдашнихъ академическихъ сочиненіяхъ по церковной исторіи не только указаніе источниковъ, но и самое изложеніе въ значительной степени принадлежитъ А. В-чу. Вотъ одинъ случай. А. былъ студентъ очень не крѣпкій. Но такъ какъ онъ очень понравился митрополиту, который самъ и постригъ его въ монахи, то на академической конференціи, когда стали читать сочиненіе этого студента, владыка сказалъ: „да это лучше всѣхъ, его (студента) и надобно писать (въ спискѣ, не помню, первымъ или вторымъ)". Прочитанъ былъ только приступъ сочиненія. А. В-чъ замѣтилъ: „мысли для приступа были ему даны".—„За то онъ умѣлъ хорошо изложить ихъ!"—„И изложеніе не ему принадлежитъ", скромно добавилъ А. В-чъ. Студентъ былъ записанъ въ спискѣ не выше пятаго. Когда онъ потомъ сталъ ректоромъ Московской академіи, не мало горькаго пришлось претерпѣть А. В-чу. Но такъ какъ А. В-чъ былъ человѣкъ необходимо нужный всякому ректору академіи, то между ними постепенно установились хорошія отношенія, хотя дружбы и не было. По напечатаніи диссертаціи о Флорентійскомъ соборѣ А. В-чъ съ грустью сказалъ мнѣ: „не могу подарить тебѣ экземпляра этой книги, потому что даже мнѣ за труды мои дали только одинъ экземпляръ". Это сочиненіе было не исправлено, а прямо все написано вновь А. В-чемъ и стоило ему трехъ мѣсяцевъ работы, которая шла на моихъ глазахъ.

Во всѣхъ своихъ церковно-историческихъ работахъ, что касалось источниковъ, я пользовался указаніями А. В-ча. Онъ всегда воздерживался высказывать свои сужденія объ ученыхъ вопросахъ, даже и тогда, когда я спрашивалъ его объ этомъ. Онъ обыкновенно отвѣчалъ на такіе вопросы: „объ этомъ можно прочитать" тамъ-то и тамъ-то. Только иногда по усиленной его рекомендаціи какой-либо книги можно было догадаться о его сочувствіи тому или другому воззрѣнію. Иногда и свои сочиненія присылалъ онъ мнѣ

на просмотръ. Такъ *Жизнь Аѳанасія Великаго* предварительно просматривалъ я и по моему указанію онъ передѣлалъ введеніе къ этому труду, нисколько не посѣтовавъ на мою дружескую сердитую критику. Съ самаго поступленія въ наставники Академіи я началъ сближаться съ нимъ и потомъ мы видѣлись съ нимъ почти ежедневно, нерѣдко вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ ѣзжали въ Москву, въ его родную Кострому и даже къ сосѣднимъ помѣщикамъ, къ Головину подъ Дмитровъ въ село Новоспаское, къ Куманину въ Дубровы по Переяславской дорогѣ за 35 верстъ отъ Сергіева посада, гдѣ и гостили сутокъ по-двое. Разъ на масляницѣ отправились въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, но сдѣлалась оттепель и мы, доѣхавъ до Пѣсношскаго монастыря (25 верстъ за Дмитровомъ), едва не утонули въ оврагѣ и воротились назадъ.

Никогда онъ не былъ вполнѣ откровененъ даже въ совѣтахъ. Вырвется бывало у него какъ-то быстро, точно невзначай слово совѣта или какое-либо задушевное признаніе—и онъ тотчасъ покраснѣетъ, словно въ чемъ провинился. Но онъ любилъ и цѣнилъ мою откровенность. Задавалъ я ему и письменные вопросы духовной жизни. Отвѣты его были очень кратки. Самъ онъ никогда не высказывалъ своего направленія.

До своего посвященія въ санъ священника А. В-чъ ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ археологическаго покроя, въ цилиндрѣ, просившемся на покой, въ шинели съ длиннѣйшимъ капюшономъ. Такимъ одѣяніемъ онъ очень напоминалъ своего досточтимаго сотрудника по описанію рукописей Синодальной библіотеки Капитона Ивановича Невоструева. Когда ихъ назначили на это дѣло, тогдашніе академическіе остряки говорили, что рукописи будутъ описывать два Капитона.

О своемъ намѣреніи принять священство онъ сказалъ мнѣ уже тогда, когда дѣло это рѣшено было митрополитомъ. Когда я выразилъ недоумѣніе, онъ въ подтвержденіе своего сообщенія привелъ то обстоятельство, что шубу свою отдалъ перешить на ряску. Когда послѣ доклада ректора Сергія о желаніи А. В-ча принять священство онъ явился къ митрополиту, сей спросилъ: „почему же ты давно не сказалъ мнѣ объ этомъ?“—„Я думалъ, что дѣло это трудное, и не

зналъ, согласятся ли на представленіе о семъ".—„Да я никого и не спрошусь", отвѣчалъ митрополитъ. Принять священство А. В-чъ желалъ для того, чтобы имѣть право предстоять престолу Божію и совершать литургію. Благочестіе его было искреннее, глубокое. Митрополитъ послѣ посвященія сказалъ ему: „желаю, чтобы у тебя нашлось побольше подражателей". А. В-чъ надѣялся, что я послѣдую его примѣру. Но священникъ для себя, а не для другихъ не удовлетворялъ моему понятію о священствѣ. Можетъ быть, надѣвъ ряску, онъ думалъ, что на него падетъ и жребій епископства. По крайней мѣрѣ и я ему говорилъ, что цвѣтная ряска не ограждаетъ его отъ возможности быть избраннымъ въ епископы. Разъ прихожу я къ нему и онъ говоритъ мнѣ: „знаешь ли, что мнѣ нынѣ пригрезилось". — „Какъ мнѣ знать, что Вамъ грезится?"—„Будто я собираюсь посвящаться въ архіереи, а ты, обратясь ко мнѣ, строго сказалъ: что ты задумалъ? тебѣ ли быть архіереемъ, годишься ли ты въ архіереи,—и говорилъ это такъ строго, что я рѣшилъ оставить это. Я сказалъ на это: „и наяву скажу то же самое, что Вы не годитесь быть архіереемъ".

Онъ былъ рукоположенъ во священника въ 1860 г. къ московскому каѳедральному Архангельскому собору: тогда у Академіи еще не было своей церкви. Гораздо ранѣе, въ 1849 г. по опредѣленію Св. Синода поручено было ему совмѣстно съ К. И. Невоструевымъ описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной библіотеки. Съ тѣхъ поръ онъ почти исчезъ для академическаго общества, бывъ и прежде его рѣдкимъ гостемъ. Прежде онъ еще игрывалъ въ пятёчки съ дамами у своихъ семейныхъ товарищей, даже совѣтовалъ молодымъ людямъ не чуждаться общества. Теперь онъ покинулъ свѣтъ, замкнулся въ свою археографическую пустыню. Бывало, когда устроялась вечеринка у кого-нибудь изъ преподавателей внѣ монастыря, въ верхнемъ этажѣ академическаго корпуса, гдѣ обитали холостые наставники Академіи, было темно во всѣхъ квартирахъ; только въ окнахъ А. В-ча всю ночь теплился огонекъ.

Онъ не былъ обходимъ милостями начальства. Такъ въ 1847 г. „за усердное и полезное исправленіе должности баккалавра церковно-библейской исторіи" онъ былъ награжденъ 45 рубл. 35¾ коп., а въ 1851 г. „за трудолюбіе и основа-

тельность, съ какими онъ обработалъ во многихъ частяхъ предметы, имъ преподаваемые", получилъ въ награду годовой окладъ жалованья по профессорской должности 715 рубл. Такъ значится въ его послужномъ спискѣ. Главнымъ, самымъ большимъ его ученымъ дѣломъ было, конечно, его описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, которымъ увѣковѣчено его имя. Оно не осталось безъ участія и въ назначеніи его ректоромъ Московской Духовной Академіи въ 1862 году, каковую должность онъ занималъ до конца своей жизни.

Назначеніе его ректоромъ я привѣтствовалъ съ самыми благими надеждами. Съ 1836 г. онъ былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у всѣхъ ректоровъ Академіи и вполнѣ заслуживалъ это довѣріе: ученая часть Академіи лежала на немъ почти исключительно. Съ 1843 г. начали издаваться *Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ*. А. В-чъ, какъ главный редакторъ, былъ душой этого изданія. Да и кромѣ того черезъ его руки проходило все, что шло изъ Академіи къ митрополиту, все имъ обработывалось. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ академической жизни спрашивали его мнѣнія. Порою онъ и тяготился возлагаемыми на него дѣлами, но бывало только вздохнетъ и снова примется за работу или побѣгаетъ нѣсколько минутъ по своей комнатѣ, подпоясанный платкомъ по халату.

Митрополитъ не безъ колебанія назначилъ его ректоромъ. Онъ совѣтовался объ этомъ съ о. намѣстникомъ лавры (Антоніемъ), который и указалъ на А. В-ча, какъ на достойнѣйшаго и притомъ такого, который постоянно останется при Академіи. У митрополита было опасеніе, чтобы не подать нежелательнаго ему примѣра назначеніемъ въ ректоры академіи немонаха. „Но вѣдь это совсѣмъ монахъ кромѣ цвѣта рясы", возражалъ владыкѣ о. намѣстникъ. Митрополитъ спросилъ Савву, бывшаго ректора: „кого на твое мѣсто?"—Савва отвѣчалъ: „о. Игнатія". — „А почему же не Горскаго?"—„Конечно, достойнѣйшаго ректора нельзя выбрать; но если ужъ Вы желали видѣть его ректоромъ, то зачѣмъ же назначали меня?" — „Ну, тогда нужно было назначить тебя, а теперь можно и Горскаго". Можетъ быть, причиной колебанія митрополита было и то, что въ Академіи былъ тогда старѣйшій протоіерей П. С. Делицынъ.

А. В-чъ принялъ ректорство потому, что его честолюбію льстила надежда быть полезнымъ Академіи. Но послѣ онъ самъ раскаивался въ своей рѣшимости: онъ ясно сознавалъ, что не сталъ администраторомъ, а только пересталъ быть ученымъ, принужденъ пробавляться старымъ, что угнетало его нравственно.

Съ ректорствомъ кончилась моя особая близость къ А. В-чу. Я самъ удалился отъ него, чтобы не говорили, что я управляю Академіей. Потомъ люди, которые не желали моего вліянія на Академію, старались предубѣдить его противъ меня. Притомъ я разсуждалъ и такъ, что при измѣнившихся служебныхъ отношеніяхъ его дѣло опредѣлить наши отношенія личныя. При своемъ открытомъ характерѣ и дружбѣ къ нему я самъ опасался сдѣлаться передатчикомъ ему такихъ вѣстей, которыя безъ того не должны бы доходить до него по желанію многихъ. А быть съ нимъ постоянно на сторожѣ за собою, чтобы не проговориться, не въ моемъ характерѣ. Когда нужно было что-либо сказать ему, я всегда говорилъ ему при свидѣтеляхъ. Не разъ онъ съ огорченіемъ пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не наединѣ сообщаю ему о какихъ-либо безпорядкахъ по Академіи. „А для того, отвѣчалъ я, чтобы виновный имѣлъ возможность или доказать несправедливость моихъ словъ, или оправдать свои дѣйствія. Но у него осталась слабость принимать свѣдѣнія наединѣ и, къ сожалѣнію, только слагать ихъ въ своемъ сердцѣ, не спрашивая прямого объясненія у того, кого касалось сообщенное свѣдѣніе. Это и держало его-же самого въ постоянной тревогѣ и колебаніи. Самъ онъ былъ честный человѣкъ, лукавить былъ неспособенъ, потому былъ довѣрчивъ и не вѣрилъ чужому лукавству.

Въ домашней жизни и въ частныхъ отношеніяхъ у него были свои слабости, но были и свойства, способныя глубоко къ нему привязывать. Была въ немъ наклонность къ насмѣшкѣ; но, бывало, побранишь его за то,—и онъ просилъ прощенія. Имѣлъ онъ привычку курить сигары и очень крѣпкія. Этому бездѣлью научилъ его, какъ онъ говорилъ, ректоръ Филаретъ во время холеры, когда куреніе табаку признавали предохранительнымъ средствомъ противъ этой болѣзни. „Самъ Филаретъ, по словамъ А. В-ча, скоро отсталъ и началъ нюхать, а у меня привычка осталась“. Когда

митрополитъ возсталъ противъ табакокуренія, замѣченнаго въ Академіи, и написалъ противъ этого неизвѣстнаго природѣ лакомства дымомъ и прахомъ худороднаго зелія, А. В-чъ рѣшился бросить свою привычку и заразъ прекратилъ куреніе. „Дня три, говорилъ онъ, было тяжело, но потомъ—ничего“. До ректорства онъ держалъ для меня трубку и табакъ и даже вскорѣ послѣ того, какъ сталъ ректоромъ, предлагалъ завести въ заднихъ комнатахъ трубку, чтобы я могъ покурить.

При его скрытности и замкнутости въ немъ было много благодушія, задушевности. Во время частныхъ и тяжкихъ моихъ болѣзней онъ навѣщалъ меня съ самымъ искреннимъ участіемъ. Онъ легко поддавался стороннему вліянію; недостатокъ характера сказывался въ немъ нерѣдко; его можно было поколебать въ какомъ угодно рѣшеніи и мнѣніи.

Онъ не былъ свободенъ и отъ пристрастій. Впрочемъ его слабость къ родству и землячеству проистекала не изъ того, чтобы именно родство или землячество онъ считалъ достоинствомъ, а изъ наклонности преувеличивать достоинства родныхъ и земляковъ.

Доброта его сердца была неистощима. Онъ, кажется, никому не отказывалъ въ посильной денежной помощи, ходатайствовалъ, гдѣ только могъ, за всякаго, кто просилъ у него ходатайства. Студентамъ онъ много передавалъ денегъ и взаймы, и такъ.

Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ словно дитя, не зналъ многихъ обычныхъ житейскихъ отношеній, не умѣлъ распознавать людей, плохо велъ свои хозяйственныя дѣла. Прислуга его обкрадывала, и онъ привязывался къ ней. Онъ не только не искалъ земныхъ стяжаній, но нерѣдко отказывался отъ нихъ, когда они шли къ нему законнымъ путемъ, хотя постоянно нуждался въ деньгахъ.

Мать свою онъ, можно сказать, обожалъ. Когда онъ выражалъ скорбь о ея смерти и я началъ что-то говорить о ея лѣтахъ, онъ возразилъ: „мать одна у меня“. Скрытный и осторожный въ кругу сослуживцевъ, особенно во время своего ректорства при возникшемъ несогласіи, онъ отводилъ душу въ откровенности съ матерью.

Велико было его усердіе къ храму Божію. Много лѣтъ въ Страстную недѣлю онъ выстаивалъ службы въ лаврскомъ

Троицкомъ соборѣ, а тамъ одна обѣдня съ часами въ понедѣльникъ продолжается *семь часовъ*. Причащался всегда въ Свѣтлое воскресенье въ Трапезной церкви; на первой недѣлѣ великаго поста также говѣлъ. Посты соблюдалъ строго, весь великій постъ никогда не ѣлъ рыбнаго, кромѣ дней, когда это разрѣшается Церковію. Мясную пищу онъ оставилъ рано, признавая ее для себя вредной; ѣлъ одинъ разъ въ день, никогда не ужиналъ. Бывало, окончитъ обѣдъ и утирается краснымъ бумажнымъ платкомъ. Чай пить любилъ.

Пустынникъ среди міра, постникъ, примиритель, ко всѣмъ доброжелательный, безпримѣрно неутомимый въ ученыхъ занятіяхъ, съ громадными познаніями, онъ производилъ сильное нравственное впечатлѣніе. Даже люди, только разъ его видѣвшіе, долго оставались подъ обаяніемъ его благочестія и назидательнаго слова. Надѣленный живымъ темпераментомъ, но сдержанный и скромный безъ притворства, онъ до конца жизни остался монахомъ безъ упрека.

17 октября 1875 г.

Къ воспоминаніямъ о протоіереѣ Александрѣ Васильевичѣ Горскомъ, ректорѣ и профессорѣ Московской духовной академіи.

Знаменитый ректоръ и профессоръ Московской духовной академіи А. В. Горскій скончался въ 1875 году 11 октября, въ возрастѣ не очень преклонномъ,—63 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ его кончины и впослѣдствіи появилось въ печати много некрологическихъ извѣстій, разныхъ замѣтокъ, сообщеній: всѣ они писаны были или его друзьями, или учениками, или почитателями. Несмотря на то, что появившееся о немъ въ печати написано лицами болѣе или менѣе близкими къ нему, все написанное о немъ носитъ печать правды и истины. О покойномъ А. В. Горскомъ можно вспоминать лишь съ любовію и удовольствіемъ; отъ этого всѣ некрологическія извѣстія и разныя замѣтки и сообщенія о немъ отличаются единодушіемъ по части похвалъ въ память почившаго.

Кромѣ небольшихъ по объему извѣстій и замѣтокъ объ о. Горскомъ, въ сравнительно недавнее время появилась еще довольно обстоятельная монографія о немъ же, представляющая, по выраженію автора ея, „опытъ біографическаго очерка“ о. А. В. Горскаго (Серг. посадъ 1897 г., стр. 1—174) и написанная питомцемъ М. д. академіи С. Г. Поповымъ (теперь священникъ въ Москвѣ). Нужно сказать, что тема эта взята названнымъ авторомъ по моей личной рекомендаціи (въ бытность мою профессоромъ М. д. академіи), а самое сочиненіе написано имъ подъ моимъ руководствомъ. Въ

указанной книгѣ очень старательно перечислена вся литература, касающаяся памяти о. А. В. Горскаго [1]).

Въ виду существованія довольно обширной и обстоятельной литературы объ о. Горскомъ, наше желаніе еще разъ повести рѣчи о немъ можетъ показаться излишнимъ. Но есть въ исторіи такія лица, о которыхъ всегда отрадно говорить; къ числу такихъ лицъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія XIX вѣка и въ частности въ исторіи М. д. академіи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ относить о. Горскаго. Въ этой послѣдней исторіи онъ даже занимаетъ первое мѣсто въ ряду ея почившихъ дѣятелей науки и начальниковъ. Къ тому же, мы имѣемъ въ виду сообщить нѣсколько данныхъ касательно этого лица, хотя и не первостепенной важности, но такихъ, о какихъ не было сообщаемо въ печати въ предшествующее время. Въ общемъ наша настоящая замѣтка будетъ носить характеръ воспоминаній и припоминаній, ничуть не претендующихъ на какое-либо особое значеніе въ біографіи приснопамятнаго о. ректора и профессора.

—

Вскорѣ послѣ смерти о. А. В. Горскаго, которой предшествовала почти полугодичная болѣзнь его, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появились некрологическія замѣтки относительно почившаго, въ которыхъ, между прочимъ, выражалась мысль, что дни жизни его намного сократились благодаря тѣмъ тревогамъ и непріятностямъ, какія ему пришлось испытать со введеніемъ новаго устава (1869 г.) во всѣхъ академіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Московской. (Одну изъ такихъ замѣтокъ приписывали проф. А. Ѳ. Лаврову, впослѣдствіи архіепископу Виленскому). Указанная мысль въ свое время въ академическомъ кружкѣ

---

[1]) Къ сожалѣнію, оказалось, что еще рано писать полную біографію о. Горскаго. Напримѣръ, при печатаніи сочиненія г. Попова пришлось выпустить письма о. Горскаго къ архим. Сергію Ляпидевскому, писанныя первымъ ко второму, когда этотъ послѣдній былъ или инспекторомъ, или ректоромъ Моск. духовной академіи. Письма эти были такого содержанія, что ихъ нельзя было удержать въ печатномъ изданіи сочиненія, такъ какъ бывшій архим. Сергій въ это время занималъ каѳедру митрополита Московскаго.

произвела впечатлѣніе явной напраслины на новый уставъ. Но, какъ говорится, нѣтъ дыма безъ огня. Есть много основаній допускать извѣстную долю справедливости за вышеуказанною мыслію, выраженною печатно вслѣдъ за кончиной о. Горскаго. Конечно, было бы преувеличеніемъ думать, что новый академическій уставъ послужилъ къ возникновенію смертельной болѣзни: зародышъ ея, вѣроятно, давно началъ подтачивать на видъ очень крѣпкій организмъ нашего ученаго. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ допускать, что введеніе новаго устава и соединенныя съ нимъ измѣненія не могли не отразиться болѣзненно на натурѣ о. Горскаго. Новый уставъ совершенно, до неузнаваемости, перевернулъ весь строй академической жизни. Каково было это видѣть и чувствовать шестидесятилѣтнему старцу, который почти сорокъ лѣтъ предъ этимъ прожилъ въ должности профессора и потомъ ректора при дѣйствіи совсѣмъ иного режима, — режима, съ которымъ онъ сроднился и почти сросся воедино? По введеніи новаго устава, людямъ престарѣлымъ въ академіи пришлось многому учиться почти сызнова (конечно, не по части науки), примѣняться къ необычному и непривычному, часто переламывать себя. Не даромъ, намъ никогда не приходилось слышать ни одного слова похвалы по адресу новаго академическаго устава со стороны о. Горскаго. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ уставъ если не исхищалъ власть изъ рукъ ректора академіи, то весьма значительно урѣзывалъ и ограничивалъ ее. Въ прежнее время назначеніе новаго преподавателя академіи исключительно зависѣло отъ ректора: онъ рекомендовалъ кого-либо, и начальство утверждало рекомендованное имъ лицо, а по новому уставу введена была закрытая баллотировка кандидатовъ на каѳедру, при чемъ ректоръ располагалъ, наравнѣ съ самымъ молодымъ членомъ Совѣта, лишь единымъ немощнымъ шарикомъ. Ни протежировать кандидату поступить на должность, ни противодѣйствовать ему не было никакой возможности. Даже вопросъ о наказаніи дурно ведущаго себя студента перешелъ изъ вѣдѣнія ректора въ вѣдѣніе коллегіальное—Совѣта академіи. Требованіе ректора наказать извѣстнаго студента могло встрѣтить себѣ противодѣйствіе со стороны академическаго Совѣта. Припоминаю случай изъ временъ ректорства Горскаго: вѣроятно, по настоянію инспекціи, нашъ ректоръ внесъ

предложеніе въ Совѣтъ объ увольненіи студента III курса П*. съ званіемъ дѣйствительнаго студента въ наказаніе его за неблагоповеденіе; вопросъ пущенъ былъ на голосованіе (открытое); я, съ своей стороны, въ качествѣ члена Совѣта, принимая во вниманіе хорошее кандидатское сочиненіе П*., очень храбро подалъ голосъ противъ предложенія ректора. На этотъ разъ предложеніе ректора было большинствомъ голосовъ принято, но весьма легко могъ случиться и обратный исходъ дѣла. По новому уставу, ректоръ не могъ явиться на какой ему угодно экзаменъ, какъ было прежде, а могъ прійти только на тотъ экзаменъ, на какой онъ былъ назначенъ въ качествѣ члена экзаменной коммиссіи, по предварительному опредѣленію Совѣта. Правда, никто не могъ препятствовать ему появиться и на экзаменѣ, когда угодно, но... въ качествѣ зрителя или гостя, безъ надлежащихъ правъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что такое вызванное новымъ уставомъ устраненіе ректора отъ активнаго засѣданія на экзаменахъ, было тяжкимъ крестомъ для о. Горскаго, ибо присутствованіе на экзаменѣ доставляло ему въ прежнее время высочайшее удовольствіе. Слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что предметъ преподаванія нашего ректора, догматическое богословіе, по новому уставу получилъ такое положеніе въ системѣ наукъ академическихъ, которымъ не могъ быть доволенъ онъ. Изъ первостепеннаго положенія, какое имѣла догматика раньше, она попала въ число наукъ, преподававшихся только на одномъ изъ трехъ отдѣленій академіи—на такъ наз. богословскомъ, т.-е. много-много ее слушала лишь одна треть студентовъ. Развѣнчали науку, развѣнчаннымъ оказывался и ея профессоръ. Его значеніе въ академіи умалилось и принизилось: прежде всѣ студенты изучали догматику у о. ректора, всѣ и не разъ (4 раза въ теченіе 2-годичнаго курса) экзаменовались предъ нимъ, всѣ подавали ему семестровое сочиненіе по догматическому богословію, оцѣнка котораго давала о. ректору очень вліятельное положеніе при опредѣленіи мѣста студенту въ разрядномъ спискѣ; всего этого не стало съ появленіемъ новаго устава. О. Горскій сдѣлался профессоромъ одного богословскаго отдѣленія, непопулярнаго въ то время и потому скуднаго слушателями (студенты выбирали то или другое отдѣленіе по своему вкусу), и лишился всякаго вліянія на сту-

дентовъ прочихъ отдѣленій. Худшаго положенія и не выдумаешь для Горскаго!

А непріятности, обусловленныя всѣ тѣмъ же уставомъ, шли своимъ чередомъ и должны были до крайней степени безпокоить духъ о. ректора. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. А. В. Горскій, по своей деликатности, одобрилъ (разумѣется, келейнымъ образомъ) мысль одного, теперь уже покойнаго, профессора (П. С. Казанскаго) представить на требовавшуюся новымъ уставомъ степень доктора богословія одно старое его сочиненіе (съ нѣкоторыми новыми добавками). Изъ этого однако вышла цѣлая исторія, безъ сомнѣнія, стоившая многихъ безсонныхъ ночей о. Горскому. Началось дѣло такъ: прежде чѣмъ подвинулось впередъ разсмотрѣніе докторскаго сочиненія въ надлежащихъ инстанціяхъ, случился неожиданный казусъ: Совѣтъ забаллотировалъ профессора Казанскаго, желавшаго продолжать службу въ дальнѣйшее пятилѣтіе (по истеченіи 30-лѣтія профессорства), и такимъ образомъ исключилъ его изъ своей корпораціи. Мы не сомнѣваемся, что Совѣтъ профессоровъ имѣлъ причины, поступая такъ, а не иначе. Но однакожъ такимъ поступкомъ Совѣтъ сильно оскорбилъ начальника академіи, который связанъ былъ давними товарищескими отношеніями съ пострадавшимъ профессоромъ. При такихъ обстоятельствахъ, естественнѣе всего было ожидать, что забаллотированный профессоръ возьметъ назадъ свое прошеніе о пріобрѣтеніи степени доктора, какъ излишней уже для него, но этого не послѣдовало. Разсмотрѣніе его книги пошло своимъ чередомъ, и сдѣлалось новымъ источникомъ великихъ треволненій для нашего ректора. Сочиненіе проф. Казанскаго поступило для оцѣнки въ такъ наз. церковно-историческое отдѣленіе; но отдѣленіе это большинствомъ голосовъ (всѣ преподаватели церковно-историческихъ наукъ) противъ двухъ (это были голоса двухъ преподавателей гражданской исторіи) не признали автора сочиненія заслуживающимъ искомой ученой степени. Дѣло перешло въ Совѣтъ; но здѣсь оно встрѣтило то, что на парламентскомъ языкѣ называется — обструкція; въ виду невозможности благополучно разрѣшить его, пожелали хоть затянуть его на неопредѣленное время. Сначала члены Совѣта пожелали прочесть книгу, потомъ появились заявленія о составленіи от-

дѣльныхъ мнѣній; при такихъ обстоятельствахъ предсѣдатель Совѣта вызванъ былъ написать съ своей стороны отзывъ съ разборомъ оппозиціи. Процедура тянулась цѣлый годъ. Но какъ все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, кончилось и это дѣло. Въ заключительномъ засѣданіи Совѣта, по разсмотрѣнію сочиненія покойнаго Казанскаго, голоса въ открытой баллотировкѣ (закрытая же была отклонена) раздѣлились на двѣ равныя половины; а такъ какъ на одной половинѣ, какъ естественно, оказался благопріятный голосъ ректора, то такъ наз. большинствомъ ректорскаго голоса проф. Казанскій допущенъ къ публичной защитѣ сочиненія. Защита эта имѣла тоже свою исторію, но, ради краткости рѣчи, о ней мы говорить не станемъ.

Въ связи съ разсказанной сейчасъ исторіей стоитъ появленіе въ то же время полемическихъ статей въ журн. *Правосл. Обозрѣніе* одного изъ профессоровъ академіи противъ сочиненій другого профессора той же академіи, именно архим. Михаила, одного изъ членовъ совѣта энергично противодѣйствовавшаго пріобрѣтенію ученой степени покойнымъ Казанскимъ. Вышеуказанныя статьи возбудили толки и шумъ въ академіи. „Царство раздѣлилось на ся". Глубже всего эти пререканія отзывались на ректорѣ о. Горскомъ, который хотя и не говорилъ, но всегда чувствовалъ, что академія и онъ—одно цѣлое: все неладное въ академіи создавало диссонансъ и въ его душѣ. Онъ счелъ себя вынужденнымъ положить конецъ скандалу и употребилъ для этого энергическія (но, конечно, домашнія) мѣры. Цѣль была достигнута; но чего стоила и эта исторія нашему миротворцу?

Укажемъ еще фактъ. Въ концѣ 1874 года сдѣлалась вакантною экстраординатура на церковно - историческомъ отдѣленіи. Ректоръ вошелъ въ Совѣтъ съ опредѣленнымъ предложеніемъ избрать на вакансію одного изъ доцентовъ; въ то же время профессоръ X. внесъ въ Совѣтъ встрѣчное предложеніе избрать на нее одного изъ двухъ рекомендуемыхъ имъ доцентовъ. Произошла закрытая баллотировка. Кандидатъ, выставленный о. Горскимъ, не получилъ нужнаго числа голосовъ: избраннымъ оказался одинъ изъ кандидатовъ, указанныхъ во встрѣчномъ предложеніи [1]). По

[1]) Такимъ избраннымъ оказался я, нижеподписавшійся. При всѣхъ до-

наблюденію лицъ, близкихъ къ покойному Горскому, происшествіе это глубоко потрясло его: съ этихъ поръ здоровье явно стало измѣнять ему. Ударъ этотъ былъ не по силамъ ему: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не стало въ академіи и на свѣтѣ.

Такъ тревожно и печально прошли послѣдніе годы (1870—1875) жизни нашего знаменитаго ученаго. Мы однакожъ отнюдь не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ числа вышеуказанныхъ лицъ руководился достойнымъ порицанія намѣреніемъ сдѣлать то или другое прямо къ неудовольствію покойнаго о. ректора, на зло и наперекоръ ему. Мы далеки отъ такой мысли и увѣрены: ничего такого не было. Новый уставъ академіи былъ въ высшей степени интересной новинкой. Подъ его вліяніемъ расправлялись крылья у каждаго члена профессорской корпораціи и въ особенности члена Совѣта: онъ давалъ имъ небывало широкія права въ разныхъ отношеніяхъ, значеніе каждаго изъ нихъ возросло. Естественно, всѣ спѣшили воспользоваться своими правами. Почти всѣ желали служить торжеству и обнаруженію правды, безпристрастія и прогресса. Но такъ какъ всѣ эти права даны были корпораціи въ ущербъ центральной академической власти, то естественно возникли нежелательныя и неожиданныя коллизіи между профессорской корпораціей и центральною академическою властію. Нашъ достопочтенный о. ректоръ невольно попалъ въ эту сутолоку, и дорого поплатился за это. Но въ данномъ случаѣ оказывался виновнымъ лишь древне-классическій рокъ. Притомъ же нашъ ректоръ обладалъ натурою нѣжною, почти женственною, очень чувствительною ко всѣмъ житейскимъ препонамъ. Что на другого производило бы поверхностное впечатлѣніе, на него дѣйствовало какъ молотъ судьбы. Да и не нужно забывать, что онъ 38 лѣтъ прожилъ въ академіи при дѣйствіи прежняго, построеннаго на иныхъ началахъ, устава, изъ которыхъ 8 послѣднихъ лѣтъ (до 1870 г.) онъ провелъ въ должности ректора стараго режима. Нужно было, при новомъ уставѣ, во многомъ переламывать себя; но всякій не-

---

стоинствахъ кандидата, выставленнаго о. ректоромъ, онъ имѣлъ одинъ недочетъ въ сравненіи со мной: онъ почти на годъ былъ моложе меня по службѣ въ академіи.

реломъ — явленіе болѣзненное, а для такихъ натуръ, какъ натура о. Горскаго, и опасное по своимъ послѣдствіямъ.

Скажемъ о А. В. Горскомъ, какъ профессорѣ. Въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ своей профессорской дѣятельности онъ преподавалъ церковную исторію, а въ остальное время до конца жизни догматику.

Принадлежа къ Московской академіи почти 30 лѣтъ (отъ 1866 до 1896 г., сначала въ качествѣ студента, а потомъ профессора), мы имѣли удовольствіе слушать его лекціи по этой послѣдней наукѣ. Тѣмъ не менѣе, мы не лишены возможности составить и дать понятіе о курсѣ лекцій А. В. Горскаго по церковной исторіи. Вскорѣ по кончинѣ его, намъ поручено было разобрать бумаги его, имѣвшія отношенія къ этой наукѣ, а въ этихъ бумагахъ отысканы были мной записки его по церковной исторіи, читанныя имъ студентамъ въ аудиторіи. Поэтому я имѣлъ случай достаточно ознакомиться съ содержаніемъ его чтеній по исторіи Церкви. Что сказать о курсѣ этихъ лекцій? А. В. Горскій не оставилъ послѣ себя лекцій такого совершенства, чтобы онѣ могли образовывать эпоху въ исторіи этой науки. На это онъ, безъ сомнѣнія, былъ способенъ, но многое препятствовало осуществленію этого дѣла. Прежде всего, первые годы своего профессорства онъ читалъ всю церковную исторію, теперь раздѣленную въ академіи между четырьмя наставниками. Могло ли хватать силъ одного человѣка, чтобы въ совершенствѣ обработать это обширное поле? Только къ концу 30-лѣтняго періода своихъ занятій церковной исторіей о. Горскій остался преподавателемъ одной древней церковной исторіи. Но, къ сожалѣнію, ненадолго. По странной традиціи, съ возведеніемъ въ должность ректора, онъ обязанъ былъ перемѣнить свой любимый предметъ на догматику. Вслѣдствіе чего на цѣлыхъ 13 лѣтъ всей остальной жизни онъ оторванъ былъ отъ церковной исторіи. А эти 13 лѣтъ много значили бы для церковно-исторической науки въ трудахъ его: потому что въ это время на Руси богословская наука стала дышать свободнѣе, можно стало говорить и писать смѣлѣе, откровеннѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ первыя фазы его профессорской карьеры въ общемъ не благопріятствовали выработкѣ, какъ совершеннѣйшаго профессора своей науки. Но этого

мало: Горскій постоянно былъ заваленъ учеными порученіями отъ начальства. Безъ сомнѣнія, многіе слыхали о его трудѣ: описаніе рукописей синодальной библіотеки,—трудѣ, пріобрѣтшемъ ему безсмертіе въ наукѣ, но отнявшемъ его отъ занятій церковной исторіей. По приказанію митрополита Филарета, онъ составилъ описаніе Троице-Сергіевой лавры,— трудъ очень важный, но взявшій у него много времени, которое могло бы быть употреблено на изученіе прямого дѣла, требуемаго его профессорскою каѳедрою. Мы не говоримъ уже о безчисленныхъ мелкихъ научныхъ порученіяхъ, которыя, какъ дождь, сыпались на его голову. Захочетъ ли познакомиться съ религіей, съ тѣмъ или другимъ серіознымъ вопросомъ въ ней какой-нибудь праздный аристократъ, которому прискучила великосвѣтская жизнь, его знакомили съ профессоромъ Горскимъ, и послѣдній вынуждался вступать въ корреспонденцію съ человѣкомъ, который отъ нечего дѣлать выдумывалъ вопросъ за вопросомъ. Нужно ли начальству имѣть отзывъ о какой-нибудь книгѣ — опять тормошили Горскаго. Иногда худо быть человѣкомъ знаменитымъ! При такихъ обстоятельствахъ достанетъ ли времени на всестороннее занятіе неразработанной наукой? Мы должны еще сказать, что и эпоха, на которую падаетъ большая часть жизни нашего профессора, не споспѣшествовала достодолжному занятію наукой: нужно было держать ухо востро: ибо вмѣсто похвалъ и поощреній можно было нажить себѣ совсѣмъ другое.

Неудивительно послѣ этого, если курсъ лекцій А. В. Горскаго далеко не дѣлаетъ собой эпохи. Лекціи его это не курсъ, пролагающій новые пути въ наукѣ, обогащающій научными открытіями, претендующій на интересъ свѣжести въ воззрѣніяхъ; нѣтъ, это уроки по церковной исторіи, составленные для ознакомленія слушателей съ главнѣйшими сторонами предмета, это какъ бы учебникъ, а не ученое произведеніе. Незамѣтно, чтобы у нашего профессора были излюбленныя стороны науки, надъ которыми онъ работалъ бы по преимуществу, и которыя увлекали бы его. Онъ изслѣдуетъ всѣ предметы, но съ равною степенностію, чтобы не сказать—холодностію. Лекціи его были очень полезны для аудиторіи, потому что онѣ сообщали массу свѣдѣній, критически провѣренныхъ и нужныхъ; но едва ли онѣ могли

увлекать слушателя, едва ли онѣ могли заставить полюбить предметъ, понять и откликнуться на все великое въ исторіи. Главное, нашъ профессоръ не любилъ такъ называемой философіи исторіи, не допускалъ прагматическаго изложенія науки. Историкъ нашъ имѣетъ вездѣ дѣло съ голыми фактами. Дальше сообщенія факта онъ рѣдко идетъ. Онъ строгъ и любитъ налагать на уста свои печать молчанія тамъ, гдѣ этого меньше всего можно было желать. Онъ былъ историкомъ-объективистомъ. Въ его лекціяхъ вы постоянно видите исторію, но рѣдко самого историка. Съ какою тщательностію онъ работалъ надъ наукою, это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ вопросахъ мы встрѣчали у него въ запискахъ по двѣ, по три, даже по пяти редакцій. Горскій, очевидно, желалъ идти впередъ въ своемъ профессорскомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, нашъ ученый съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на такихъ сторонахъ предмета, работа надъ которыми едва ли могла приводить къ какимъ-либо счастливымъ результатамъ (напр. на внѣшней исторіи распространенія христіанства, монашества, на исторіи гоненій отъ магометанъ), и, напротивъ, какъ-то мало работалъ надъ вопросами, наиболѣе плодотворными, напр., на исторіи догматовъ, на исторіи богословскихъ школъ и т. д. Церковный историкъ въ настоящее время съ особеннымъ интересомъ останавливается, какъ разъ наоборотъ, на вопросахъ, о которыхъ нашъ ученый говорилъ мало и сухо. Но зато Горскій съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за текущей западной литературой. Новая книга, любопытное открытіе, новая заграничная журнальная статья были встрѣчаемы имъ съ полнымъ интересомъ. Хоть нѣсколько мыслей, хоть нѣсколько сообщеній онъ сейчасъ же заносилъ въ свои лекціи-записки изъ того, что ему приходилось узнать, прочесть. Любимѣйшимъ авторомъ, который оказалъ особенно сильное вліяніе на его чтенія, это былъ Неандеръ, консервативный, но умный нѣмецкій церковный историкъ. И неудивительно, не увлекаться Неандеромъ въ свое время было невозможно: Неандера можно было читать, и зачитываться. Притомъ, Неандеръ, какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ внутреннему настроенію Горскаго. Этотъ нѣмецкій историкъ получилъ у своихъ соотечественниковъ названіе: theologus pectoralis, сердечнаго богослова. Нашъ Горскій также жилъ сердцемъ. Его истин-

ная религіозность преобладала въ немъ надъ всѣми другими наклонностями. Понятна поэтому любовь его къ Неандеру. Но было бы несправедливо думать, что Горскій читалъ свои лекціи по Неандеру, копировалъ его. Сличеніе лекцій нашего ученаго съ исторіей Неандера показываетъ, что все дѣло ограничивалось вліяніемъ Неандера на Горскаго и дальше не заходило [1]).

Въ началѣ 80-хъ годовъ у меня появлялась мысль издать лекціи о. Горскаго, отпечатавъ ихъ въ журналѣ, выходившемъ при Московской академіи; но мысль эта не встрѣтила сочувствія у тогдашняго ректора академіи протоіерея С. К. Смирнова. Въ виду утраты нѣкоторыхъ страницъ и даже небольшихъ отдѣловъ изъ записокъ Горскаго, пришлось бы при печатаніи этихъ записокъ дополнять ихъ, но это найдено было неудобнымъ. Въ концѣ тѣхъ же 80-хъ годовъ въ Совѣтъ Моск. духовной академіи представлена была г. Палимсестовымъ обширная рукопись, заключавшая въ себѣ церковную исторію Горскаго, съ предложеніемъ отпечатать ее. Тогдашній ректоръ еписк. Христофоръ разсмотрѣніе ея поручилъ мнѣ. Сколько помню, я пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: рукопись представляла очень небрежно переписанную тетрадь, въ которой искажены были и мысли и слова, такъ что только съ трудомъ можно находить смыслъ, да и то невсегда. Ни одна человѣческая рука не исправила рукописи, а писавшій не понималъ, что онъ писалъ. Одно достоинство, и очень важное, я призналъ за рукописью: она была спискомъ съ оригинала лекцій Горскаго, но съ оригинала, вѣроятно, самыхъ первыхъ годовъ профессорства его, а потому потерявшаго научную цѣнность, въ виду болѣе совершенной редакціи записокъ, хранившихся въ то время въ библіотекѣ академіи. Вообще я къ этому дѣлу тогда уже охладѣлъ и не изъявилъ желанія принять участія въ изданіи лекцій покойнаго профессора. Тѣмъ и кончилось дѣло. Такъ лекціи и остались не изданы.

Догматику же, которую читалъ А. В. Горскій, уже въ зва-

---

[1]) Говоря такъ, я оставляю въ сторонѣ, изданную по смерти А. В. Горскаго, его „Исторію евангельской и апостольской Церкви“ (это тоже его лекціи), такъ какъ достовѣрно извѣстно, что эта „Исторія“ заимствована изъ Неандера.

ніи ректора, я слушалъ самъ (въ 1868—1870 гг.) и потому могу сообщить нѣсколько свѣдѣній о преподаваніи имъ этой науки на основаніи живыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній. Главная особенность его чтеній по догматикѣ состояла въ томъ, что онъ не обременялъ голову слушателя массой подробностей, напр. онъ не любилъ въ доказательство извѣстнаго догмата (онъ произносилъ всегда: догма́тъ) приводить много текстовъ св. Писанія, а напротивъ, для этой цѣли онъ выбиралъ одинъ или два текста, но за то разсматривалъ этотъ большею частію одинъ текстъ съ замѣчательною обстоятельностію, при чемъ выводъ получался твердый, убѣдительный и легко воспринимаемый, какъ научный результатъ. Если лекція была выслушана, то можно было дать себѣ самый ясный отчетъ въ томъ, что сказано профессоромъ. Жаль только, что профессоръ иногда пускался въ еврейскую филологію, такъ какъ это былъ напрасный трудъ: по-еврейски почти никто ничего не зналъ и не желалъ учиться (всего знало кое-что по-еврейски человѣкъ пять изъ 60, а остальные и не заглядывали въ аудиторію профессора еврейскаго языка, хотя этотъ языкъ былъ обязательнымъ предметомъ). Достопочтенный преподаватель догматики, во избѣжаніе сухости изложенія и въ противодѣйствіе скукѣ, которая могла появляться отъ слушанія ультратеоретическихъ истинъ, старался всячески разнообразить предметъ своего преподаванія. Припоминаю слѣдующее: онъ обстоятельно и съ большимъ остроуміемъ разбиралъ неправильность опредѣленія понятія: догматъ —въ догматикѣ преосвящ. Макарія; побѣдоносно опровергалъ ученіе о Церкви словянофильскаго богослова Хомякова; раскрывалъ основанія неподлинности извѣстнаго текста: *тріе суть свидѣтельствующіи*... (1 Іоан. 5, 7—8); такъ какъ профессоръ допускалъ и примѣнялъ къ потребностямъ догматическаго ученія *о твореніи* извѣстную геологическую теорію о постепенномъ и медлительномъ образованіи земли, то онъ однажды для удостовѣренія слушателей въ твердости этой теоріи читалъ съ каѳедры статью изъ *Русскаго Вѣстника* о грандіозномъ артезіанскомъ колодцѣ въ Москвѣ (увы, оказавшемся неудачнымъ и теперь не существующемъ), въ которой описывались геологическія формаціи, встрѣченныя при работахъ; онъ пускался въ очень оживленную полемику съ западными учеными, раскрывавшими раціоналистическія

теорін о происхожденіи христіанства, между которыми оказывались и такіе, коихъ лекторъ почему-то именовалъ „пошлыми жидами“ (громогласные возгласы его „пошлый жидъ“ до сихъ поръ стоятъ въ моихъ ушахъ). Съ тою же цѣлію разнообразія и занятности нашъ профессоръ читывалъ болѣе или менѣе значительные отрывки изъ своихъ лекцій по церковной исторіи, въ качествѣ исторіи догматовъ, напр. о пелагіанскихъ и христологическихъ спорахъ, споры объ исхожденіи Духа Святаго и т. п.

Лекціи о. Горскаго по догматическому богословію тоже не напечатаны. Причина этого, какъ намъ объясняли въ Московской духовной академіи, заключается въ томъ, что лекціи его по догматикѣ будто бы несамостоятельны (какая строгость сужденія!). Но если онѣ и несамостоятельны, то почему же ихъ не напечатать, послѣ того какъ найдено было возможнымъ напечатать его же лекціи по „Исторіи евангельской и апостольской Церкви“, о которыхъ издателямъ хорошо было извѣстно, что онѣ составлены въ зависимости отъ Неандера. Да и совершенно излишне требовать отъ лекцій самостоятельности; достаточно, если онѣ научны, т.-е. должны отражать и всасывать въ себя все лучшее, что сдѣлано въ наукѣ даннаго времени. Конечно, можетъ-быть, теперь ужъ и поздно печатать эти лекціи, но это другой вопросъ.

Интересно отмѣтить, что о. Горскій за свое преподаваніе догматики получилъ однажды оффиціальный выговоръ. Этого только недоставало, чтобы знаменитый ученый за преподаваніе науки получилъ непріятность! Хотя это и неправдоподобно, но, несомнѣнно, истинно. Инцидентъ этотъ до настоящаго времени, сколько знаю, не былъ извѣстенъ и лишь недавно разсказанъ въ „Автобіографическихъ запискахъ“ Саввы, архіеп. Тверскаго. Онъ передаетъ слѣдующее. Въ 1866 году, Савва, въ бытность московскимъ викаріемъ, по приказанію митрополита Филарета, отправился, въ качествѣ ревизора, на экзамены въ Московскую духовную академію. Экзамены эти, наконецъ, завершились. Савва представилъ митрополиту донесеніе о ходѣ ихъ, и въ этомъ донесеніи— его (ученика о. Горскаго) были начертаны слѣдующія строки: „Справедливость (?) требуетъ сказать, что отвѣты студентовъ по сему важному предмету (догматическому богосло-

вію), за нѣкоторыми исключеніями, были не вполнѣ удовлетворительны: опредѣленія догматическихъ истинъ излагались не довольно отчетливо; приводимые изъ св. Писанія тексты читались не всегда буквально, а равно и объясненіе сихъ текстовъ не всегда было точно и съ должнымъ разумѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ недостатки учениковъ, безъ сомнѣнія, не могутъ бросать тѣни на достоинство учителя (т.-е. Горскаго). Отличныя дарованія, глубокія и обширныя его свѣдѣнія" и т. д. „Причиною же не вполнѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ по догматическому богословію, по моему мнѣнію,—добавляетъ ревизоръ,—служитъ, между прочимъ (?), назначеніе въ руководство по сему предмету слишкомъ обширной печатной книги (догматическаго богословія преосвящ. Макарія). Болѣе основательнаго и глубокаго изученія догматическаго богословія можно было бы ожидать отъ студентовъ, если бы имъ вмѣсто готоваго обширнаго руководства даваемъ былъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ наукъ, краткій конспектъ науки съ тѣмъ, чтобы на изложенные въ конспектѣ вопросы составляемы были отвѣты ими самими". Митрополитъ Филаретъ, по долгу службы, или по принятому обычаю, представилъ донесеніе Саввы въ Синодъ съ своимъ заявленіемъ [1]), въ которомъ замѣтно старается смягчить и сгладить рѣзкости ревизорскаго отчета въ указанномъ пунктѣ. Синоду слѣдовало бы, можетъ быть, ограничиться опредѣленіемъ: принять къ свѣдѣнію, и сдать бумагу въ архивъ, какъ имѣющую лишь историческое значеніе. Но по неизвѣстной причинѣ Синодъ поступилъ иначе. Преосв. Савва пишетъ: „вслѣдствіе отзыва, сначала предложено было сдѣлать прот. Горскому строгій выговоръ (!!), но потомъ ограничились только тѣмъ, что велѣно (кому?) *сдѣлать ему внушеніе относительно преподаванія догматическаго богословія* [2]). Конечно, А. В. Горскій былъ глубоко оскорбленъ нетактичнымъ поступкомъ своего бывшаго и притомъ не особенно блестящаго ученика—и прервалъ съ нимъ корреспонденцію [3]), какъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) Въ письмѣ на имя товарища оберъ-прокурора.

[2]) *Богосл. Вѣстникъ* 1900 г. май. Приложеніе, стр. 371—375.

[3]) Нужно сказать, что въ ревизорскомъ отчетѣ Саввы (см. тамъ же) о профессорахъ Академіи сдѣланы отзывы или похвальные или благопріят-

объ этомъ самъ виновникъ грустнаго эпизода [1]). Преосвящ. Савва, разсказавъ этотъ инцидентъ, задается вопросомъ, почему прогнѣвался митр. Филаретъ на ректора Горскаго, и старается дать опредѣленный (въ свою очередь, очень обидный для послѣдняго и неосновательный) отвѣтъ. Но развѣ митр. Филаретъ виноватъ въ томъ, что натворилъ Савва? Не значитъ ли это слагать вину съ больной головы на здоровую?

Судя по всему вышеизложенному, произошла какая-то запутанная драма. Если не ошибаемся, дѣло происходило такимъ образомъ. Савва сдѣлалъ извѣстное намъ донесеніе митр. Филарету. Послѣдній, по принятымъ правиламъ, или по долгу службы, представилъ это донесеніе въ Синодъ. Вѣдь не могъ же митр. Филаретъ отвергнуть указанный отзывъ о преподаваніи о. Горскаго, тѣмъ болѣе, что Савва былъ ревизоромъ по назначенію самого митрополита и замѣнялъ въ этомъ случаѣ самого его! Нужно обратить вниманіе, что въ отзывѣ о преподаваніи догматики о. Горскимъ по дорогѣ, но очень сильно задѣта за живое и книга преосв. Макарія: „Догматическое богословіе“; къ тому, что сказано объ этой книгѣ Саввою, еще нѣчто прибавлено самимъ митрополитомъ; выходило, что Москва ополчилась противъ архіепископа Макарія, авторитетнѣйшаго богослова, и противъ его книги, какъ непригоднаго пособія при изученіи догматики въ академіяхъ. Возможное дѣло, что Петербургъ, при видѣ такого фрондированія, всполошился, а многочисленные поклонники Макарія сочли нужнымъ стать на защиту этого ученаго богослова. Поэтому-то, какъ я думаю, бумага, касающаяся экзаменовъ въ Московской духовной

ные, за исключеніемъ Горскаго. Так. обр. выходило, что въ Академіи нашелся одинъ плохой преподаватель: это вашъ знаменитый мужъ!

[1]) Въ запискахъ Саввы подъ 6-мъ августа 1867 г., когда Савва находился въ Сергіевомъ посадѣ по случаю юбилея Митрополита Филарета, значится: послѣ обѣдни ректоръ Академіи, „А. В. Горскій проводивши не знаю кого изъ квартировавшихъ у него архіереевъ, пришелъ ко мнѣ и убѣдилъ меня перейти къ нему въ квартиру на время дальнѣйшаго пребыванія моего въ Лаврѣ. Тутъ мы искренно объяснились относительно послѣдствій ревизіи Академіи, произведенной мною въ 1866 г.“ Такъ отплатилъ любвеобильный А. В-чъ Саввѣ за его ревизорскій отзывъ! — *Прим. редакціи.*

академіи, имѣла другую судьбу, чѣмъ какой она заслуживала. Ей придали значеніе, ее разсматривали, и въ результатѣ получилось... *внушеніе* по адресу о. Горскаго. Во всей этой исторіи есть одинъ только виноватый человѣкъ, это — Савва, серіозно принявшій на себя роль судьи ученыхъ людей и ученыхъ дѣлъ.

Синодомъ „повелѣно было сдѣлать внушеніе", читаемъ у Саввы. Но кому повелѣно? Безъ сомнѣнія, порученіе это выпало на долю митрополита. Но мы не сомнѣваемся, что никакого внушенія не послѣдовало. Митр. Филаретъ, вѣроятно, ограничился констатированіемъ самого факта—и успокоилъ безъ вины виноватаго. Если бы внушеніе было дано, то оно выразилось бы въ какихъ-либо перемѣнахъ по части изученія догматики въ Московской духовной академіи, но такихъ перемѣнъ не послѣдовало. И послѣ донесенія Саввы, студенты готовились къ экзамену по догматикѣ по книгѣ Макарія, о. ректоръ никакихъ конспектовъ не выдавалъ, а студенты никакихъ „отвѣтовъ" своимъ трудомъ не изготовляли. Все осталось попрежнему. И такъ продолжалось до 1869 года, до нашего студенческаго курса. Послѣ перваго же экзамена по догматикѣ (а такихъ экзаменовъ, по вступленіи въ академію, мы держали 3 или 4) [1]), убѣдившись горькимъ опытомъ, что готовиться по „Догматикѣ" Макарія невозможно, что эта книга схоластичная и безмѣрно многословная, студенты заявили достопочтеннѣйшему ректору Горскому, что больше готовиться къ экзаменамъ по этой книгѣ не изъявляютъ намѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о знаменитомъ „внушеніи" (кстати сказать, объ этомъ фактѣ не было никакихъ слуховъ въ академіи, до появленія въ печати произведенія преосв. Саввы) [2]), мы про-

---

[1]) 3 или 4? Помнится, что какъ будто-бы по смерти митр. Филарета († 1867 г.) въ нашъ курсъ (въ 1868—70 г.) вмѣсто четырехъ было лишь три экзамена.

[2]) По воспоминаніямъ проф. Д. Ѳ. Голубинскаго, современника разсказываемаго происшествія, постановленіе Св. Синода о внушеніи было извѣстно нѣкоторымъ профессорамъ, хотя вообще и держалось въ секретѣ. Разумѣется, всѣ профессора, знавшіе о немъ, поспѣшили выразить А. В. Горскому свое сочувствіе, при чемъ случилось такъ, что и самому виновнику всего дѣла, преосв. Саввѣ, пришлось выслушать серіозное внушеніе отъ Е. В. Амфитеатрова. Дѣло было такъ. Разъ, въ быт-

сили ректора сдавать намъ конспектъ предъ каждой его лекціею, и онъ охотно исполнилъ нашу просьбу, при чемъ каждая лекція записывалась, а потомъ воспроизводилась и переписывалась по очереди студентами. По этимъ записямъ и приготовлялись къ экзамену. А про Макарія и забыли. „Книги имѣютъ свою судьбу". Тутъ-то мы только и вздохнули, тутъ-то мы опытно познали, какого прекраснаго учителя имѣемъ мы. Учитель нашъ давалъ отвѣты на вопросы его собственнаго конспекта въ высшей степени основательные, обнимавшіе предметъ съ существеннѣйшихъ сторонъ, интересные, ясные до прозрачности, сжатые, но въ то же время такъ легко укладывавшіеся въ головѣ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить о Горскомъ, какъ ученомъ: матерія это длинная. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать хоть нѣсколько словъ по этому вопросу. Горскій былъ необыкновенный труженикъ науки. О немъ, по справедливости, можно сказать то же, что нѣкто сказалъ о нѣмецкомъ церковномъ историкѣ Баурѣ: „наука была его культомъ". Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ: всѣ богословскія науки равно прекрасно зналъ онъ, да и однѣ ли богословскія науки? Нѣтъ, онъ зналъ исторію во всемъ ея объемѣ, и научнымъ образомъ филологію. Трудно ожидать, чтобы Горскій повторился, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени, въ исторіи нашего духовнаго просвѣще-

---

ность свою въ Лаврѣ на юбилеѣ Митрополита въ 1867 году, Савва присутствовалъ вмѣстѣ съ профессорами на обѣдѣ у А. В. Горскаго, — вѣроятно 30-го августа, въ день имянинъ послѣдняго; по обычаю, за столомъ произносились рѣчи въ честь имянинника, въ которыхъ принималъ участіе и Савва. Послѣ же обѣда, когда въ квартирѣ ректора остались лишь болѣе близкіе къ нему люди, Е. В. Амфитеатровъ обратился къ Саввѣ съ такими словами: вотъ, вы видѣли, какъ высоко чтимъ мы этого человѣка, а Вы что сдѣлали?.. и т. д. Горскій поспѣшилъ прекратить эту сцену, началъ увѣрять, что онъ не придаетъ значенія всему и не обижается имъ и пр. Это, вѣроятно, и разумѣетъ Савва подъ именемъ искренняго объясненія съ Горскимъ, упоминаемаго въ запискахъ.— Затѣмъ, 1-го окт. того-же 1867 года, по случаю исполнившагося 30-лѣтія академической службы А. В-ча, ему былъ поднесенъ профессорами роскошный альбомъ: это поднесеніе, по мысли его инціаторовъ, должно было служить вмѣстѣ съ тѣмъ и косвеннымъ протестомъ противъ непріятности, послѣдовавшей для Горскаго за ревизіей.—*Прим. ред.*

нія! Замѣчательнѣйшую особенность Горскаго составляло то, что онъ совсѣмъ не старился умственно, напротивъ, онъ шелъ и развивался вмѣстѣ со временемъ. Онъ не любилъ, подобно многимъ старцамъ, жить мыслію въ прошедшемъ, тамъ видѣть какой-то золотой вѣкъ, не думалъ противодѣйствовать новымъ требованіямъ, новымъ вѣяніямъ, духу времени въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Горскій съ юношескимъ воодушевленіемъ откликался на все лучшее послѣднихъ дней. Его научныя понятія, его научныя воззрѣнія, даже его языкъ или слогъ всегда оставались въ полной гармоніи съ современностію. Горскій, можно сказать, молодѣлъ съ лѣтами. Онъ какъ бы не имѣлъ нужды въ смерти, о которой иногда говорятъ, что она пришла какъ разъ во-время къ тому или другому человѣку.

И вдругъ намъ возвѣщаютъ, что онъ былъ... египетская „мумія“.

Нашлись, да не какіе-нибудь зоилы, а лица очень почтенныя, которыя сочли себя въ правѣ набрасывать тѣнь на свѣтлый ученый обликъ А. В. Горскаго. Извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ оставилъ послѣ себя „записки“ (быть можетъ, не предназначавшіяся для печати). А въ этихъ запискахъ онъ говоритъ: „Филаретъ (конечно, митрополитъ) по каплѣ выжималъ изъ даровитыхъ преподавателей (ему подчиненныхъ), изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій всякую жизнь, всякую живую мысль, пока, наконецъ, не превращалъ человѣка въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами Московской духовной академіи“. Сынъ Соловьева, извѣстный писатель, В. С. Соловьевъ, сдѣлалъ къ этимъ словамъ своего отца слѣдующее примѣчаніе въ печати: „Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А. В. Горскаго я былъ съ нимъ близокъ, въ качествѣ вольнаго слушателя Московской академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ. При необыкновенной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необычайной сердечной добротѣ (въ муміи-то?), этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнёта—въ крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями: онъ все понималъ *(и это—малоплодность мысли?)*, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго *непри-*

нятаго (курсивъ подлинника) рѣшенія“ [1]). Вышеприведенныя слова и мысли принадлежатъ, во-первыхъ, историку, значитъ знатоку человѣчества, во-вторыхъ, философу, слѣдовательно проницательному психологу. Они могли при своихъ сейчасъ указанныхъ свойствахъ въ самое короткое время, въ нѣсколько дней и часовъ, во время мимолетныхъ встрѣчъ и свиданій узнать и изучить Горскаго, подмѣтить и оцѣнить его духовные недостатки и слабости и даже открыть ихъ скрытый источникъ. Конечно, это дѣлаетъ имъ честь. Но мы лишены такой способности и возможности, хотя подъ одной кровлей съ Горскимъ прожили четыре года и потомъ пять лѣтъ въ самомъ близкомъ общеніи съ нимъ же. И ничего такого, что узнали и открыли отецъ и сынъ Соловьевы— не узнали и не открыли: тѣхъ духовныхъ недуговъ, которые приписываютъ они Горскому, не встрѣчали и не нашли. А нашли мы, что достопочтенный ученый нашъ отъ природы не отличался особенною подвижностію, живостію и большою смѣлостію духа и мысли. А также очень хорошо мы знали, что онъ всегда нѣсколько дичился лицъ постороннихъ, мало ему извѣстныхъ: въ обращеніи съ ними не привыкъ быть нараспашку, многаго не договаривалъ въ бесѣдѣ съ ними и могъ производить впечатлѣніе отчасти человѣка забитаго. А главное, если бы то, что сдѣлано, высказано и открыто Горскимъ и изъ чего оба Соловьевы выводили заключеніе о немъ, какъ „самомъ даровитомъ и ученѣйшемъ профессорѣ“, какъ человѣкѣ „съ блестящими дарованіями“, обладавшемъ „яснымъ пониманіемъ труднѣйшихъ вопросовъ“,— если бы все это опубликовано было и стало достояніемъ науки въ наши дни, то всѣ, безъ сомнѣнія, нашли бы, что все такое создалось у Горскаго подъ вліяніемъ улучшившихся научныхъ условій послѣдняго времени, а вопросы о какомъ-то постороннемъ „гнетѣ“, о „выжиманіи капли за каплей“ изъ нашего ученаго „всякой живой мысли“ и на умъ не пришли бы. Въ дѣйствительности мы даже мало понимаемъ, какой еще „живой мысли, оригинальныхъ взглядовъ“, санкціи „непринятыхъ (кѣмъ?) рѣшеній“ желали и требовали гг. Соловьевы отъ Горскаго? Если они желали, чтобы

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1896 г., іюньская кн., стр. 700 (С. М. Соловьевъ. Нѣсколько данныхъ для его характеристики).

онъ соперничалъ по части смѣлости научныхъ выводовъ съ такими теологами, какъ Штрауссъ, Бауръ, Ренанъ, такъ это — невозможное требованіе: Горскій не обнаруживалъ никакихъ симпатій міросозерцанію указанныхъ теологовъ, и гоняться за ними не хотѣлъ и не думалъ. Имѣлъ ли митрополитъ Филаретъ вредное вліяніе не воспитаніе научнаго духа Горскаго, этого мы не знаемъ. Сколько знаемъ, Горскій никогда не высказывалъ подобныхъ сѣтованій, а въ его „дневникѣ“ (теперь напечатанномъ), не предназначавшемся по идеѣ автора для печати, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на подобный грустный фактъ [1]). Вообще желательно было бы, чтобы люди старшіе, чѣмъ мы, и болѣе близко наблюдавшіе отношенія митр. Филарета и Горскаго, высказали свои сужденія по любопытному вопросу, поднятому отцомъ и сыномъ Соловьевыми. Неужели, на самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время знали мы не дѣйствительнаго Горскаго, а лишь полуистлѣвшій остовъ Горскаго, какъ ученаго мыслителя?

Теперь намъ слѣдовало бы сообщить извѣстія о Горскомъ, какъ ректорѣ академіи, но наша статья затянулась, а потому мы скажемъ объ этой сторонѣ его дѣятельности лишь въ краткихъ словахъ. Когда мы (студенты нашего курса) учились въ Московской духовной академіи, Горскій, какъ ректоръ, по нашему тогдашнему разумѣнію, не представлялъ собою ничего необыкновеннаго: хорошій ректоръ, да и только. И лишь съ теченіемъ времени, когда жизненный опытъ умудрилъ насъ, мы поняли, что Горскій былъ необыкновенный ректоръ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ любилъ студентовъ, какъ собственныхъ дѣтей, дѣлилъ ихъ радости и горе, и,

[1]) Въ „Дневникѣ“ А. В. Горскаго (2 іюля 1837 г.) записано: „Нынѣшній день на испытаніи (т.-е. публичномъ экзаменѣ) мнѣ пришлось держать довольно длинный диспутъ съ владыкою (т.-е. митр. Филаретомъ) по предмету лекціи“. Далѣе описывается, въ чемъ состоялъ этотъ диспутъ (*Приб. къ твор. св. отцевъ*, т. 34, стр. 133—136). Изъ описанія видно, что митрополитъ дѣлалъ много и рѣзкихъ нападокъ на „лекцію“ Горскаго. Но изложивъ, какъ было дѣло, онъ ни однимъ словомъ не указываетъ на то, чтобы нападки владыки обезпокоили и встревожили его Мы хорошо помнимъ, что въ „Запискахъ“ Горскаго вышеуказанная лекція ни въ чемъ не потерпѣла измѣненій, послѣ знаменитаго въ своемъ родѣ диспута.

конечно, чаще всего—горе. Мы такъ свыклись съ отеческими отношеніями нашего ректора, что въ разговорѣ между собою не иначе называли его, какъ „папашка“: не папашей, а именно папашкой. Есть разница между этими выраженіями. Выраженіе: „папаша“ носитъ на себѣ что-то оффиціальное, банальное; напротивъ, другое выраженіе: „папашка“ есть болѣе ласкательное. Его употребляютъ расшалившіяся дѣти, всячески тормоша своего отца. А вѣдь студенты были то же дѣти Горскаго, и дѣти шаловливыя. Мы рѣшительно не боялись нашего ректора. Если онъ принималъ строгій видъ, мы не вѣрили его наружности и были глубоко убѣждены, что это лишь личина, принятая для возбужденія страха въ студентахъ. Да и чего было студентамъ бояться Горскаго? Наказаній безусловно никакихъ не существовало. Объ исключеніи студента изъ академіи за какую-нибудь провинность или за неуспѣхи мы и не слыхали. Провинившагося студента сажали въ тарантасъ или въ вагонъ и отправляли со швейцаромъ по-добру — по-здорову на время домой, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Студенты пользовались полной свободой и жили совершенно по-домашнему, и единственно что угнетало насъ, то это монотонность жизни: развлеченій не было никакихъ. Самъ о. ректоръ называлъ нашу академію „деревенской академіей“. Этими словами онъ выражалъ ту мысль, что мы живемъ по простотѣ, такъ какъ академія помѣщается не въ столицѣ и не въ большомъ городѣ, гдѣ близко начальство и гдѣ много непрошенныхъ соглядатаевъ. Особенную участливость обнаруживалъ о. ректоръ къ болящимъ студентамъ. Больница академическая была обыкновеннымъ мѣстомъ его прогулокъ. Больного, разумѣется тяжко больного, онъ ободрялъ, развлекалъ, присылалъ ему варенья, фруктовъ. Дежурный-старшій (а такой былъ и въ больницѣ, какъ и въ номерахъ студенческихъ) ежедневно доносилъ ему о состояніи такого больного. Извѣстіе о смерти больного онъ встрѣчалъ и принималъ съ искреннимъ рыданіемъ. О. ректоръ ежедневно самъ служилъ панихиды по усопшемъ. На отпѣваніи говорилъ рѣчь, не краснобайную, а трогательную и задушевную. Родители покойнаго тотчасъ извѣщались телеграммой. Если они пріѣзжали, принималъ ихъ, какъ своихъ родственниковъ, заботился объ ихъ помѣщеніи въ академіи, объ ихъ столѣ.

утѣшалъ ихъ, приглашалъ къ себѣ на чай и т. д. Если обойти всѣ уголки нашего безграничнаго отечества, то *другого* такого ректора не найти. Кстати сказать, нашъ о. ректоръ былъ для насъ ссудною кассою. При многочисленныхъ отправленіяхъ на родину и въ экстренныхъ случаяхъ студенты шли къ нему съ просьбой о займѣ денегъ —и онъ никогда не отказывалъ, при чемъ они часто долга не платили. Онъ былъ нашимъ щедродательнымъ отцомъ! А студенты по своему маломыслію думали, что у нихъ *просто* хорошій ректоръ. Слѣдуетъ замѣтить, что у студентовъ совершенно не было обычая оцѣнивать и критиковать дѣйствій нашего ректора. А равно, у насъ не было въ обычаѣ въ разговорѣ между собою хвалить его же. Еще меньше было у насъ порывовъ... говорить ему комплименты. Для наблюденія за занятіями студентовъ ректоръ приходилъ на лекціи профессоровъ (до введенія новаго устава въ Моск. Акад., въ 1870 г.), и если находилъ мало слушателей, посылалъ сейчасъ же за отсутствующими. Если какая-либо лекція не была читаема за ненахожденіемъ приличнаго числа слушателей и разсерженный профессоръ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства, то студенты получали отъ о. ректора нотацію; но подобныя нотаціи плохо дѣйствовали, если профессоръ принадлежалъ къ нагонявшимъ скуку своими лекціями. О. ректоръ иногда посѣщалъ по вечерамъ студенческіе номера; слухъ объ этомъ быстро распространялся, и всѣ студенты спѣшили обложить себя нѣмецкими книгами (было убѣжденіе, что о. ректоръ очень любилъ нѣмецкія книги). Мы всегда были рады этому посѣщенію, смотрѣли на него какъ на праздникъ и сопровождали его, по русскому обычаю, возліяніемъ Бахусу. О, если бы о. ректоръ зналъ, какъ мы справляемъ *свой* праздникъ! Вѣроятно, онъ сталъ бы порѣже навѣщать насъ. Замѣчательно, что у насъ совсѣмъ не было такъ называемыхъ студенческихъ исторій. Въ теченіе моего 4-лѣтняго студенчества и помину не было о такихъ исторіяхъ. Студенты понимали, что они не строго соблюдаютъ требованія устава, чувствовали себя виновными (не такъ стало послѣ!) и держали себя въ границахъ благоразумія. Къ чести М. д. академіи, нужно сказать, что въ теченіе 4 лѣтъ моего студенчества (не знаю, какъ было раньше) въ ней ни разу не появлялось въ рукахъ воспи-

танниковъ никакихъ „подпольныхъ“ изданій. А вѣдь это были смутные 60-е годы! Ни Писаревымъ, ни Чернышевскимъ, ни Добролюбовымъ, изъ которыхъ послѣдняго именовали тогда первосвященникомъ нигилизма, никто изъ студентовъ не интересовался. Въ этихъ отношеніяхъ М. д. академія оставалась даже позади своей младшей сестры, М. д. семинаріи, какъ я знаю объ этомъ изъ личныхъ наблюденій. Въ послѣдній годъ моего студенчества, почти цѣлый годъ на моемъ столѣ возлежало извѣстное твореніе Бюхнера: „Kraft unt Stoff“ (потребное для моего магистерскаго сочиненія), но рѣдко кто изъ студентовъ бралъ у меня эту диковинку матеріализма. А одинъ изъ моихъ товарищей Т., прочитавъ эту книжку, возвращая ее по принадлежности, пренебрежительно замѣтилъ: „если бы я вздумалъ сочинить что-нибудь такое же, я самъ написалъ бы гораздо лучше.“ Вообще о. ректору не было никакихъ хлопотъ по части нашего благомыслія. Но самое это благомысліе не есть ли результатъ вліянія нашего добраго генія, создавшаго для насъ идиллическую жизненную обстановку? Развѣ придетъ въ голову бредъ о переворотахъ, когда жилось такъ легко и, пожалуй, счастливо?

Со стороны интеллектуальной и научной нашъ ректоръ превосходно зналъ своихъ студентовъ. Въ этомъ отношеніи они оставались подъ всегдашнимъ его контролемъ, начиная отъ вступительнаго до выпускного экзаменовъ. О. Горскій читалъ почти всѣ письменныя работы студентовъ, присматриваясь въ особенности къ работамъ лучшихъ изъ нихъ; иногда онъ давалъ, при случаѣ, характеристику всѣхъ семестровыхъ сочиненій по извѣстному предмету, характеристика эта всегда была строга и клонилась къ исправленію литературныхъ недостатковъ молодыхъ людей. Сочиненія, писанныя на темы по его предмету, всегда разсматривались очень тщательно, и часто всѣ поля тетради испещрялись критическими замѣтками. Попадались иногда на тѣхъ же семестровыхъ работахъ студентовъ и замѣтки на поляхъ одобрительнаго свойства. Такъ, въ моемъ сочиненіи находилась, помню, фраза: „позднее раскаяніе богоубійцы“ (рѣчь шла о Шеллингѣ), а рецензентъ противъ этихъ словъ поставилъ помѣтку: bene. Когда студенты начинали писать курсовыя сочиненія, за которыя они потомъ получали сте-

пень магистра или кандидата, то нашъ ректоръ требовалъ отъ лучшихъ студентовъ конспектовъ ихъ будущихъ сочиненій, каковые конспекты и разсматривалъ самъ, по обыкновенію, внимательно и строго. Припоминаю, что мой конспектъ ему не совсѣмъ понравился, онъ исчеркалъ его и недовольнымъ тономъ сказалъ: „возьмите,—что-нибудь выйдетъ“ [1]). Инымъ студентамъ, послѣ этого разсмотрѣнія конспекта, приходилось мѣнять планъ работы и бросать въ огонь уже исполненную часть ея. Любилъ онъ работы объемистыя; разъ одному нетощему студенту, представлявшему свое сочиненіе ему, ректоръ съ ироніей замѣтилъ: „студентъ полненькій, а сочиненіе тоненькое“. Онъ охотно снабжалъ студентовъ книгами, нужными для ихъ работы. Для меня, когда я приступалъ къ своему курсовому сочиненію, онъ выписалъ много книгъ и очень дорогихъ. Говорятъ, что въ болѣе раннее время Горскій непосредственнымъ образомъ руководилъ студентовъ въ ихъ курсовыхъ работахъ, читалъ съ ними книги, комментировалъ ихъ, дѣлалъ сличенія источниковъ, словомъ, подсказывалъ имъ; а въ случаѣ печатанія этихъ сочиненій исправлялъ ихъ и даже переработывалъ. Но въ мое время онъ уже ничего такого не бралъ на себя. Дѣло ограничивалось рекомендаціею книгъ и просмотромъ конспектовъ сочиненій. Горскій очень любилъ присутствовать и присутствовалъ почти на всѣхъ экзаменахъ. При этомъ онъ входилъ во многоразличныя пренія со студентомъ. Цѣнилъ высоко отвѣты твердые и увѣренные, а для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ нѣсколько сбивалъ и запутывалъ экзаменующагося. Разъ, при мнѣ, отвѣчалъ ему

[1]) На этотъ разъ нашъ требовательный ученый ошибся. Вышло сочиненіе отличное, отмѣченное высшимъ балломъ 10. Этого высшаго балла на всемъ нашемъ курсѣ удостоились только два студента: я и С. В. Назаревскій (а на предшествующемъ курсѣ никто изъ студентовъ не заслужилъ его, хотя къ этому курсу относился и талантливый Н. Д. Мансветовъ—впослѣдствіи профессоръ). Я и Назаревскій—оба были москвичи. Видно, что въ то время Моск. духовная семинарія умѣла приготовлять для академіи своихъ воспитанниковъ, несмотря на то, что въ это время ректоръ (архим. Игнатій) и инспекторъ (арх. Григорій) „начальствовали, но не правили“. Ученики семинаріи—нужно отдать имъ честь очень любили чтеніе книгъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что главнымъ рецензентомъ курсовыхъ (магистерскихъ) сочиненій моего и г. Назаревскаго былъ неумытный судья—Горскій.

мой товарищъ П. Этотъ послѣдній привелъ какой-то текстъ. О. ректоръ спросилъ его: „гдѣ находится этотъ текстъ?“—„Въ евангеліи Іоанна“.—„Пріищите“.—П. потянулся за Библіей. Но ректоръ остановилъ его, сказавъ: „не нужно“. Очевидно, Горскому лишь нужно было убѣдиться, увѣренъ ли студентъ въ своихъ словахъ. Случалось, что о. ректоръ оставлялъ въ сторонѣ вопросъ, доставшійся студенту, и начиналъ бесѣдовать съ нимъ о матеріяхъ, относящихся къ вопросу, но не обслѣдованныхъ преподавателемъ. Положеніе студента было не изъ завидныхъ. Но, къ счастію, въ тѣ времена устный отвѣтъ имѣлъ малое значеніе: главную роль при оцѣнкѣ успѣховъ студента играли его сочиненія.

Отношенія о. ректора къ профессорамъ были равныя, благожелательныя и деликатныя. Въ первые годы его ректорства (до 1870 г.) всѣ баккалавры (начинающіе профессора) назначались съ соизволенія о. Горскаго. Правомъ этимъ онъ очень дорожилъ и старался о томъ, чтобы даровитаго студента удержать при академіи и для академіи. Талантливаго И. Д. Мансветова онъ предназначилъ для замѣщенія вакантной каѳедры археологіи еще за годъ до окончанія имъ курса, и употребилъ мѣры къ тому, чтобы эта каѳедра не была замѣщена кѣмъ-либо со стороны, по опредѣленію высшаго начальства. Почти всѣ профессора были учениками Горскаго и питали къ нему глубокое уваженіе. Подобно студентамъ, профессора находились подъ бдительнымъ надзоромъ своего ректора. Въ первые годы ректорства (до 1870 г.) о. Горскій часто посѣщалъ лекціи профессоровъ, вникалъ въ нихъ, дѣлалъ замѣчанія, требовалъ въ томъ или въ другомъ случаѣ объясненій,—происходило что-то въ родѣ диспутовъ между нимъ и лекторомъ. Экзамены не были испытаніемъ только студентовъ, но имѣли касательство и до профессоровъ. Ректоръ вопрошалъ студента, а послѣдній иногда начиналъ путаться; волей-неволей приходилось профессору выступать на подмогу студенту. Но если профессоръ (конечно, молодой) самъ допускалъ при этомъ ошибки, о. ректоръ не считалъ неумѣстнымъ вразумить и самого наставника. Ни одинъ профессоръ въ указанное время не начиналъ никакой серіозной печатной работы, безъ предварительнаго совѣта съ о. ректоромъ. Въ академіи царило единеніе. Все это во многомъ измѣнилось

съ появленіемъ новаго устава въ Академіи (съ 1870 г.). Профессора, предпочитая печатные труды, не стали испрашивать благословенія у о. ректора. Въ качествѣ конституціоннаго ректора, Горскому приходилось допускать до печатанія такія диссертаціи, съ содержаніемъ которыхъ онъ не совсѣмъ былъ согласенъ. Посѣщеніе имъ (рѣдкое) лекцій и экзаменовъ пріобрѣло формальный характеръ. Отношенія его къ профессорамъ стали утонченнѣе [1]) и т. п.

---

[1]) Г-нъ Поповъ пишетъ въ своей вышеуказанной книгѣ: „Въ качествѣ иллюстраціи къ характеристикѣ отношеній А. В., какъ ректора къ профессорамъ, мы приведемъ, со словъ одного изъ нихъ, два примѣра того, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался съ ними А. В. Въ 1870 году, когда по новому уставу въ академіи вводились новые предметы и учреждались соотвѣтствующія имъ каѳедры, тотъ, кто передавалъ этотъ фактъ (только что окончившій тогда курсъ академіи), заявилъ свою кандидатуру на одну изъ нихъ. Предъ пробными лекціями, которыя онъ долженъ былъ для этого сдать, онъ жилъ въ академіи и готовился къ нимъ. Приходилось ему по временамъ бывать и у ректора. Бывало, придетъ къ нему,—онъ благословитъ, скажетъ, что нужно, и ускользнетъ сейчасъ же въ свои внутренніе апартаменты: аудіенція тѣмъ, обыкновенно, и кончалась. Наконецъ, лекціи были успѣшно сданы, искатель академической каѳедры занялъ ее. Въ тотъ же самый день ему надобно было отправиться на родину. Онъ пришелъ къ ректору заручиться его изволеніемъ на то, кстати и проститься съ нимъ. И что же—тутъ былъ ему другой пріемъ. Ректоръ не благословилъ его, какъ дѣлалъ прежде, а дружески пожалъ ему руку, назвалъ по имени и отчеству, чего прежде не дѣлалъ, пригласилъ съ собою сѣсть и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Вотъ другой случай. Въ ректорство А. В. одинъ изъ профессоровъ, въ академіи уже послужившихъ, представилъ въ Совѣтъ свою докторскую диссертацію и просилъ дать дѣлу надлежащій ходъ. Диссертація была поручена на разсмотрѣніе тому самому лицу, которое объ этомъ разсказывало намъ. Въ научномъ отношеніи трудъ оказался незавиднымъ, и рецензентъ въ такомъ смыслѣ аттестовалъ его въ своемъ отзывѣ Совѣту. Ректоръ не захотѣлъ огорчать неудачей заслуженнаго профессора и, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, написалъ о его диссертаціи свой отзывъ, вполнѣ ему благопріятствующій. Долгое время А. В. не приходилось встрѣчаться съ рецензентомъ. Но потомъ вотъ что произошло: разъ какъ-то въ часы лекцій, идетъ рецензентъ-профессоръ коридоромъ въ профессорскую комнату, вдругъ изъ одной аудиторіи отворяется дверь, и въ ней показывается ректоръ. Это было такъ неожиданно (потому что еще не было звонка) для профессора, что онъ даже не догадался и поклона сдѣлать ему. Ректоръ, взволнованный, идетъ въ свои покои и чрезъ нѣсколько времени велитъ пригласить къ себѣ профессора. Тотъ приходитъ. Ректоръ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ толковать ему о томъ, что въ научныхъ вопросахъ люди могутъ не согла-

Св. Григорій Богословъ говорилъ о себѣ, что во время изученія наукъ въ Аѳинахъ онъ зналъ лишь два пути: одинъ—въ школу, а другой — въ церковь. То же самое можно сказать и о А. В. Горскомъ, который почти въ теченіе 50 лѣтъ зналъ въ академіи только двѣ дороги: въ аудиторію и въ церковь. Въ особенности горячо любилъ онъ свою академическую церковь: эта церковь была сооружена имъ самимъ на крохи, собранныя его святымъ усердіемъ съ присоединеніемъ немалаго количества рублей изъ его собственнаго тощаго кармана, и безъ всякаго долгу. Можно сказать, что нашъ о. ректоръ зналъ, на какія деньги пріобрѣтенъ каждый гвоздь въ ней. При освященіи церкви (въ нач. 1870 г.) онъ произнесъ превосходную проповѣдь. Богослуженіе о. ректоръ нашъ совершалъ такъ, какъ рѣдко кто совершаетъ его. Онъ весь превращался въ молитву и благоговѣніе. Его лицо просвѣтлѣвало, его голосъ становился звучнымъ, выразительнымъ, въ душу проникающимъ. Онъ весь преображался и дѣйствительно становился предстоятелемъ церкви. Взирая на него, совершавшаго богослуженіе, можно было и къ нему прилагать тѣ слова, которыя Григорій Богословъ употребилъ, описывая духовный обликъ предстоятеля церкви своего времени и предсѣдателя II вселенскаго собора (Мелетія): „онъ весь былъ въ Богѣ". А церковныя поученія нашего о. ректора? Только тотъ знаетъ цѣну имъ, кто имѣлъ счастіе имъ внимать. Укажу одинъ примѣръ. Былъ Великій четвертокъ. Наступило время принятія причастія присутствующими въ храмѣ. Выходитъ со св. чашею ректоръ, внушительный видомъ, какъ пророкъ, уста его отверзаются, чтобы сказать обычное для него поученіе предъ чашею и надъ чашею. Началъ онъ такъ: *Аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ мя.* Священный трепетъ проникъ въ сердца причастниковъ. Безъ сомнѣнія,

---

шаться между собою, спорить, расходиться, но это не должно портить ихъ личныхъ отношеній,—что, вотъ, въ немъ онъ замѣтилъ непріязнь къ себѣ, послѣ того какъ написалъ онъ вышеупомянутый отзывъ,—что напрасно онъ гнѣвается на него и т. д. все въ томъ же духѣ. Профессоръ сначала долго не понималъ въ чемъ дѣло; а потомъ, когда узналъ, объяснилъ свой поступокъ и успокоилъ встревожившагося ректора". (Стр. 134—135) —Рѣчь въ обоихъ случаяхъ идетъ обо мнѣ. Написанное авторомъ (г. Поповымъ) записано имъ съ моихъ словъ.

затѣмъ послѣдовало то же, что было нѣкогда: *и начаша глаголати ему* (въ сердцѣ своемъ) *единъ кійждо ихъ: еди азъ есмь Господи* (не я ли, Господи? Матѳ. 26, 21—22) . . . .
. . . .
Но вотъ раздались первыя слова поученія, миръ снова водворился въ душахъ причастниковъ. Страшныя слова проповѣдникъ примѣнилъ и относилъ къ себѣ самому... Такія минуты никогда не забываются!

Земной поклонъ тебѣ, о. Александръ Васильевичъ, — тебѣ, знаменитому ученому, великому ректору, необыкновенному человѣку отъ твоего ученика и младшаго твоего сотоварища по профессурѣ.

А. Лебедевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.